

ХУСРАВ ИБН МУХАММАД БАНИ АРДАЛАН

ХРОНИКА

(ИСТОРИЯ КУРДСКОГО КНЯЖЕСКОГО ДОМА БАНИ АРДАЛАН)

Перевод: Е.И. Васильевой

ВВЕДЕНИЕ

Книга Хусрава б. Мухаммада содержит историю некогда могущественного курдского княжеского рода Бани Ардалан, который правил с конца XII до 60-х годов XIX в. Основу владений Бани Ардаланов составляла область Арделан в Иранском Курдистане. В хронике Хусрава б. Мухаммада содержатся ценные сведения о курдах Арделана: о племенах, проживавших в этом княжестве и соседних курдских эмиратах, о взаимоотношениях отдельных курдских племен и курдов с персами и турками. Сведения историка, дополненные и подкрепленные информацией из других источников, позволили наметить этногеографическое районирование Арделанского княжества XVIII—XIX вв. и выявить некоторые особенности социально - экономических отношений в этой части Восточного Курдистана.

Книга Хусрава б. Мухаммада — ценный источник и по истории Ирана. Представляя собой жанр локально-династийных хроник, она резко отличается своей концептуальной направленностью от произведений придворной иранской историографии. Сравнение сведений исторических произведений этих двух групп дает возможность ознакомиться с различным освещением одних и тех же событий. Выявление и публикация каждого нового источника по локальной истории областей и городов Ирана, по мнению И. П. Петрушевского, является крупным событием в области иранистики ¹.

Изучение истории курдского народа до сих пор весьма затруднено из-за слабой разработки историографического аспекта проблемы и в настоящее время предполагает в первую очередь сбор, выявление и введение в научный обиход нарративных источников ². Поэтому перевод и исследование хроники Хусрава б. Мухаммада, принадлежащей перу курдского историка, представляет несомненный интерес прежде всего в плане расширения и углубления историографических изысканий по истории курдов.

Арделанская историография и история Арделанского княжества, несмотря на наличие местных хроник, не нашли научного [10] освещения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Небольшая по объему статья В. П. Никитина «Les Valis d'Ardelan», появившаяся в 1922 г. на страницах журнала «Revue du Monde Musulman», представляет краткий, совершенно лишенный критического подхода, а временами и не совсем точный пересказ сочинения одного из представителей местной курдской персоязычной историографии Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал- Мулка — *Хади́ке-йи Наси́рийе*, написанного в 1309—1310/1891—93 гг. ³. Названная хроника, несомненно, интересна для воссоздания истории данного курдского региона и заслуживает как более тщательного и подробного исследования, так и более критического отношения.

Хроника Хусрава б. Мухаммада в описанных рукописных собраниях представлена списком из Национальной библиотеки Парижа ⁴, поступившим в хранилище в 1884 г. Она не привлекла внимание исследователей, и единственное краткое описание текста содержится в каталоге Э. Блоше ⁵. Сочинение упоминается также в библиографическом труде Ч. А. Стори ⁶ и в книге В. П. Никитина «Les Kurdes. Etude sociologique et historique» ⁷. По словам В. П. Никитина, персидская рукопись, хранящаяся в Национальной библиотеке Парижа и написанная на тот же сюжет, что и *Хади́ке-йи Наси́рийе* (автор, без сомнения, имеет в виду хронику Хусрава б. Мухаммада), лишь незначительно отличается от труда Мирза 'Али Акбар-хана «в основных своих положениях». Такое заключение историка нельзя назвать бесспорным, если не иметь в виду иод «основными положениями» имена арделанских правителей и последовательность их правления. Текстуальных совпадений при сравнении двух манускриптов также не удалось обнаружить.

В 1977 г. в Тегеране осуществлено первое издание хроники Хусрава ибн Мухаммада под названием «Лубб-и таварих». Издание подготовил курдский ученый из Ирана доктор Исма'ил Ардалан с помощью 'Али Ардалана и Сайфаддина Ардалана. Все трое, судя по их именам, являются потомками дома Бани Ардалан. В основу издания положена рукопись, представляющая собой, по словам Исма'ила Ардалана, автограф с печатью библиотеки князей Арделана, хранителем которой при Хусрав-хане Накаме (1824-25—1834-35) был Хусрав б. Мухаммад ⁸. Исма'ил Ардалан считал [11] список уникальным ⁹ — о существовании парижской рукописи ему, по - видимому, не было известно. К 40-м годам нашего столетия манускрипт принадлежал Гулам 'Али-хану Ардалану, по инициативе которого в 1327/1949 г. было изготовлено небольшое количество машинописных копий части книги Хусрава ибн Мухаммада, которые были им подарены членам семьи Ардалан

¹⁰. При подготовке текста хроники к изданию использована одна из этих машинописных копий, которая была передана издателю текста в 1976 г. и, по его словам, изобиловала ошибками и неточностями ¹¹.

Подготовительные работы велись в процессе длительных обсуждений и предельно тщательной сверки и сличения текста рукописи и машинописной ее копии. «Старания наши,— пишет Исма'ил Ардалан,— сводились к тому, чтобы сохранить подлинное написание, избегая любого вмешательства и изменения» ¹². В тексте, как утверждает его издатель, оставлено без изменения даже то, что представлялось несовершенным в отношении стиля и ошибочным. К авторскому тексту, воспроизведенному наборным способом, добавлены лишь знаки препинания (не всегда уместные и оправданные). Таким образом, цели издания сводились к публикации текста, отсутствует введение в изучение труда Хусрава ибн Мухаммада, нет указателей. Краткие примечания к тексту в основном содержат пояснения к географическим названиям и словам, которые, по мнению издателя, могли остаться для читателей непонятными. Дважды даны небольшие исторические справки и примечания текстологического характера.

Тегеранское издание выполнено по рукописи, на основании которой можно заключить, что написание книги было закончено в 1249/1833-34 г., т. е. при жизни Хусрав-хана Накама, что и отмечено в послесловии к тексту хроники ¹³. В парижской рукописи последним текущим годом назван год 1250/1834-35, рассказывается о смерти Хусрав-хана Накама, а его наследнику и старшему сыну Риза - Кули-хану посвящена отдельная глава, которой предпослано, по-видимому, весьма красноречивое, с точки зрения автора сочинения, название: «Связанный благоухающим амброй пером букет из базиликов и гиацинтов [букв] относительно достоинств его высочества благодетеля [нашего] Риза-Кули-хана, сына Хусрав-хана». Глава занимает в рукописи лл. 95а—107а — т. е. около 25 страниц.

Парижский манускрипт и рукопись, по которой осуществлено тегеранское издание, имеют значительные расхождения в тексте. Списки почти постранично имеют заметные стилистические [12] различия (за счет изменения порядка слов, употребления синонимов) и весьма существенно дополняют друг друга, поскольку в каждом из них наличествуют иногда довольно значительные фрагменты текста, отсутствующие в другом. В парижской рукописи весьма ощутимы внесенные автором коррективы и стилистические исправления, нацеленные на придание повествованию ритма рифмованной прозы.

Наибольший интерес представляет сравнение последней главы в тегеранском издании и предпоследнего раздела парижской рукописи, посвященных правлению Хусрав-хана Накама. За то время, которое отделяет парижский список от манускрипта Гулам 'Али-хана Ардалана, Хусрав - хан успел умереть, что побудило историка заметно откорректировать свое отношение к покойному правителю и к его наследнику. Изменению подверглось даже название главы. Вместо пространного заголовка в тегеранском издании: «Вознесение стяга знамени *калама* во изъяснение похвал его высочеству гордости валиев Хусрав-хану» в парижском списке читаем: «О его высочестве гордости валиев Хусрав-хане» ¹⁴. В парижском списке хроники отсутствует значительный, занимающий в тегеранском издании более трех страниц (стр. 95—98), отрывок с высокопарным, неумеренным восхвалением достоинств и добродетелей Хусрав-хана — единственного, как утверждает историк, на весь мир по своей отваге и мужеству, не имевшего себе равных в красноречии, мудрости и талантах, несравненного каллиграфа и поэта. Прославленные персидские поэты Са'ади и Хафиз, по заверению Хусрава б. Мухаммада, годились ему лишь в ученики ¹⁵. Единственное, что при этом позволил себе автор отметить и что может быть воспринято за желание слегка пожурить Хусрав-хана, это неумеренность в одаривании подданных, постоянное вкушение «благоуханных напитков» и «пурпурных вин» да любовь к луноликим красавицам ¹⁶. Вместо этих пространных похвал на страницах парижской рукописи мы находим жалобы Хусрава б. Мухаммада на князя, который при всей своей щедрости автора книги «оставил влачить самое жалкое существование» ¹⁷. И По представлениям историка, необходимость в большом числе похвал Хусрав-хану в связи с его кончиной отпадала. Обращает на себя внимание пунктуальность автора, с которой он убирает значительную долю пышных эпитетов, кажущихся ему теперь ненужными, а главное не совсем оправданными ¹⁸. Со смертью князя изменилось отношение историка к его бывшему окружению. [13] Например, если в тексте издания временное исцеление Хусрав-хана от болезни объяснялось стараниями его главного лекаря — «Платона [своего] времени... Мирза Мухаммада *хаким-баши*», то, согласно парижской рукописи, заслуга целиком и полностью принадлежала Аллаху: «Некоторое время спустя благодаря совершенной мудрости [и] милости вечного бога [он] исцелился в лечебнице милосердия Единственного» ¹⁹.

Любопытный сюрприз ожидает исследователя и в заключительной главе парижской рукописи, посвященной сыну Хусрав - хана Риза-Кули-хану. На лл. 103а—104б манускрипта мы находим часть, точнее фрагменты текста, посвященного в издании описанию добродетелей Хусрав-хана ²⁰, которые после кончины князя были, по-

видимому, изъяты автором из ткани сочинения ²¹. Не желая тратить перлы своего красноречия на восхваление теперь уже покойного правителя, Хусрав б. Мухаммад приспособливает их для нужд последней главы, а именно — для описания Риза-Кули-хана. Это и объясняет непонятное на первый взгляд упоминание в тексте об увлеченности молодого валия (в 1250/1834-35 г. Риза-Кули-хану, согласно хронике, было десять лет ²²) винопитием, луноликими девами и танцовщицами ²³.

Таким образом, при сопоставлении парижского списка хроники и тегеранского издания можно отметить, что а) они имеют значительные расхождения в тексте, б) варианты книги, представленные парижским манускриптом и рукописью Гулам 'Али-хана Ардалана, хронологически разделены по крайней мере годом. Все это вместе взятое свидетельствует о наличии двух авторских редакций сочинения, из которых ни одна не исключает другую, а, наоборот, служит к ней ценным дополнением. Поэтому наличие тегеранского издания хроники не только не отменяет необходимости воспроизведения текста парижской рукописи, но и придает такой публикации еще большую актуальность.

В заключение следует отметить, что работа над текстом хроники Хусрава б. Мухаммада в Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР и в Иране велась параллельно (наша работа отправлена в Издательство в 1977 г. и в мае 1977 г. опубликован автореферат кандидатской диссертации на эту тему; тегеранское издание осуществлено в сентябре 1977 г.). Исполнители совершенно независимо друг от друга занимались изучением двух различных рукописей (парижской и из частной коллекции рукописей семьи Ардалан), которые и в том и в другом случаях **[14]** принимались за уникальные ²⁴, представляя собой в действительности две авторские редакции сочинения.

Переводов труда Хусрава б. Мухаммада на другие языки не существует. Настоящее издание представляет первый перевод сочинения на русский язык и первое его исследование. Для сравнительного анализа хроники привлечены следующие источники:

1. История курдов *Шараф-наме* Шараф - хана Бидлиси. Рисуя обширное историческое полотно судеб курдского народа до конца XVI в., Шараф-хан Бидлиси посвятил правителям Арделана первую главу второго раздела «О великих правителях Курдистана, которые хотя и не претендовали на султанский титул и не стремились к восшествию на престол, но иногда читали *хутбу* и чеканили монету со своим именем» — *фасл-и аввал Дар зикр-и хакиман-и Ардалан* ²⁵. Сочинение представляет ценнейшие сведения по истории Арделанского княжества, которые послужили отправным пунктом для всех

авторов арделанских хроник, в том числе и для Хусрава б. Мухаммада. Однако все известные нам арделанские историки ограничились использованием главы первой второго раздела *Шараф-наме* и к страницам, посвященным эмирам Палангана и Бане, не обращались.

2. Двенадцатый том «всеобщей истории» сочинения современника Шараф-хана Бидлиси Хасан-бека Румлу (родился в 937/1530-31 г.) — *Ахсан ат-таварих*, где излагается история царствования первых трех сефевидских шахов Ирана с 900/1494-95 по 985/1577 г. ²⁶. В хронике содержится ряд ценных сведений об арделанских правителях Тимур-хане и Искандар-беке.

3. Сочинение крупнейшего, по мнению И. П. Петрушевского ²⁷, из представителей сефевидской придворной историографии Искандар-бека Туркмана, по прозвищу Мунши, — *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*, завершенное автором в 1038/1628-29 г. ²⁸. Труд Искандар - бека служит первоклассным источником для уточнения сведений, содержащихся в хронике Хусрава б. Мухаммада, о правлении двух самых могущественных и независимых князей из рода Бали Ардалан — Халу-хана (998/1589-90—1025/1616) и его сына Хан Ахмад-хана (1025/1616—1047/1637-38).

4. Третий раздел труда историографа сефевидского шаха 'Аббаса II (1642—1666) — Мирза Мухаммада Тахира Казвини, известного под псевдонимом Вахид, — *'Аббас-наме*, или *Тарих - и Тахир-и Вахид* ²⁹. Хроника Вахида была завершена в 1074/1663-64 г. **[15]** и содержит отдельные сведения об арделанских правителях Халу-хане, Хан Ахмад-хане и Сулайман - хане (1048/1638-39—1068/1657-58).

5. Хроника *Наме-йи 'аламара-йи Надири*, принадлежащая перу Мирза Мухаммада Казима Асафа и представляющая фундаментальный источник эпохи Надир-шаха (1736—1747) ³⁰. В сочинении Мухаммада Казима можно обнаружить данные об арделанских правителях Субхан-Вирди-хане и его сыне Хан Ахмад-хане.

6. История Зендской династии Мирза Мухаммада Садика «Нами» Мусави *Тарих-и гитпигуша-йи Зандийа*, называемая также *Тарих - и Зандийа* или *Тарих-и гитпигушай* ³¹. Сочинение содержит описание событий в Иране с 1160/1747 по 1209/1794 г. и весьма ценные сведения по истории Иранского Курдистана вообще и Арделанского княжества в частности.

7. *Рустам ат-таварих* Рустам ал- Хукама Мухаммада Хашима Асафа Исфাহани — исторический труд, посвященный Сефевидам, Зендам и первым представителям династии Каджаров и написанный в царствование Фатх 'Али-шаха Каджара (1797—1834) ³². Мухаммад Хашим Исфাহани приводит цифры податей, взимавшихся с Арделана, и сообщает некоторые данные о правителе Арделана Хусрав-хане и его взаимоотношениях с Зендами и Ага Мухаммад-ханом Каджаром (1779—1797).
8. Сочинение типа «всеобщих историй» Мухаммада Шарифа б. Мулла Мустафы Шайх ал-Ислама *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, завершенное в 1215/1800-01 г. Хроника Мухаммада Шарифа представлена в описанных хранилищах мира единственной рукописью, которая ныне хранится в библиотеке Кембриджского университета ³³.
9. «История правителей Арделана» с 1005/1596-97 по 1225/ /1810 г. Мухаммада Ибрахима б. Мулла Мухаммада Хусайна Ардалани. Сочинение служит продолжением первой главы второго раздела *Шараф - наме* Шараф-хана Бидлиси и известно в единственном-списке, который ныне принадлежит рукописному собранию Королевского Азиатского общества ³⁴. Персидскому тексту рукописи предшествует запись, сделанная первым владельцем манускрипта английским историком Дж. Малколмом: Supplement sent to me by the Wali of Ardelan («Дополнение, присланное мне валием Арделана») ³⁵, и ниже в тексте данной работы мы называем это сочинение «Supplement». [16]
10. *Тарих-и Ардалан* — хроника, принадлежащая перу курдской поэтессы и историка, жены Хусрав-хана Накама — Мах Шараф-ханум Курдистани (1219/1804-05 или 1220/1805-06-мухаррам 1264/декабрь 1847 ³⁶). Сочинение представляет один из ценнейших исторических трудов, посвященных династии Бани Ардалан.
11. *Хадике-йи Насирийе* Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка Мунши Вака'и'-нигара Курдистани Афсара ³⁷. Хроники Мах Шараф-ханум Курдистани и Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка составлены позднее, нежели сочинение Хусрава б. Мухаммада, а потому не могли послужить для него первоисточниками. Труды этих авторов использованы нами лишь в той мере, в какой это представлялось необходимым для сравнительного анализа хроники Хусрава б. Мухаммада.
12. Антология произведений поэтов Арделана *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, принадлежащая перу уроженца Сенендеджа Мирза 'Абдаллаху Санандаджи и составленная им в 1265/1848-49 г.

Довольно значительный материал, относящийся к этнокультурному, политическому и социально-экономическому положению арделанских курдов XVII—XIX вв., содержится также в мемуарной и географической литературе: в дневнике участника работы комиссии по турецко - иранскому разграничению 1849—1852 гг. полковника русской армии Е. И. Чирикова, в заметках Н. В. Ханыкова и А. Гагарина, в публикациях Ф. Чернозубова и П. Максимовича-Васильковского, французского купца Ж.. Б. Тавернье и английского дипломата и автора исторических трудов Дж. Малколма, резидента Ост-Индской компании в Багдаде К. Дж. Рича и политического агента Ост - Индской компании капитана Дж. М. Киннейра, Р. Кер Портера и Д. Н. Керзона. Важное значение для данной темы имеют также работы французского археолога Ж. де Моргана, члена Парижского Исторического Общества Т. М. Ликлама, В. П. Никитина и В. Ф. Минорского.

Перечисленным авторам в той или иной степени присуща тенденциозность, выразившаяся в склонности архаизировать курдское общество. Исключение, по справедливому замечанию М. С. Лазарева, составляют лишь работы В. Ф. Минорского, крупнейшего русского курдолога и ираниста, которые отличает «блестящая эрудиция, глубокое знание Курдистана со всеми его особенностями» ³⁸.

В работе использованы также труды советских ученых: И. П. Петрушевского и О. Ф. Акимушкина — по средневековой истории и историографии Ирана, Ю. В. Бромлея и А. И. [17] Першица — по проблемам этноса и социально-экономических отношений, а также монографии по истории курдов XIX в. Н. А. Халфина, М. С. Лазарева и Джалиле Джалила.

Комментарии

1 Петрушевский. Труд Сейфи, с. 131.

2 Акимушкин, с. 2—3.

3 Стори. Т. 2, с. 1102.

4 Микрофильм этой рукописи был нам любезно направлен Рукописным Отделом Национальной библиотеки Парижа с разрешением на опубликование. Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою искреннюю признательность М. П. Волковой за помощь и содействие в приобретении микрофильма.

5 Blochet. Т. 1, с. 304—306.

6 Стори. Т. 2, с. 1101.

7 Nikitine. Les Kurdes, с. 170.

8 См. ниже, с. 21.

9 *Лубб-и таварих*, с. б, 98.

10 Там же, с. а.

11 Там же, с. б.

12 Там же.

13 Там же, с. 106.

14 Ср. *Лубб-и таварих*, с. 95 и л. 88б текста хроники Хусрава б. Мухам мада настоящего издания (далее — Хроника).

15 *Лубб-и таварих*, с. 96.

16 Там же, с. 97.

17 Хроника, л. 89а.

18 Ср. *Лубб-и таварих*, с. 95, 99—105 и Хроника, лл. 88б — 95а.

19 См. *Лубб-и таварих*, с. 101 и Хроника, л. 91б.

20 *Лубб-и таварих*, с. 95—98.

21 См. выше, с. 12.

22 Хроника, л. 99б.

23 Там же, лл. 104а, 104б.

24 См. Васильева. Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. 6; *Лубб-и таварих*, с. б, 98.

25 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 146—152.

- 26 Стори. Т. 2, с. 859—861.
- 27 Петрушевский. Очерки, с. 32.
- 28 Стори. Т. 2, с. 873—883.
- 29 Там же, с. 888—892.
- 30 Там же, с. 914—917; Петрушевский. Очерки, с. 41—43.
- 31 Стори. Т. 2, с. 933—936; Петрушевский. Очерки, с. 43.
- 32 Стори. Т. 2, с. 938—939.
- 33 Там же. Т. 1, с. 465.
- 34 Morley, с. 143—145, 147.
- 35 Историю приобретения этого дополнения см. ниже, с. 41—42.
- 36 Стори. Т. 2, с. 1101—1102.
- 37 Там же, с. 1102—1106.
- 38 Лазарев, с. 8.

ОБ АВТОРЕ СОЧИНЕНИЯ

О Хусраве б. Мухаммаде известно немного. Его сочинение, носившее характер местной хроники, не получило широкой известности за пределами данного курдского региона. Сведения об историке в основном базируются на его собственных сообщениях. О себе же Хусрав б. Мухаммад говорит чрезвычайно скупно, мимоходом, отнюдь не для осведомления читателей. Поэтому информация, которую можно почерпнуть из оброненных невзначай фраз; заслуживает самого пристального внимания и доверия.

Автор хроники именуется Хусравом ибн Мухаммадом ибн Манучихром Бани Ардаланом¹. Дед автора Манучихр-бек б. Мухаммад-бек приходился внуком Сулайман-хану Бани Ардалану, который правил с 1048/1638-39 по 1068/1657-58 г. Описывая предпринятое по инициативе шахского двора разделение округов Арделанского княжества после смерти Сулайман-хана между его сыновьями, среди получивших в управление

округа Хусрав б. Мухаммад не упоминает имени своего прадеда и отца Манучихр-бека — Мухаммад-бека. Следовательно, Мухаммад-бек оказался обделенным и был от власти отстранен.

Манучихр-бек б. Мухаммад-бек в 1155/1742-43 г., после бегства Ахмад-хана б. Субхан-Вирди-хана в Турцию, занимал должность наместника (*наиба*) арделанского князя. Хусрав б. Мухаммад рисует его смелым, уже убеленным сединою старцем, который не побоялся предстать пред грозными очами скорого на расправу Надир-шаха и держать ответ за опустошенные в голодную зиму 1155/1742-43 г. шахские амбары с зерном ².

В книге приводится даже речь, с которой якобы Манучихр-бек обратился к Надир-шаху: «...если бы во времена голода мы не взломали шахский амбар и не поделили хлеб между людьми, погибло бы более миллиона человек. Я вверился судьбе и не дал никому погибнуть... и гордился тем, что буду убит» ³. Надир-шах не только его помиловал, но и обласкал, подарил Коран, почетные одежды и грамоту, согласно которой Манучихр-бек снова назначался *наибом*. Последний, однако, предпочел вскоре после возвращения в Арделан бежать в Шахризур, поскольку положение в Иранском Курдистане оставалось крайне тяжелым и тревожным. [18]

Отец автора Мухаммад-бек б. Манучихр-бек тоже занимал должность *наиба* при дворе арделанских князей. Хусрав б. Мухаммад упоминает о полученном его отцом от Лутф 'Али-хана (1205/ 1790—1209/1794-95) приказе доставить в Сенендедж двести джафских семейств, осмелившихся нарушить княжеский запрет выпасать свои стада на землях Арделана. Эти семьи доставили в столицу Арделана и поделили между знатными арделанцами вместе со скотом и имуществом — по двадцать семейств каждому. Мухаммад-беку, по словам автора хроники, дали двадцать пять джафских семей.

Годы жизни и место рождения Хусрава б. Мухаммада неизвестны. Поскольку на страницах своей книги он не раз сетует на наступившую старость, на «ночь, сменившую день его жизни», можно предположить, что он писал сочинение в возрасте не менее 50 лет и родился в 70—80-х годах XVIII в. Иран в то время сотрясала ожесточеннейшая борьба за власть между многочисленными феодальными группировками, и в этой войне правитель Арделана Хусрав-хан (правил с перерывами с 1756-57 по 1790-91) принимал самое активное участие. Временами исход сражений зависел от позиции арделанского князя. Более того, по свидетельству автора *Рустам ат-таварих* Рустам ал-Хукама Мухаммада Хашима Асафа Исфাহани, Хусрав-хан даже претендовал на корону иранского

государя⁴. Об этом не упоминает ни один из известных нам арделанских историков. В хронике Хусрава б. Мухаммада лишь говорится, что временами Хусрав-хан начинал «поговаривать» о независимости⁵. Сдержанность арделанских хронистов вполне понятна, и на этом вопросе мы подробно остановимся ниже, в рассказе о правлении Хусрав-хана⁶.

Победы Хусрав-хана, возросшее влияние и военная мощь Бани Ардаланов не могли не способствовать пробуждению местного патриотизма. Именно на эти годы и приходится детство, юность и возмужание Хусрава б. Мухаммада, становление его социально-политических взглядов. И все политические симпатии, интересы автора хроники связаны с этим периодом временного усиления власти Бани Ардаланов, возрожденных преданий и легенд об их былой мощи.

Какого рода деятельностью занимался Хусрав б. Мухаммад, по тексту хроники установить невозможно. Если верить сказанному в предисловии, он «не жаждал снискать [чье-то] благосклонное внимание, а проводил время без всякого дела и занятия». При этом обращают на себя внимание неоднократные жалобы на бедность, на отсутствие хлеба насущного даже на один День. «Глупцы благоденствуют,— пишет историк, — **[19]** и дела их в полном порядке. А есть много таких, которые умом и ученостью Платоны своего времени, разумением, мудростью и познаниями единственные на [весь] мир, а нуждаются в пропитании на один вечер и в пище на один день»⁷.

По-видимому, сознание своего незавидного положения, обида на «бесчестную судьбу, покровительствующую ничтожным людям и ласкающую подлецов», заставляет автора не раз прервать повествование горестными сентенциями: «Где был я, куда попал теперь? Выпали из моих рук поводья речи...», «посмотрите на [этого] бедняка, откуда и куда я попал, на какое ристалище в сомнении направил [свое] перо!»⁸. Отступления Хусрава б. Мухаммада от изложения истории рода Ардалана зачастую пронизаны горечью и безнадежностью: «Не должно никому рассчитывать на великодушие Великодушного, не стоит надеяться на милость бога...»⁹.

Таким образом, на основании данных одной лишь хроники возможно было бы заключить, что автор исследуемого сочинения не имел причастности к какой-либо служебной деятельности и влачил довольно бедственное существование, предпочитая службе при княжеском дворе полуголодную, но независимую жизнь. По всей вероятности во время написания хроники положение Хусрава б. Мухаммада именно таким и было. Однако в

правление Аманаллах-хана и его сына Хусрав-хана Накама историк, по-видимому, находился при дворе арделанских князей.

Такое предположение позволяет сделать, во-первых, довольно точная и живая характеристика Аманаллах-хана — от подозрительного и раздражительного характера грозного хана автор хроники, очевидно, не раз пострадал. Во-вторых, в антологии произведений курдских поэтов Арделана *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, составленной Мирза 'Абдаллахом Санандаджи, упоминается некий Хусрав-бек б. Мухаммад-бек б. Манучихр-бек Джаухари ¹⁰, который «был вознесен при покойном валии Хусрав-хане Накаме... до должности *китабдара*» и принадлежал к числу «поэтов, отмеченных красноречием» ¹¹.

Антологию Мирза 'Абдаллаха Санандаджи и хронику Хусрава б. Мухаммада разделяют пятнадцать лет. Поскольку автор исследуемой хроники неоднократно упоминает о наступившей старости, а в *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи* о Хусрав-беке Джаухари говорится как о поэте здравствующем и историографические его занятия не упоминаются, можно было бы предположить в данном случае довольно редкое совпадение имен. Однако имя историка неоднократно встречается в «Истории Арделана», [20] написанной Мах Шараф-ханум Курдистани в 1262—1263/1845-47 гг., т. е. через тринадцать лет после хроники Хусрава б. Мухаммада и за два года до *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*. Мах Шараф-ханум тоже именует историка Хусрав-беком ¹² и в отличие от другого местного автора Мухаммада Шарифа ни разу не называет его покойным (***), как это принято в персидских исторических сочинениях в отношении человека, который умер сравнительно недавно. Следовательно, в 1262—1263 гг. х. Хусрав б. Мухаммад был жив несомненно и мог оставаться в живых и в 1265/1848-49 г., во время составления *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*.

Этот вывод прежде всего свидетельствует о несостоятельности нашего первоначального предположения, что хроника Хусрава б. Мухаммада осталась незавершенной из-за кончины автора. Сочинение было, по-видимому, историком закончено, но рукопись Национальной библиотеки Парижа (отражающая самую позднюю авторскую редакцию) представляет собой дефектный список, по каким-то причинам не дописанный переписчиком до конца.

Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что упоминаемый в *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи* поэт Хусрав-бек б. Мухаммад-бек б. Манучихр-бек

Джаухари и есть автор исследуемой хроники, или, как он себя именует, Хусрав ибн Мухаммад ибн Манучихр ¹³.

Историографических занятий Хусрава б. Мухаммада Мирза 'Абдаллах Санандаджи мог не упомянуть по той простой причине, что собирателя антологии поэтических произведений он интересовал лишь как сочинитель стихов. Кроме того, замечание Мирза 'Абдаллаха Санандаджи, что Хусрав-бек был не только искусным стихотворцем, но и «большим мастером прозы» ¹⁴, можно также толковать в плане историографических занятий Хусрав-бека Джаухари. Мах Шараф-ханум, которая, в свою очередь, ни разу не говорит о Хусрав-беке как о поэте, могла интересоваться им исключительно как автором исторического труда.

Хусрав б. Мухаммад, поскольку мы допускаем идентификацию его с упоминаемым в *Тазкире-йи Хади́ке-йи Аманаллахи* поэтом Хусрав-беком б. Мухаммад-беком б. Манучихр-беком Джаухари, заслужил своими личными качествами хвалебные отзывы Мирза 'Абдаллаха Санандаджи. Мирза 'Абдаллах называет его благородным, добропорядочным и чистым помыслами: «Устремления того одаренного... украшены мужеством и человечностью, [21] разумением и познаниями. Ему присущ прекрасный нрав и похвальные добродетели. Познал он природу стиха и стихосложения, и имя его — среди поэтов, отмеченных красноречием. Он известен твердостью характера, его помыслы чужды грехам, а стихи лишены недостатков» ¹⁵. Слова Мирза 'Абдаллаха представляются вполне искренними, чуждыми придворной лести и служат выражением восхищения Хусрав-беком и его талантами.

Должность *китабдара* (хранителя княжеской библиотеки), по-видимому, принадлежала Хусраву б. Мухаммаду при Хусрав-хане Накаме недолго. Во-первых, потому, что недолгим было и само правление молодого валия (всего десять лет). Во-вторых, во время написания хроники историк никакой должности при дворе не занимал. Своим положением автор хроники явно не удовлетворен и причины своих бедствий видит в засилье при дворе арделанских князей «чужого» персидского элемента, которое началось с правления Хусрав-хана Накама. Ему в жены Фатх 'Али-шах Каджар отдал свою двадцать первую дочь Хусн Джихан-ханум, которая в Курдистане получила известность под именем Валийе («правительницы»).

Именно Хусрав-хан Накам, по мнению составителя исследуемой хроники, «покончил с людьми в Курдистане, заменил их скотом и пресмыкающимися... Из благородных

остались разве что немногие...» ¹⁶. «Все было роздано,— читаем на предпоследней странице рукописи,— чужим, [тем, кто] говорил по-персидски, людям недостойным и юнцам» ¹⁷. Это, по мнению автора, и привело к тому, что «близких и родственников он менее [других] оделял средствами пропитания и даже отослал большинство потомков Ардалана и [исконных] жителей Курдистана в долину бедствия и несчастья» ¹⁸.

Эти исполненные искренности, произнесенные как бы невзначай, замечания Хусрава б. Мухаммада представляют собой то сокровенное, что автор выражает в своем повествовании на первый взгляд непредумышленно, как будто и сам того не желая, и потому вызывают наибольший интерес. Они позволяют выяснить истинное отношение автора к усилению персидского элемента при арделанском дворе с приездом каджарской принцессы, несмотря на выпяченное многословное описание «единения двух светил»: «жемчужины шахского семейства... с сыном Аманаллах-хана Хусрав-ханом — блистающим светилом небес могущества и славы...» ¹⁹.

Очевидно, историк принадлежал к группировке, которая противилась усилению персидского влияния при дворе арделанского [22] князя. И антиперсидские настроения Хусрава б. Мухаммада мог ли выразиться не только в весьма осторожных высказываниях на страницах исследуемой хроники, но и в каких-то конкретных действиях. В результате автор хроники действительно остался «без всякого дела и занятия», будучи заменен на должности *китабдара* одним из тех «недостойных людей» и «юнцов», которые вызывают у историка такое раздражение.

Хусрав б. Мухаммад представлял обедневшую часть местной феодальной знати, интересы которой были резко противопоставлены интересам центрального правительства. Эта часть правящего курдского класса утратила высокие должности и привилегии в связи с ослаблением власти княжеского дома Бани Ардалан и усилением нажима со стороны иранского правительства.

Отсюда и проистекает концептуальная направленность хроники. Сочинение Хусрава б. Мухаммада порождено желанием как-то остановить необратимый процесс ослабления власти Бани Ардаланов, но свои чувства горечи и раздражения историк боится выразить открыто.

Историк стремится содействовать укреплению авторитета правителей, показать древность происхождения этого рода, его былую славу и мощь. Сочинение написано в период, близкий крушению власти Бани Ардаланов, и рассчитано на пробуждение патриотических

чувств у населения Арделана, гордости за историческое прошлое своей области и желания оказать отпор «чужакам». Это и составляет стержневую идею труда Хусрава б.

Мухаммада. Его историческая концепция носит, таким образом, чисто политический характер — обосновать права Бани Ардаланов на территорию Арделанского княжества.

Однако патриотизм Хусрава б. Мухаммада ограничен местными, локальными рамками. Это сильно отличает арделанского историка от его предшественника Шараф-хана Бидлиси. Именно взглядам Шараф-хана Бидлиси, а не другим известным нам курдским историкам: 'Абдарраззаку Думбули, Хусраву б. Мухаммаду Бани Ардалану, Мах Шараф-ханум Курдистани, Мала Махмуду Еайазиди или Мирза 'Али Акбар-хану Садик ал-Мулку — авторам, жившим на два-три столетия позднее, современникам бурного подъема курдского национально-освободительного движения — были присущи зачатки национального самосознания. Шараф-хан Бидлиси, как уже отмечалось нами ²⁰, разумел под курдами все разрозненные, говорящие на сильно различающихся диалектах курдские племена, часть которых придерживалась таких неприемлемых с точки зрения ортодоксального ислама вероучений, как езидизм. [23]

Для Шараф-хана Бидлиси Курдистан — не только географическое понятие, но и страна, разделенная на части из-за племенной раздробленности и феодальных междоусобиц ²¹. Хусрав б. Мухаммад, повторяя во введении почти слово в слово определение территорий Курдистана, данное Шараф-ханом ²², в тексте сочинения называет Курдистаном только территорию Арделанского княжества. Название Арделан употреблено в книге лишь дважды ²³. И при описании многочисленных битв арделанских князей с бабанцами, джафами, зенгене и другими курдскими племенами в хронике Хусрава б. Мухаммада курдами неизменно именуются лишь арделанские «витязи». Бабанцев, джафов, авроманцев, зенгене, мукринцев и других историк ни разу курдами не называет. Соперники арделанских властителей Бабаны на одной из страниц хроники названы даже чужаками ²⁴.

Таким образом, очевидно, что настоящими курдами Хусрав б. Мухаммад считал лишь арделанцев и под Курдистаном разумел Арделанское княжество. Это обстоятельство и сообщает его политической и исторической концепции известную ограниченность рамками своего региона. Соответственно узок и кругозор историка: он очень скудно осведомлен о том, что делается за пределами его собственной области, и мало знаком с произведениями своих предшественников, в чьих трудах нашла отражение история дома Бани Ардалан.

Степень этой ограниченности особенно заметна при сравнении взглядов Хусрава б. Мухаммада с воззрениями Шараф-хана Бидлиси, который рассматривал судьбы всего курдского народа и лелеял, по-видимому, мечту о создании единого курдского государства с могущественным монархом во главе ²⁵. Хусрав б. Мухаммад выступает также противником феодальной анархии и сторонником сильной власти правителя, но только в пределах своей области.

Идеальный правитель, по мнению автора хроники, должен быть справедливым, щедрым и обладать властью — именно такими он рисует первых, легендарных князей из рода Бани Ардалан. Но щедроты следовало оказывать прежде всего «высокорожденным» и «благородным». Те немногие правители, что, по словам Хусрава б. Мухаммада, проявляли якобы милости в равной мере и к высшим и к низшим, вызывают у него негодование и нескрываемое осуждение. Положение, когда правитель раскрывал «перед знатью и простонародьем врата дарения и благодеяний и все богатства и имущество... раздаривал народу», могло радовать, по мнению автора хроники, только «подонков и чернь», «знатных и **[24]** благородных такое положение дел огорчало и расстраивало» ²⁶. В этом Хусрав б. Мухаммад как бы перекликается с Шараф-ханом Бидлиси. Будучи потомственным князем, представителем верхушки курдских феодалов, Шараф-хан высказывал убеждение, что в отношении «неблагороднорожденных» не следует допускать мягкости ²⁷.

Таким образом, хотя положение Хусрава б. Мухаммада во время написания хроники было затруднительным и автор, по его словам, терпел невзгоды и лишения, он остался полон сословной спеси и к простым людям относился пренебрежительно. Презрительное отношение к народу выражается в сочинении не только в том, что народные массы именуется автором «сбродом», «подонками»

и «чернью» (***) , в особенности когда Хусрав б. Мухаммад рассказывает о поведении народных масс, неугодном для правящего класса. Классовая окраска хроники выражается прежде всего в том, что все внимание историка сосредоточено на деятельности верхов общества. Поэтому и местная история оставалась для него воплощенной лишь в «деяниях» арделанских правителей и вождей племен. О жизни народа если и говорится в его труде, то лишь мимоходом, в связи с деятельностью какого-нибудь правителя.

По своей классовой окраске сочинение Хусрава б. Мухаммада не представляет собой исключения в ряду произведений курдской историографии XVI—XIX вв. Все известные

нам труды курдских историографов: *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси, *Тарих-и данабиле* 'Абдарраззака Думбули, *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* Мухаммада Шарифа, *Хадике-йи Насирийе* Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка и другие написаны представителями господствующего класса курдских феодалов и в интересах этого класса.

Мировоззрение Хусрава б. Мухаммада, как историка, отражает характерное для хронистов средневековья идеалистическое понимание общественных явлений, в основе которого лежал провиденциализм, стремление изобразить исторический процесс как осуществление божественного предначертания. Хусрав б. Мухаммад целиком разделяет господствующее религиозно-идеалистическое толкование истории, повторяя стандартные «истины» правоверного мусульманина: «Разбор и истолкование, развязывание [и] распутывание дел далекого и ближнего зависит от предопределения господа и [только] от него, а не от усилий десницы человеческого старания»²⁸; «пред святым и великим богом мир ничтожен, лишен ценности и достоин презрения — земля принадлежит Аллаху, он завещает ее тому из рабов своих, кому пожелает»²⁹; [25] «победа и торжество зависят от предначертания бога и [только] от него, а не от человеческих усилий»³⁰ и т. д.

Вера в божественное предопределение, в бессилие человека как-то повлиять на предначертанный ход событий порождает у автора хроники пессимизм. «Мир. Начало ему небытие и конец его — бренность,— заключает Хусрав б. Мухаммад,— бесполезно человеку надеяться в нем на постоянство и верность»³¹. Однако рассуждения о бренности мирской жизни, земных удовольствий и благ едва ли могут выражать сущность мировосприятия историка. Популярные в мусульманской историографии высказывания о краткости жизни и недолговечности мирской славы воспринимались как один из обязательных компонентов исторического повествования³². В текст хроники Хусрава б. Мухаммада, выдержанный в традиционной для мусульманской историографии манере повествования, врывается временами описание, пронизанное острым и трепетным ощущением красоты мира и окружающей природы. Фиалки Хусраву б. Мухаммаду «напоминают очертания сладостных губ», окраска тюльпана — «переливы угасающей мелодии», бутоны роз — «стыдливую невесту, смущенную и покрасневшую», ветви деревьев — «распустившиеся косы красавиц, ниспадающие с гребня», «фисташки источают сладость, как улыбка сахарных уст»³³. Поэтические образы сменяют друг друга. Историк уступает место поэту. Такого рода стилистические наблюдения служит еще одним аргументом в пользу отождествления сочинителя хроники с личностью Хусравбека Джаухари, который был признанным мастером изысканного поэтического стиля³⁴.

В текст хроники вставлены довольно обширные описания чисто литературного свойства, свидетельствующие о художественном вкусе автора и не соответствующем возрасту восприятия. Вместо схоласта, повторяющего прописные истины мусульманского богословия, мы видим живого человека, который, несмотря на горести и невзгоды своей многолетней жизни, сохранил способность видеть и радостно воспринимать прекрасное.

Комментарии

1 Хроника, л. 3б.

2 См. ниже, с. 63.

3 Хроника, л. 46а.

4 *Рустам ат-таварих*, с. 450.

5 Хроника, л. 64б.

6 См. ниже, с. 86—90.

7 Хроника, лл. 3б, 52б.

8 Там же, л. 52б.

9 Там же, л. 51б.

10 На эти сведения нам любезно указал О. Ф. Акимушкин.

11 *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, с. 147.

12 *Тарих-и Ардалан*, с. 6, 16.

13 Такое заключение доказывает правдоподобность предположения Блоше (Blochet, Т. 1, с. 306), что упоминаемый Ръё (Rieu. Vol. 2, с. 850) Мирза Хусрав-бек, для которого в 1835 г. была переписана антология поэтических произведений под названием *Гулишан-и Хусрави*, и есть автор исследуемой хроники.

14 *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, с. 147.

15 Там же, с. 147.

- 16 Хроника, л. 104а.
- 17 Там же, л. 107б.
- 18 Там же, л. 103б.
- 19 Там же, л. 84а —84б.
- 20 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 36.
- 21 Там же, с. 87.
- 22 Ср. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 82—83 и Хроника, л. 4а.
- 23 Хроника, л. 100а.
- 24 Там же, л. 53б.
- 25 Подробнее см. предисловие к *Шараф-наме*, т. 2, с. 29,
- 26 Хроника, лл. 34а, 47б и сл.
- 27 *Шараф-наме*. Т. 2, с. 246.
- 28 Хроника, л. 23а.
- 29 Там же, л. 51а.
- 30 Там же, л. 31б.
- 31 Там же, л. 82а.
- 32 Rosenthal, с. 113.
- 33 Хроника, л. 87а—87б.
- 34 См. *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, с. 147 и *Маджма' ал-фусаха*. Т. 2, с. 91—92.

ХРОНИКА ХУСРАВА ИБН МУХАММАДА

Труд Хусрава б. Мухаммада не имеет авторского названия. Условное наименование «Histoire de la tribu kurde des Beni Ardelan», под которым он значится в каталоге Э. Блоше

¹, не совсем [26] точно. Автор описывает не столько историю курдского племени бани арделан, сколько правление княжеского рода из этого племени.

При подготовке перевода текста парижской рукописи первоначально сочинение было условно названо нами *Тарих-и Бани Ардалан* — «Хроника [рода] Бани Ардалан». Работа над хроникой Мах Шараф-ханум Курдистани *Тарих-и Ардалан* позволила выявить название, под которым книга Хусрава б. Мухаммада была известна к середине XIX в., — *Тарих ал-акрад* («История курдов») ². Учитывая концептуальную направленность автора, то обстоятельство, что настоящими представителями курдского этноса он считал арделанских курдов, это название можно было бы считать вполне приемлемым. Однако под этим названием получило широкую известность другое историческое сочинение — *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси.

В тегеранском издании хроника Хусрава б. Мухаммада названа *Лубб-и тавварих* («Сущность историй») ³. Поскольку данное название в тексте хроники не встречается и, на каком основании оно приведено, издатель не поясняет, возможно предположить, что Исма'ил Ардалан руководствовался записями на титульном листе или на полях манускрипта, оставленными его владельцами.

При подготовке настоящего издания представилось целесообразным предпослать книге атрибутивное название — «Хроника Хусрава ибн Мухаммада Бани Ардалана (История курдского княжеского дома Бани Ардалан)»: а) как наиболее точно отражающее содержание, б) поскольку ни одно из приведенных названий (ни *Тарих ал-акрад*, ни *Лубб-и тавварих*) не подтверждается текстом сочинения ⁴.

Как уже упоминалось выше, в описанных рукописных собраниях труд Хусрава б. Мухаммада представлен единственной рукописью из Национальной библиотеки Парижа, которая датируется первой половиной XIX в. Дата — 21 ноября 1884 г. на титульном листе манускрипта, по-видимому, соответствует времени его поступления в рукописное собрание библиотеки. Список содержит 107 листов, заполненных текстом, и один лист незаполненный. Каждая страница имеет до 12 строк, а каждая строка — 12—13 слов. Список выполнен красивым четким насталиком. Заголовки рукописи вписаны другими чернилами в специально оставленные для этого места.

Наличие других списков хроники в частных коллекциях не вызывало ни малейших сомнений, и появление тегеранского издания лишь подтвердило наши предположения.

Год, когда Хусрав б. Мухаммад начал писать свой труд, можно установить по главе «Упоминание о правлении Сурхаб-бека», где он называет текущим годом 1249/1833-34 г.⁵ В последних разделах своего сочинения, посвященных Хусрав-хану б. Аманаллах-хану и его сыну Риза-Кули-хану, автор упоминает 1250/1834-35 г. Если названные автором даты точны, то по ним можно заключить, что основная часть книги написана в 1249—1250 гг.х. В каком году сочинение было завершено, ни по тегеранскому изданию, ни по парижской рукописи установить невозможно, поскольку концовка хроники в обоих вариантах книги отсутствует. Рассказ обрывается почти на полуслове.

Хроника Хусрава б. Мухаммада не начинается с оглавления или плана сочинения, как это принято в персидских исторических произведениях. В труде Хусрава б. Мухаммада совершенно отсутствует довольно сложная система деления текста на разделы, главы, части, параграфы (*сахифе*, *фасл*, *фирке*, *сатр*, *ша'бе*, *вадж*), которая наличествует, например, в труде Шараф-хана Бидлиси *Шараф-наме*. Единственным ориентиром в тексте могут служить сорок подзаголовков:

1. О курдах бани арделанах;
2. Рассказ о происхождении Ардалана и их сыновей;
3. Калул б. Ардалан;
4. Хизр б. Калул;
5. Упоминание об Ильясе б. Хизре;
6. Хизр б. Ильяс;
7. Добродетели Хасана б. Хизра;
8. Описание [правления] Баблула б. Хасана;

9. Деяния Мунзира б. Баблула;
10. Свершения Мамун-бека б. Мунзира;
11. Рассказ об обстоятельствах Бика-бека б. Мамун-бека;
12. События [правления] Мамун-бека II, сына Бика-бека;
13. Упоминание о правлении (***) Сурхаб-бека;
14. Описание правления (***) Басат-бека, сына Сурхаб-бека;
15. Упоминание правления (***) Тимур-хана, сына Султан 'Али-бека;
16. Описание событий [правления] Халу-хана;
17. Добродетели Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана;
18. История Сулайман-хана б. Мир 'Аламаддина б. Тимур-хана;
19. Калб 'Али-хан, сын Сулайман-хана; **[28]**
20. Хан Ахмад, сын Калб 'Али-хана;
21. Правление (***) Хусрав-хана, сына Сулайман-хана;
22. О правлении (***) Тимур-хана Аджарлу;
23. Рассказ о Мухаммад-хане, сыне Хусрав-хана;
24. Хусайн 'Али-хан, брат Хасан 'Али-хана, сын Му'мин-хана;
25. 'Аббас-Кули-хан, сын Мухаммад-хана;
26. Об 'Али-Кули-хане б. Сухраб-султани б. Калб 'Али-хане;
27. Рассказ о Субхан-Вирди-хане б. Мухаммад-хане;
28. Рассказ о правлении (***) Хан Ахмад-хана б. Субхан-Вирди-хана;
29. Правление (***) Хаджжи Мавла-Вирди-хана Каджара;

30. Хасан 'Али-хан б. 'Аббас-Кули-хан;
31. Правление (***) Мухаммад Риза-бека Гурджи Машхади;
32. Рассказ об обстоятельствах дальнейшей жизни Субхан-Вирди-хана;
33. Рассказ о новом правлении (***) Хасан 'Али-хана, сына 'Аббас-Кули-хана, о сражении с Имам-Кули-ханом Зангане и войсками Калхора и других местностей Керманшахана, о победе и битве с армиями...;
34. Карим-хан б. 'Аббас-Кули-хан;
35. Грациозная поступь серого коня благоухающего амброй калама на странице ристалища описания и упоминания Хусрав-хана [Бани] Ардалана, валия Курдистана, повелителя (***) и правителя (***) прилегающих [округов] и той области, его деяния и события, с ним [связанные] в той отмеченной покоем [стране] силою...;
36. Украшение розария изъяснения лопатой (sic!) пера при [описании] качеств Лутф 'Али-ха[на] б. Субхан-Вирди-хана;
37. Правление (***) Хасан 'Али-хана б. Лутф 'Али-хана;
38. Описание событий времени [правления] великого валия Аманаллах-хана, сына Хусрав-хана, и что произошло в то время;
39. Рассказ о его высочестве гордости валиев Хусрав-хане б. Аманаллах-хане;
40. Связанный благоухающим амброй пером букет из базиликов и гиацинтов [слов] относительно достоинств его высочества благодетеля [нашего] Риза-Кули-хана, сына Хусрав-хана.

Перечисленные авторские подзаголовки не регламентированы строго, не предваряют описание правления каждого из повелителей Арделана и каждое утверждение того или иного правителя (Субхан-Вирди-хан, например, назначался валием Арделана восемь раз), не отражают полностью содержание следующего за [29] ними рассказа. Заголовки местами чересчур многословны, содержат текст, добавленный лишь для того, чтобы заполнить оставленное место, но именно они дали нам возможность заметить, что Хусрав б. Мухаммад четко делил правителей Арделанского княжества на две группы. К первой относятся представители рода Бани Ардалан, от основателя династии до современников

автора: Аманаллах-хана, его сына Хусрав-хана Накама и внука Риза-Кули-хана. Историк именует их не иначе, как *валий*, *хаким*, *хукмран*, *фарманрава* («правитель», «повелитель», «властитель»), а их правление — *хукмрани*, *имарат*, *айалат*.

Вторую группу для Хусрава б. Мухаммада составляют правители Арделана, не принадлежащие к роду Бани Ардалан: аджарец, Тимур-хан (1093/1682—1099/1687-88), грузин Мухаммад-хан (1113/1701-02—1116/1704-05), каджары братья Хасан 'Али-хан и Хусайн 'Али-хан (1116/1704-05-1118/1706-07, 1118/1706-07— 1122/1710-11) и Хаджжи Мавла-Вирди-хан, грузин Мухаммад Риза-бек Машхади (1159/1746 — ?), бабан Салим-паша и другие. Автор хроники ни одного не Бани Ардалана не называет «хакимом» или «валием», а его правление «имарат», «хукмрани» или «хакими». Для Хусрава б. Мухаммада такой правитель — всего лишь *забит* («староста, управляющий»), а его правление — *забити*. Тем самым автор выражает свое к ним отношение — с его точки зрения их правление было как бы ненастоящим и, естественно, незаконным.

Рукопись хроники начинается с традиционного для произведений средневековой персидской историографии восхваления Аллаха, пророка Мухаммада и «предводителя двенадцати имамов» 'Али б. Абу Талиба, которое одобрено автором обильными цитатами из Корана и хадисов. Однако в отличие от сочинений, по образцу которых была написана хроника рода Ардалана, в авторском предисловии отсутствует славословие царствующему монарху — Фатх 'Али-шаху, при котором книга была начата, или Мухаммад-шаху, в чье правление сочинение было, по-видимому, закончено. Это обстоятельство также обращает на себя внимание в связи с антиперсидской настроенностью Хусрава б. Мухаммада. Нет в предисловии посвящения и славословия арделанским князьям Хусрав-хану Накаму и Риза-Кули-хану, что также говорит об определенной политической концепции автора в плане непризнания этих правителей, при которых было покончено с величием и могуществом князей из рода Ардалана.

Вместо посвящения Хусрав б. Мухаммад поясняет причины, побудившие его взяться за написание истории правителей Арделана, «над которыми никто из государей не держал владетельной десницы» ⁶. Историком руководило, по его словам, единственно **[30]** желание извлечь историю этого рода из-за «завесы тайны» и из «потопленного уголка», где якобы она пребывала до его, Хусрава б. Мухаммада, сочинения.

Начальные страницы хроники, посвященные «курдам бани арделанам», представляют краткую компиляцию введения Шараф-хана Бидлиси к *Шараф-наме*. *Шараф-наме* в

первую очередь следует упомянуть среди нарративных источников, использованных Хусравом б. Мухаммадом. Хусрав б. Мухаммад неоднократно упоминает труд своего предшественника и обращается к страницам его книги, как, впрочем, и другие курдские историографы: Мухаммад Шариф, Мухаммад Ибрахим Ардалани, Мала Махмуд Байазиди и т. д.

Хусрав б. Мухаммад заимствует из введения Шараф-хана Бидлиси разделение курдов на четыре основные группы, отличающиеся по своим обычаям и языку. Однако в отличие от Шараф-хана Хусрав б. Мухаммад первым называет племя бани арделан вместо племени калхор в *Шараф-наме*, с которым Бани Ардаланам не раз приходилось встречаться на поле брани. Такое возведение бани арделанов в разряд основных четырех групп курдских племен вызвано стремлением Хусрава б. Мухаммада возвеличить и восславить свой род и племя. Определение территории Курдистана в хронике также почти дословно повторяет текст *Шараф-наме* [7](#).

Однако, останавливаясь вслед за Шараф-ханом Бидлиси на вопросе о религиозной принадлежности племен, заселяющих «вилайет Курдистана» [8](#), Хусрав б. Мухаммад раздражается бранью и проклятиями в адрес езидов и называет их дьяволопоклонниками [9](#). Высказывания Хусрава б. Мухаммада представляют резительный контраст со спокойным повествованием Шараф-хана Бидлиси. Согласно автору *Шараф-наме*, вся вина езидов состояла в несоблюдении поста и молитвы, поскольку они «ошибочно полагают, что шейх Ади взял на себя их пост и молитву, а в день Страшного суда их, не подвергая попрекам и порицанию, отправят в рай» [10](#).

Следующие за введением четырнадцать листов рукописи (до л. 19а) также представляют компиляцию главы *Шараф-наме*, посвященной правителям Арделана [11](#). Однако фактически Шараф-хан Бидлиси в отличие от Хусрава б. Мухаммада начинает историю *хакимов* Арделана не с их легендарного прародителя, а с правления Мамуна б. Мунзира (862/1457-58—900/1494-95 [12](#)). **[3]** Предшествующих правителей он лишь перечисляет, поскольку их история для Шараф-хана «оставалась неясной, и ни от одного достойного доверия он не слышал ничего достоверного» [13](#). Автор *Шараф-наме* предпочитает рассказывать о тех правителях Арделана, обстоятельства правления которых представлялись ему с совершенной очевидностью. С некоторыми из них он был, по-видимому, знаком лично в бытность свою эмиром эмиров Курдистана при шахе Исма'иле II (1576—1577), когда все эмиры и правители «Курдистана, Луристана, гурана и других курдских племен» должны были обращаться к Шараф-хану по всем своим вопросам [14](#).

Скупые и лаконичные сведения *Шараф-наме* о легендарных прародителях рода Бани Ардалан Хусрав б. Мухаммад украшает перлами своего красноречия и «дополняет», теряя всякое чувство меры. Историк изображает некий «золотой век» Арделанского княжества, исполненную мира и благоденствия идиллическую картину — до правления Мамун-бека.

Последующие листы рукописи труда Хусрава б. Мухаммада, посвященные «свершениям Мамун-бека б. Мунзира», «обстоятельствам» Бика-бека б. Мамун-бека и Мамун-бека II б. Бика-бека, правлению Сурхаб-бека и сына Сурхаб-бека Басат-бека, описанию событий времени «владычества» Тимур-хана, сына Султан 'Али-бека, и Халу-хана, представляют пересказ главы «О правителях Арделана» из *Шараф-наме*. Хусрав б. Мухаммад довольно точно передает сведения Шараф-хана Бидлиси, но в отдельных случаях заимствованные из *Шараф-наме* данные претерпевают в изложении Хусрава б. Мухаммада некоторые изменения.

Особенно сильные различия обнаруживаются в названиях округов Арделана, когда историки описывают раздел Арделанского княжества между сыновьями Мамун-бека и, позднее, между Тимур-ханом б. Султан 'Али-беком и его сыновьями. Эти различия могут быть вызваны разночтениями в списках труда Шараф-хана Бидлиси, но, возможно, что в некоторых случаях Хусрав б. Мухаммад мог основываться на каких-то местных традициях и преданиях или на данных неизвестного нам источника. Поэтому все внесенные Хусравом б. Мухаммадом изменения заслуживают внимания и представляют интерес.

Любопытно в этом плане отметить, что первая упоминаемая в хронике Хусрава б. Мухаммада дата — 1004/1595-96 г., заимствованная из *Шараф-наме*, разнится с датой в изданиях труда Шараф-хана Бидлиси на один год ¹⁵. Мухаммад Шариф, автор *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, в аналогичном месте также, указывает 1004 г.х., а не 1005/1596-97, как в *Шараф-наме*. [32] По-видимому, оба историка пользовались рукописью сочинения Шараф-хана, где был приведен 1004 г.х. Если учесть, что этот год называется в *Шараф-наме* текущим, то разница в сообщениях Хусрава б. Мухаммада и Шараф-хана Бидлиси представляет несомненный интерес в плане уточнения времени написания труда Шараф-хана.

Однако Хусрав б. Мухаммад читал сочинение Шараф-хана недостаточно внимательно. Вне поля зрения историка остались две главы *Шараф-наме*, в которых идет речь о правителях Палангана и эмирах Бане: первый параграф из десятой главы третьего раздела,

посвященного «другим эмирам и правителям Курдистана» — *Дар зикр-и хуккам-и Паланган*, — и глава одиннадцатая того же раздела — *Дар зикр-и умара'-йи Бане*.

Из-за недостаточно глубокого знания труда Шараф-хана Бидлиси и проистекла довольно грубая для автора местной хроники ошибка в тексте. Речь идет о сведениях Хусрава б. Мухаммада относительно построения Халу-ханом крепости Паланган ¹⁶. В *Шараф-наме* довольно подробно рассказывается о правителях крепости Паланган — неприступной твердыни, «завоевание которой, казалось, выходило за пределы возможного» ¹⁷. По словам Шараф-хана, владельцам Палангана принадлежали еще восемь крепостей: Див-диз, Нав-диз, Дизман, Гувах-гуз, Мур, Галане, Ношур и Маравидиман, и подчинялись они непосредственно иранским шахам Исма'илу I, Тахмасбу и Исма'илу II. Таким образом, их правление приходится на период с начала XVI века до конца 70-х годов, а Халу-хан пришел к власти после гибели своего брата Тимур-хана в 998/1589-90 г. ¹⁸.

Шараф-хан Бидлиси упоминает трех правителей Палангана: Гайбаллах-бека, Мухаммада и эмира Искандара. В хронике Хусрава б. Мухаммада не приводятся даже их имена. Не нашла в ней отражения и история эмиров Бане, которые во времена Шараф-хана Бидлиси также пользовались значительной властью. Первый из называемых Шараф-ханом эмиров Бане — Мирза-бек б. эмир Мухаммад — был современником арделанского князя Бика-бека, женат на его дочери и пользовался полной независимостью ¹⁹.

Главы хроники, посвященные «описанию событий [правления] Халу-хана» и «добродетелям Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана» и занимающие более одной десятой части всего сочинения, представляют, на наш взгляд, любопытный образец синтеза конкретных исторических сведений из письменного источника — по-видимому, *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* Искандар-бека ^[33] Туркмана — с устной местной традицией. Сочинение Искандар-бека содержит сведения по истории курдских племен Ирана и Арделанского княжества. К этому труду обращались и другие арделанские историки: Мухаммад Шариф, Мухаммад Ибрахим, Мирза 'Али Акбар-хан Садик ал-Мулк.

Хусрав б. Мухаммад упоминает в своей хронике сочинение прославленнейшего из историков эпохи Надир-шаха — *Тарих-и джихангуша-йи Надири* Мирза Махди-хана, сына Мухаммада Насира Астарабади ²⁰. Хусрав б. Мухаммад ссылается на этот труд под названием *Тарих-и Надири* ²¹. Текст памятника показывает, что сочинение Махди-хана послужило Хусраву б. Мухаммаду источником сведений не столько по истории Бани

Ардаланов, сколько для характеристики общего политического состояния Ирана во время нашествия турок и афганцев.

Хусрава б. Мухаммада нисколько не заботит явное несоответствие между его собственным отношением к Надир-шаху, который, по его словам, «протянул из рукава десницу гнета и притеснения, и Курдистан по этой причине стал приходить в запустение»²², и панегирическим тоном Махди-хана. Хусрав б. Мухаммад следом за историком, весь труд которого направлен на восхваление Надир-шаха, описывает также, как «воссияло солнце надирова возвышения, подобно восходящему светилу. Ударом богатырской десницы он вызволил иранскую землю от врага и покори́л Индию, Туран, Хорезм и Туркестан. Каждое государство он передал своим законным наследникам, очистил поверхность Ирана от колючек и нечистот турок и афганцев, а всех противников побросал во прах смерти»²³.

На примере использования *Тарих-и джихангуша-йи Надири* очевидно, что Хусрав б. Мухаммад как историк еще не подошел к критическому восприятию исторического источника и не обращал внимания даже на согласование страниц, написанных со слов другого хрониста, с его собственными.

С большой долей вероятности можно также предполагать, что при написании хроники дома Бани Ардалан Хусрав б. Мухаммад прибегал и к другим трудам средневековых персидских историков. Однако при сопоставлении хроники Хусрава б. Мухаммада с *Аббас-наме* Мирза Мухаммада Тахира Казвини, *Наме-йи 'аламара-йи Надири* Мирза Мухаммада Казима, *Тарих-и гингигуши-йи Зандийа* Мирза Мухаммада Сади́ка Нами Мусави, *Рустам ат-таварих* Мухаммада Хашима Асафа Исфাহани текстуальной близости обнаружить не удалось. [34]

На вопрос, в какой мере Хусрав б. Мухаммад использовал сочинения других арделанских историографов, в настоящее время еще трудно ответить категорически, поскольку, кроме известных, могут существовать невыявленные местные хроники. Если верить Хусраву б. Мухаммаду, то он вообще не был знаком с каким-либо сочинением, посвященным истории дома Бани Ардаланов: «...книги, в которой бы рассказывалось об их обстоятельствах, не написано и не составлено, и потому история того племени осталась скрытой за завесой тайны, а истинное положение — неизвестным»²⁴.

Хусрав б. Мухаммад прав, по-видимому, в одном — его сочинение, насколько нам известно, было первым трудом, целиком посвященным данной теме. Сочинение его

предшественника, арделанского историка Мухаммада Шарифа, сына. Мулла Мустафы Шайх ал-ислама, — *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* представляет обширную историческую хронику, написанную по образцам «всеобщих историй». Поскольку этот труд еще не привлекался исследователями и, кроме краткого описания рукописи *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* в каталоге Э. Брауна [25](#), другие сведения об этом источнике в научной литературе отсутствуют, будет интересно остановиться на нем подробнее.

Книга Мухаммада Шарифа была написана по заказу и настоятельной просьбе одного из самых могущественных князей рода Бани Ардалан — Хусрав-хана, которого местные курдские историки называли Великим: «Потом изволили попросить... квинтэссенция семейства 'Аламаддина... Хусрав-хан — да продлит Аллах дни его правления!.. — [пожелали], чтобы написал я книгу, посвященную жизни его святости пророка [Мухаммада] и историю государей и султанов... на персидском языке... основанную на известиях о событиях и деяниях знатных и блегородных... Этот бедняк сколько ни докладывал о своей несостоятельности ... они не приняли во внимание и продолжали упорствовать еще более, пока не осталось выхода иного, нежели последовать [их желанию]» [26](#).

Ниже автор упоминает, что не то он получил от Хусрав-хана деже приказ и установление.

Сочинение Мухаммаде Шарифа состоит из введения (*мукаддаме*), двенадцати глав (*фасл*) и заключения (*хатиме*):

Фасл 1. О числе пророков, посланцев [господних] и прославленных; **[35]**

Фасл 2. Кайаниды;

Фасл 3. Ашканиды;

Фасл 4. Сасаниды, известные под [именем] Кесарей;

Фасл 5. О его святости Мухаммаде, посланнике Аллаха — да благословит его [господь] и да приветствует!;

Фасл 6. О чудесах его святости посланца [господнего]...;

Фасл 7. О талантах его святости посланца [господнего]...;

Фасл 8. Изъяснение имуществ, оставленных в наследство [господним] посланцем...;

Фасл 9. Об эмирах рода Умайи, эмирах рода 'Аббаса, о маликах рода Самана, о маликах Саффаридах, о маликах Газны, об эмирах Дайамале (***), о маликах и эмирах Исмаилитах, о маликах, известных под [именем] Малахиде, о Сельджукских маликах, о маликах Хваризмшахах, о маликах атабеках, что владели державой Египта и Сирии, о маликах Гуридах, о маликах рода Музаффара, о маликах Куртах, о тюркских маликах;

Фасл 10. О падишахах [династии] Сефевидов;

Фасл 11. Во изъяснение происхождения курдов и родословной валиев и эмиров Арделана;

Фасл 12. О величии, царствовании и правлении благородного и могущественного Каджарского рода.

В заключении автор снова упоминает обстоятельства написания книги и указывает исторические труды, которые послужили первоисточниками при составлении *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*. В их числе упоминается *Китаб-и тарих ал-акрад*, или *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси.

Таким образом, хотя в названии сочинения содержится обещание представить «сливки историй Сенендеджа», Арделану, или Сенендеджскому Курдистану, посвящена лишь предпоследняя глава *Дар байан-и насб-и акрад ва насб-и валат ва умара-йи Ардалан*. Э. Браун справедливо назвал эту главу самой ценной частью рукописи *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* ²⁷. Сочинение Мухаммада Шарифа в описанных рукописных собраниях существует в единственном списке, который ныне хранится в библиотеке Кембриджского университета и выполнен для сына Фатх 'Али-шаха Каджара, царевича Бахман-мирзы Баха' ад-Дауле, правителя Кашана, Йезда и Семнана, его личным секретарем Ака Баба Шахир-заде ²⁸.

Описание истории арделанских эмиров занимает в труде Мухаммада Шарифа окол с 1/5 всего сочинения и охватывает период [36] со времен прародителя Бани Ардаланов до конца XVIII в. Мы сличили тексты хроник Хусрава б. Мухаммада и Мухаммада Шарифа и в качестве примера приведем отрывки из двух сочинений.

В первом случае речь идет об отдаленных событиях времени правления Халу-хана. «Два-три года спустя после начала правления,— рассказывает Мухаммад Шариф,— [Халу-хан] стал так своевольничать, что перестал изъяслять покорность падишаху Ирана и султану Рума. Ни одному властителю не посылал он подарков и подношений..., не повиновался

никакому государю и присоединил к своей державе (***) крепость Залм и крепость Паланган, что пребывали во владении у гуранов, вместе с крепостью Хасанабад... Он независимо и самовластно вершил дела правления... Падишах Ирана и султан Рума посылали ему подарки и оказывали милости, но Халу-хан не подчинялся ни одному из них» ²⁹.

«Постепенно,— вторит ему Хусрав б. Мухаммад ³⁰,— [Халу-хан] прекратил общение и дружбу с Румом и кызылбашами и стал править независимо. В 1019/1610-11 г. Хусайн-хан Лур подошел к крепости Хасанабад, чтобы сразиться с Халу-ханом и перебить население Курдистана, и понес заслуженное наказание. Когда [Хусайн-хан] увидел, что его знамя поникло, он заменил знамя хвостом, а калам — ушами (?) и в расстроенных чувствах поспешил в свои области. После того Халу-хан успокоился, гордый могуществом своих крепостей и радуясь множеству богатств, [многочисленности] войск и припасов, прочности и неприступности башен и [крепостных] стен. Шаха 'Аббаса он посчитал ничтожеством и проводил время в розовом саду Курдистана в радости и наслаждении, в удовольствиях и приятности, довольный и удовлетворенный, и не обращал внимания на просьбы шаха».

Текст приведенных отрывков достаточно близок, оба автора едины в своем стремлении возвеличить курдского князя, убедить читателя в несокрушимой мощи Халу-хана. Второй пример сопоставления текстов сочинений Хусрава б. Мухаммада и Мухаммада Шарифа особенно показателен. Историки рассказывают о победах Хусрав-хана Бани Ардалана над Аллах-Кули-ханом Зангане, Джа'фар-ханом и Исма'ил-ханом Зандами и об отношениях Хусрав-хана и Ага Мухаммад-хана Каджара — т. е. о событиях, современником которых Мухаммад Шариф был несомненно. Поэтому, в случае использования *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* в качестве первоисточника, именно эту часть труда Мухаммада Шарифа, на наш взгляд, Хусрав б. Мухаммад не мог обойти вниманием. [37]

Хроника Хусрава б. Мухаммада, лл. 61б—69б:	<i>Зубдат ат-таварих-и Санандаджи</i> , лл. 227б-236а:
В 1119 (?) году Аллах-Кули-хан поднял голову из воротника безвестности и стал претендовать на царство. Им овладела жажда покорения стран и первым делом он [решил] завоевать Курдистан... Он пошел	После того как Хусрав-хан утвердился на правление, Аллах-Кули-хан, правитель зенгене, положил начало вражде с Хусрав-ханом... и день ото дня пламя неприязни Аллах-Кули-хана возгоралось все более... В

через Динавер на Курдистан с бесчисленной армией, конниками и стрелками — [всего] более тридцати тысяч...

Зенгене понесли поражение [и] бежали в свои области, войско [Хусрав-хана] — за ними следом...

Победив Аллах-Кули-хана, [Хусрав-хан] выпустил сокола устремления и направил знамя победы и торжества на Керманшахан. На земле Керманшахана он разбил победоносные шатры, начал поговаривать о независимости, все усилия устремил на расправу с врагами и забил в литавры доброй славы...

В 1201 году в Астарабаде выступил Ага Мухаммад-хан Каджар, поскольку его счастливая звезда восходила ввысь. Джа'фар-хан Занд провозгласил себя государем, остановился в Исфахане и вознес знамя отваги. Прослышав о выступлении Ага Мухаммад-хана, [Джа'фар-хан] едва успел бежать в Фарс, и Ага Мухаммад-хан за короткое время завладел всем Ираком. Он прибыл в Хамадан, желая встретиться с Хусрав-ханом.

Хусрав-хан помнил об обязанностях, [налагаемых на него] [38] благодеяниями и щедротами Мухаммад Хасан-хана, отца Ага Мухаммад-хана... и считал неблагородным не ладить с его сыном Ага Мухаммад-ханом. Но ехать к нему он тоже не решался и не осмеливался, поскольку непрестанно думал

1199/1784-85 году он выступил из Керманшахана и прибыл в Сонкор для сражения с Хусрав-ханом.

...войско Аллах-Кули-хана понесло позорное поражение, а Хусрав-хан вышел победителем...

... Мухаммад Рашид-бек со своими людьми и сборищем направился к хакану, [ныне] обитающему в раю, и ему доложил, что Хусрав-хан собрал при себе племена и ... остановился в окрестностях Хамадана, свое вольничает и бунтует и желает себя показать ... И почивший смертью за веру хакан изволил говорить: «Два-три раза мы вызывали Хусрав-хана к себе, он [лишь] принес извинения. Мы направимся туда. Либо его схватят и доставят к нам, либо он возгордился своими дарованиями, и мы разгромим его вилайет»...

Войско с великолепием Сатурна выступило в том направлении и прибыло в Хамадан... В это время известие дошло до Хусрав-хана, и он послал в Хамадан Назар 'Али-хана с просьбой о пощаде и написал обитающему [ныне] в раю хакану исполненное мольбы письмо, мол, «покорен и [38] повинуюсь [всем] поручениям и обращениям высокого дивана...» Затем послание Хусрав-хана представили пред благородные очи, и Хусрав-хана по милости ... простили, послали ему почетный халат и золотое седло и повернули в сторону Астарабада. Хусрав-

о его мощи, и не нашел выхода Гиного], как откочевать. [Хусрав-хан] подарил Ага Мухаммад-хану какую-то малость, тот удовольствовался и повернул оттуда в сторону Исфахана. В 1202 году Джа'фар-хан направился в Хамадан и оттуда стал требовать встречи с Хусрав-ханом или с его сыном Хан [Ахмад-ханом]. Хусрав-хан ответил ему с помощью острого меча и беспощадного кинжала, который умиротворяет [и] мужественного, и малодушного. С отрядом, что у него был, он бесстрашно вставил ногу в стремя отваги и выступил ему навстречу...

После больших усилий зенды предпочли бежать, и храбрецы бросились за ними вслед... Артиллерийский обоз, литавры, замбураки и царские регалии вместе с добычей, верблюдами, мулами без числа и счета, хочешь-не хочешь, достались победоносным героям ...

[Хусрав-хан] приказал призвать войска и пошел на Керманшахан, вознес в том направлении победоносное знамя и устремил [свои] усилия на то, чтобы наказать и проучить Исма'ил-хана ...

Исма'ил-хан снял осаду [Керманшахана]. Они направились в Бисутун, ожидая, что Хусрав-хан [39] возвратится назад...

[Исма'ил-хан] там остановился, Хусрав-хан выступил вслед за ним. После одной стоянки [Исма'ил-хан] остановился снова и стал выжидать — [и так] до Сарбанд-и

хан же, преисполненный уверенности, возвратился в Сенендедж....

Вначале войско Джа'фар-хана понесло позорное поражение. Одни из них стали жертвой меча и кинжала витязей Арделана, и несколько человек из ханов и великих Фарса и знатных и благородных Ирака были захвачены живыми на поле брани. Хусрав-хан по монаршей милости и человеколюбию им пощадил жизнь... обласкал и отправил к себе на родину. Оставшиеся в живых из них... разбежались по сторонам. Джа'фар-хан же сосчитанным числом людей улучил момент и бежал ночью в сторону Исфахана. Победоносному войску в качестве добычи достались пушки и замбураки, оружие, палатки и шатры.

Хусрав-хан со своим войском выступил из Сенендеджа для оказания отпора Исма'ил-хану. Тот прослышал об его отъезде и, будучи не в силах оказать сопротивление, выехал в Луристан. Хусрав-хан прибыл в Керманшахан, и со стороны умершего мученической смертью за веру хакана был издан [39] указ непререкаемый, как судьба, что он со своими отрядами должен идти на Исма'ил-хана и оказать ему отпор ...

Согласно приказу шаха Хусрав-хан выехал из Керманшахана и отправился на усмирение смуты Исма'ил-хана и прибыл в Боруджирд, а [затем] в Нехавенд.

Исма'ил-хан попросил помощи у всех

Силахур — то остановка, то переход. [Противники] встретились и разожгли пламя битвы и сражения. Пушечными залпами и ружейными [выстрелами] они спалили ниву жизни. Нападая и поражая, хватая и связывая, обе стороны проявили чудеса отваги.

Под конец ветерок победы и. торжества подул на шелк знамен валия, а знамя счастья Исма'ил-хана было повержено. Сплоченные ряды врагов рассыпались, в замешательстве и смятении они разом бросились бежать и поспешили кто куда. Многие из них были убиты, некоторые раненые пали на поле [брани]. Многие в безжизненном состоянии попали в плен и были схвачены, и [лишь] незначительное число [людей Исма'ил-хана] полуживыми спаслись и отправились кто куда. [Хусрав-хан] с победой и торжеством изволил возвратиться оттуда в свою резиденцию и вилайет.

Ага Мухаммад-хан ... во второй раз пожелал завоевать Курдистан и снова прибыл в Хамадан. Еще раз выехал [Хусрав-хан] из Сенендеджа, [обратился] к нему через послов и послания... Он отослал ему [40] незначительный подарок и направил к нему Лутф 'Али-хана. [Ага Мухаммад-хан] взял его с собой как заложника, вознес знамя устремления в сторону Тегерана и выступил. В .1200/1785-86 году он отпустил Лутф 'Али-хана, ... заверил его [в своем к нему

племен и *'аширатов* ... Луристана и собрал 12 тысяч конников и пеших. Хусрав-хан, поскольку отпор ему считал из дел самых важных, постепенно продвигался вслед за Исма'ил-ханом, и в деревне Иманлу, относящейся к Сарбанду, произошла встреча противников ... Войско [Исма'ил-хана] потерпело позорное поражение. Тысяча человек из его войска и даже более пали на поле брани жертвой меча героев Арделана. Оставшиеся в живых из них бежали в горы... Смутян и разбойник Исма'ил-хан с пятью тысячами спасся с [поля] брани ... и решил бежать. Все, что имелось из снаряжения — палатки, кони и провиант — стало добычей победоносного войска, и Хусрав-хан с победой и торжеством возвратился в Сенендедж. Эта победа имела место в 1201/1786-87 году и была последней из [его] побед. ... [Ага Мухаммад-хан] призвал Хусрав-хана к себе. Тот ... извинился и в августейший лагерь направил Лутф'Али-хана б. Субхан-Вирди-хана. Умерший мученической смертью за веру хакан принял извинения [40] Хусрав-хана в том, что он не явился, пожаловал Лутф 'Али-хану [звание] *мулазима* при победоносном стремени, и августейшее войско отбыло из области Каламрав... Хусрав-хан в эти годы был занят оказанием услуг [государю] и отправлением даров ко двору шаха, пока благословенный непреклонный шахский помысел не утвердился в решимости призвать Хусрав-хана, и был издан непререкаемый, как

расположении] и условился, что Хусрав-хан вместе со своим сыном Хан Ахмад-ханом придут к нему, [исполненные] спокойствия и упования. «Кроме как принять их и после встречи обласкать иного намерения я не имею»,— [заявил Ага Мухаммад-хан]. Лутф 'Али-хан прибыл в вилайет [Курдистана]. Когда наказ и послание были переданы, Хусрав-хан решил встретиться с Ага Мухаммад-ханом и устроил совещательное собрание ... За какое-то [время Хусрав-хан] подготовился к поездке и отправился в путь. Преодолев стоянки и переходы, он прибыл к государю. Тот встретил его с почестями и милостями, доставил в Тегеран, призвал на пиршество, [на котором сам] присутствовал, и посадил среди избранных. Каждый день он проявлял к нему расположение каким-либо подарком и возносил его подобающей милостью, пока не прошло какое-то [время]. Хусрав-хан заболел.	судьба, приказ: «Мы не собираемся ни смещать тебя, ни причинять тебе какое-либо зло... Некоторое время ты будешь находиться при победоносном стремени, и мы снова отпустим и отправим тебя в Арделан». Согласно приказу государя в месяце шабана 1204/1789-90 года [Хусрав-хан] выехал из Сенендеджа и направился в Тегеран. Хакан ... отправил навстречу Хусрав-хану несколько вельмож и с величайшими почестями его доставили в Тегеран. Хакан, погибший мученической смертью за веру, на всеобщей аудиенции [обратился к нему] с рассыпающимися перлы высказываниями дватри раза ... и каждый день призывал... и проявлял к нему милость и расположение... Через некоторое время Хусрав-хан подвергся различным недугам и заболел неизлечимыми болезнями.
--	--

Детальное сопоставление соответствующих отрывков из текста двух рукописей позволяет заметить: 1) наличие определенной сюжетной тождественности; 2) единую последовательность **[41]** описываемых событий; 3) примеры текстуального тождества, хотя и немногочисленные. Все это вместе взятое неопровержимо свидетельствует, что Хусрав б. Мухаммад был знаком с трудом Мухаммада Шарифа и пользовался *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* в качестве первоисточника.

Более раннее, по сравнению с хроникой Хусрава б. Мухаммада, описание истории Арделанского княжества содержится также в дополнении к *Шараф-наме*, написанном Мухаммадом Ибрахимом Ардалани. Дополнение (supplement) составлено в 1810 г., т. е.

почти десять лет спустя после *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* и за двадцать пять лет до хроники Хусрава б. Мухаммада.

История написания этого дополнения представляет определенный интерес. Английский историк Джон Малколм во время поездки в Иранский Курдистан был принят арделанским князем Аманаллах-ханом и произвел, по его словам, на курдского валия самое благоприятное впечатление своими познаниями в области истории курдов, которые он почерпнул из рукописи *Шараф-наме*, подаренной ему курдским эмиром Мохеззы. У Аманаллах-хана тоже была рукопись сочинения Шараф-хана Бидлиси, но в ней не доставало, как он сказал Малколму, нескольких страниц. Их переписали по экземпляру Малколма, но, когда ему возвратили манускрипт, он обнаружил, что глава, посвященная правителям Арделана, пополнилась приложением в виде тринадцати страниц персидского текста, написанного очень убогим почерком ³¹.

Дополнение содержало краткое описание истории Бани Ардаланов — «этого славного рода, которому присущи высокое происхождение, величие, великодушные деяния и прекрасные качества, от Халу-хана до 1225/1810 г. и времени правления эмира величайших эмиров и главы высочайших валиев Аманаллах-хана» ³². Позднее эта рукопись *Шараф-наме* вместе с приложением перешла в рукописное собрание Королевского Азиатского общества.

Отцы и деды составителя дополнения, по его словам, «в уединении и при народе, в военное время и мирное были близки к личному окружению [арделанских правителей] и являлись историографами этого отмеченного счастьем рода», и он использовал их записи ³³. Последнее обстоятельство придает сочинению Мухаммада Ибрахима особую ценность. Сведения историографа позволили нам уточнить и исправить некоторые даты в хронике Хусрава б. Мухаммада.

Сравнение текста хроники Хусрава б. Мухаммада и упомянутого дополнения показало, что автор исследуемого сочинения не использовал труд Мухаммада Ибрахима. По всей видимости, он [42] даже не знал о его существовании, а дополнение было составлено в единственном, предназначенном для Малколма, экземпляре.

Таким образом, при написании своей книги Хусрав б. Мухаммад обращался к трудам своих предшественников. Однако исторические сочинения, послужившие ему первоисточниками несомненно, сводятся к следующим четырем: *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси, *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* Искандар-бека Туркмана, *Тарих-и*

джихангуша-йи Надири Мирза Махди-хана и *Зубдат атт-таварих-и Санандаджи* Мухаммада Шарифа.

К числу нарративных источников хроники Хусрава б. Мухаммада можно отнести также погодные записи арделанских хронистов. На то, что при дворе арделанских князей был принят обычай вести погодные записи и существовала должность *вака'и'-нигара* (хрониста), указывает приведенное выше замечание Мухаммада Ибрахима о своих предках ³⁴. Более или менее регулярный характер ведение погодных записей принимает, по всей видимости, в правление Хусрав-хана, т. е. во второй половине XVIII века. Во-первых, потому, что хотя бы относительно стабилизируется внутренняя жизнь области. И сам Хусрав-хан, помышлявший об иранском престоле, во всем, очевидно, желал походить на государя, каждое действие которого фиксировали придворные историографы. В тексте хроники Хусрава б. Мухаммада ощутимо влияние погодных записей именно с описания правления Хусрав-хана. Соединительными звеньями между отдельными частями текста начинает служить автору не логика повествования, не причинно-следственная связь, а лишь хронологическая последовательность событий.

Места, где историк явно использовал погодные записи, заметно выделяются из текста хроники большей сухостью и лаконизмом. Начинаются они, как правило, с указания года, когда произошло то или иное событие, например: «В 1172/1758-59 году Азад-хан Афган решил покорить Курдистан...»; «Когда наступил 1191/1777 год, повелитель Рума приказал губернатору... Багдада послать на вилайет Курдистана целое войско...»; «В том же (1193/1779) году взбунтовался Зулфикар-хан Хамсе...»; «В 1194/1780 году Риза-Кули-хан отправился вслед за Хан Ахмад-ханом в Авроман...» и т. д., почти год за годом ³⁵. Хусрав б. Мухаммад использовал, по-видимому, записи придворных арделанских хронистов [начиная с описания] событий конца 50-х годов XVIII в. [43]

Однако важнейшим, с нашей точки зрения, источником для Хусрава б. Мухаммада послужила устная арделанская традиция, родовые предания, которые он слышал с детства.

Для курдов исторические предания были источником первостепенной важности для познания своей истории и имели значение, которое трудно переоценить. Экономический уровень жизни курдского кочевого и оседлого населения был столь низким, а политическая жизнь так сложна и переполнена войнами и кровавыми столкновениями, что длительные литературные и историографические занятия поддерживаться не могли. Поэтому во многих случаях лишь устная традиция помогла сохранить в памяти события

их истории. По мнению Я. Вансины, исследователя устной традиции и ее значения как исторического источника, основой для целого ряда произведений жанра локальных историй послужили предания ³⁶.

Страницы хроники Хусрава б. Мухаммада, где заметно влияние местной устной традиции и преданий, выделяются из текста книги даже по чисто формальным признакам. Как правило, автор предваряет рассказ словами «говорят», «слышал от мудрых» и т. д. Кроме того, для повествования, навеянного устной традицией, характерно, на наш взгляд, обилие прямой речи ³⁷. В этом плане любопытно отметить, что прямая речь почти совсем не используется в последних главах хроники, где основным источником информации служили собственные наблюдения историка.

Любопытным примером использования Хусравом б. Мухаммадом устной местной традиции является рассказ хрониста о походе сефевидского шаха 'Аббаса I на Арделан в правление Халу-хана Бани Ардалана ³⁸. Рассказ об этом походе содержится во всех известных нам сочинениях арделанских историографов: *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* (лл. 191a—192a), Supplement (с. 1), *Тарих-и Ардалан* Мах Шараф-ханум Курдистани (с. 29—30) и *Хадике-йи Насирийе* (лл. 103—107). Мухаммад Щариф приводит даже текст послания, якобы направленного шахом 'Аббасом Халу-хану. Шахское письмо, согласно *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, начиналось такими словами: «Мы хотели проучить тебя и разорить принадлежащий тебе вилайет, [но] простили тебе твою вину и нерадение и [вместо] порицания и наказания тебя изволили помиловать... Посылай твоего сына Хан Ахмад-хана с умными людьми в победоносное войско, дабы проявил он усердие и радение на службе [государю]» ³⁹.

Все авторы перечисленных хроник, за исключением Мухаммада Ибрахима, упоминают личного шахского стремянного Али-Бали **[44]** (в *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* он именуется Алу-Балу) из племени зенгене, совет которого, по их словам, произвел на шаха 'Аббаса столь магическое действие и заставил отказаться от продолжения похода.

На основании *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* Искандар-бека Туркмана можно было бы утверждать, что тщательно и подробно описанный арделанскими историками поход шаха 'Аббаса в действительности не имел места. Во-первых, Искандар-бек такого похода не упоминает. Во-вторых, Али-Бали Зангане, согласно *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*, был назначен на должность шахского стремянного значительно позднее, после прихода к власти сына Халу-хана — Хан Ахмад-хана ⁴⁰. В справедливости такого заключения

заставляет усомниться краткое сообщение Шараф-хана Бидлиси в заключительной части *Шараф-наме*.

Согласно *Шараф-наме*, в конце 1001/1592-93 г. шах 'Аббас ходил походом на Хорремабад «против правителя Луристана Шахвирди-хана. Шахвирди-хан, будучи не в силах сопротивляться, покинул вилайет и уехал. Шах 'Аббас поручил Махди-Кули-хану Шамлу охрану и управление Луристана и возвратился в свой столичный город» ⁴¹.

Поскольку такой поход имел место и путь шаха 'Аббаса и его войска мог лежать через земли Арделанского княжества, не исключена возможность, что вначале иранский шах хотел проучить Халу-хана Бани Ардалана, но вынужден был отказаться от своих намерений, не очень-то рассчитывая на успех. И хотя любовно передаваемые и сберегаемые арделанскими историками подробности похода содержат, безусловно, массу домыслов и легенд, по существу вопроса права, по всей видимости, местная традиция, зафиксированная в перечисленных хрониках, а не придворный историограф шаха 'Аббаса Искандар-бек Туркман.

В хронике Хусрава б. Мухаммада мы находим примеры не только использования, но и трансформации традиционного материала под влиянием основной идеи сочинения. Сравнение источника с трудами Мухаммада Шарифа и Мухаммада Ибрахима Ардалани позволило заметить в хронике Хусрава б. Мухаммада наличие особой традиции в передаче событий. Примером может служить рассказ историка о завоевании Багдада сыном Халу-хана Хан Ахмад-ханом ⁴².

Версия о завоевании Хан Ахмад-ханом Багдада повторяется в хрониках Мах Шараф-ханум Курдистани и 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка ⁴³. Однако сведения Искандар-бека Туркмана и Мухаммада Шарифа опровергают достоверность этой [45] информации ⁴⁴. Описывая покорение Багдада войсками шаха 'Аббаса, автор *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* не упоминает даже имени Хан Ахмад-хана. Согласно этому источнику, арделанский князь был направлен в области Керкука и Шахризур. В *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* мы также находим лишь краткое упоминание: «...когда крепость Багдада была покорена и отошла к владениям шаха 'Аббаса, Хан Ахмад-хан воспользовался моментом и завладел областями Шахризур и относящимися к нему районами Суранди (?), Аку, Имадией, Керкуком и Мосулом».

Приведенный пример еще раз показывает определенную направленность устной местной традиции и арделанских историков, их стремление возвеличить род Бани Ардалан,

приписать князьям из этого дома великие завоевания и подвиги. Тот самый шах 'Аббас, который в начале XVII в. утопил в крови народно-освободительную борьбу курдов племени берадост, возглавленную Амир-ханом Златоруким и воспетую в курдском фольклоре, согласно арделанской традиции, побоялся идти на Халу-хана Бани Ардалана. Местные предания, подвергшиеся в сочинении Хусрава б. Мухаммада еще большей трансформации, превратили достаточно скромное участие Хан Ахмад-хана в Месопотамской кампании в «поход, [который, как] говорят, продолжался семь лет и три месяца»⁴⁵.

Часть приводимых Хусравом б. Мухаммадом сведений традиционного характера была известна, по-видимому, лишь узкому кругу лиц и передавалась как семейное предание. Таким семейным преданием, очевидно, навеян рассказ историка о его «прародителе» Манучихр-беке, который после бегства Хан Ахмад-хана б. Субхан-Вирди-хана в Турцию сумел, как уже упоминалось выше⁴⁶, отвратить от себя гнев Надир-шаха и снискал его милость. Отдельные почерпнутые из устной местной традиции рассказы в хронике носят откровенно анекдотический характер⁴⁷.

Материалы, послужившие источником при написании книги, Хусрав б. Мухаммад черпал также из рассказов «достойных доверия» информаторов. Чем ближе описываемые события ко времени написания, тем шире круг осведомителей, тем подробнее становится повествование, основанное зачастую на личном знакомстве автора с упоминаемыми лицами. Наряду с данными, заимствованными Хусравом б. Мухаммадом из перечисленных источников, историк сообщает много оригинальных сведений, которые служат результатом его собственных наблюдений. Можно с [46] уверенностью утверждать, что на такой информации основано описание правления Аманаллах-хана и его преемников.

Резюмируя рассмотрение материалов, послуживших Хусраву б. Мухаммаду источниками при написании его исторического труда, можно определить место этой хроники среди произведений арделанской историографии:

1. Сочинение Хусрава б. Мухаммада можно назвать одной из первых известных нам записей местной устной исторической традиции. В нем арделанские предания нашли более полное отражение, нежели в трудах Мухаммада Шарифа и Мухаммада Ибрахима Ардалани, и подверглись наибольшей трансформации.

2. Хроника представляет собой первое значительное произведение, целиком посвященное истории данного курдского региона. Книга Хусрава б. Мухаммада послужила источником для последующих арделанских историков: Мах Шараф-ханум Курдистани и Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка.

Мах Шараф-ханум ссылается на труд Хусрава б. Мухаммада неоднократно ⁴⁸. В *Хадике-йи Насирийе* Хусрав б. Мухаммад и его сочинение не упоминаются, однако отдельные местные предания 'Али Акбар-хан приводит в той же редакции и с теми же подробностями, что и Хусрав б. Мухаммад ⁴⁹.

Книга Хусрава б. Мухаммада, подобно другим арделанским хроникам, принадлежит к сочинениям династийного жанра. В основу их построения положено правление отдельных представителей рода Бани Ардалан. Подобная схема широко использовалась в мусульманской историографии ⁵⁰. В сочинении Хусрава б. Мухаммада, как и в большинстве аналогичных работ, последовательность повествования отражала естественную последовательность событий — от самых ранних до более поздних.

Будучи выдержана в схеме династийных историй, хроника тем не менее содержит ценный материал по истории данной курдской области, важный для понимания социально-экономической структуры арделанских курдов XVIII—XIX вв. В сочинении Хусрава б. Мухаммада мы находим полезные сведения о строительной деятельности правителей, о хозяйственной жизни княжества, о разрухе в Арделане, которая продолжалась иногда столетиями ⁵¹. Таким образом, хроника Хусрава б. Мухаммада представляет собой достаточно редкое сочетание фамильно-династийной истории с историей локальной. Соединение этих двух жанров создавало самобытную разновидность, которая, по мнению исследователя мусульманской историографии Ф. Розенталя, весьма интересна: [47] «Приходится лишь сожалеть, что подобная разновидность так малочисленна» ⁵².

Локально-династийный жанр предоставлял значительную свободу индивидуальным склонностям историка и, по наблюдению Ф. Розенталя, порождал значительную вариантность в форме и содержании сочинений в отличие от жанра «всеобщих историй» ⁵³. Убедительным тому примером служат локально-династийные хроники арделанских историков. Не представляя значительных различий в построении материала, эти сочинения весьма различны по содержанию, а также по задачам, которые ставили перед собой историки.

Мухаммад Шариф и Мухаммад Ибрахим писали по заказу, их цель — угодить князю, исправно выполнить поручение. Дополнение к *Шараф-наме*, составленное Мухаммадом Ибрахимом Ардалани, и рассчитанное на информирование европейского читателя, подверглось столь строгой авторской «цензуре», что ни один правитель Арделана, который не принадлежал к роду Бани Ардалан, там не упоминается.

Мах Шараф-ханум Курдистани заканчивала свою историю вдали от родины, в Турции, будучи уверена, что власть Бани Ардаланами утрачена навсегда ⁵⁴, хотя они правили еще два десятилетия после ее смерти. Хроника Мирза 'Али Акбар-хана написана двадцать с лишним лет спустя после свержения Бани Ардаланов, когда об их былом величии остались лишь воспоминания и легенды.

Хусрав б. Мухаммад в отличие от всех перечисленных авторов сочинил свою книгу в переломный момент истории княжества. Политическая атмосфера в Арделане была накалена до предела. Своим произведением историк хотел повлиять на умонастроения современников. Поэтому, как уже отмечалось выше, он и возвеличивал род Бани Ардалан, и в хронике Хусрава б. Мухаммада, более чем в сочинениях других арделанских историков, слышен голос самого автора, чувствуется его личное отношение к описываемым событиям.

Книга Хусрава б. Мухаммада написана в манере, довольно характерной для средневековой персидской историографии. При изложении событий далекого прошлого для Хусрава б. Мухаммада характерны склонность и даже пристрастие к гиперболизации и обычным для историков Ирана метафорам и сравнениям. Однако по мере приближения автора к современным ему событиям описание становится более реалистичным ⁵⁵. [48]

Нарочитая выпренность, основанная на штампах персидского красноречия, сочетается с непосредственностью передачи Хусравом б. Мухаммадом своих чувств к описываемым историческим фактам, иногда в весьма грубой форме. В особенности это заметно при описании правления Карим-хана б. 'Аббас-Кули-хана Бани Ардалана, личность которого вызывает у автора безграничное раздражение ⁵⁶.

Хусрав б. Мухаммад с удовольствием пересказывает пикантную беседу, якобы состоявшуюся между Хан Ахмад-ханом б. Халу-ханом и некой дамой из племени билбасов, которая на него и «его храбрецов» оказала столь вдохновляющее действие при штурме билбасской крепости, что неприступная цитадель была тотчас покорена ⁵⁷.

Обилие арабизмов, цитат из Корана и хадисов легко объясняется желанием автора украсить свое повествование и блеснуть образованностью. Кроме того, для каждого мусульманского историка Коран был энциклопедией исторических примеров и высказываний. Поэтому и Хусрав б. Мухаммад постоянно ссылается на Коран, поскольку ссылка на него уже считалась доказательством ⁵⁸. Однако он цитирует «книгу пророка» не всегда точно ⁵⁹. Более того, Хусрав б. Мухаммад даже сочиняет стилизованные под Коран изречения, что с точки зрения ортодоксального мусульманина было тяжким грехом и богохульством ⁶⁰.

В сочинении Хусрава б. Мухаммада приводятся 19 стихотворных отрывков, насчитывающих 59 строк,— в основном цитаты из произведений классиков средневековой персидской поэзии. Но два стихотворения представляют несомненный интерес. Одно воспроизводит отрывок из победной реляции придворного арделанского поэта Махди-бека Шиккаки о битве Хусрав-хана с Джа'фар-ханом Зандом. Второе является элегией на смерть Хусрав-хана Накама (1250/1834-35) и принадлежит, по-видимому, перу Хусрава б. Мухаммада ⁶¹.

Интересны приводимые Хусравом б. Мухаммадом местные поговорки: «Просить у бога Мулла Йа'куба» — о человеке, который спасается, казалось бы, из безвыходного положения; «Если всевышний подаст, то подаст и в Шихле» и в особенности история их возникновения, сохраненная местной устной традицией ⁶².

Таким образом, в ткань повествования Хусравом б. Мухаммадом вплетены изречения из Корана и стихи, местные легенды и [49] предания, пословицы и поговорки, рассказы современников и записи арделанских *вака'и'-нигаров*.

Сочинение Хусрава б. Мухаммада по схеме исторического повествования можно назвать типичным произведением мусульманской историографии, которое принадлежало к жанру локальнодинастийных хроник. По языку, стилю, литературным приемам труд Хусрава б. Мухаммада выдержан в традициях и канонах средневековой персидской историографии с ее изысканным рафинированным слогом, нарочитой выпендренностью, с изяществом рифмованной прозы и стихотворных отрывков. Однако хроника Хусрава б. Мухаммада и произведения всех арделанских хронистов составляют часть особого культурно-исторического явления — курдской историографии на персидском языке, которая получила развитие в Курдистане в XVI—XIX вв.

Комментарии

1 Blochet. Т. 1. с. 305—306.

2 *Тарих-и Ардалан*, с. 82.

3 В такой форме название приведено на обложке и суперобложке, на с. 1 оно дано по-арабски: *Лубб ат-таварих*.

4 Хусрав б. Мухаммад дважды называет свой труд, но весьма неопределенно: *нусхе* («список») и *китабче* («записная книга») — Хроника, лл. 3б, 86а. При выборе названия мы руководствовались изданием хроники Шах-Махмуда Чураса. См. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас, с. 61—62.

5 Хроника, л. 15б.

6 Хроника, л. 3а.

7 Ср. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 82—83 и Хроника, лл. 3б—4а.

8 Хусрав б. Мухаммад в отличие от автора *Шараф-наме* избегает их называть курдскими, руководствуясь, по-видимому, все той же «арделано-центристской» идеей.

9 Хроника, л. 4а.

10 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 83—84.

11 Там же, с. 146—152.

12 *Хадике-йи Насирийе*, с. 94.

13 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 147.

14 Там же, с. 488.

15 Ср. Хроника, л. 13а и Veliaminof-Zernof. Т. 1, с. 85; *Шараф-наме*. Тегеран, 1343/1965, с. 120.

16 Хроника, л. 19а.

17 *Шараф-наме*, Т. 1, с. 365.

18 Там же, с. 152.

- 19 Там же, с. 368.
- 20 Стори. Т. 2, с. 873-883, 905-911.
- 21 Хроника, лл. 41а, 42а.
- 22 Там же, л. 46б.
- 23 Там же, лл. 41б—42а.
- 24 Там же, л. 3а—3б.
- 25 Browne, с. 103—104.
- 26 *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 4а—4б
- 27 Browne, с. 104.
- 28 О Бахман-мирзе см. Стори. Т. 2, с. 1286 и т. 3, с. 1517.
- 29 *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 190б.
- 30 Хроника, л. 19б.
- 31 Malcolm. Sketches of Persia, с. 286.
- 32 Supplement, с. 1.
- 33 Там же.
- 34 В должности секретаря-хрониста (и *вака'и'-нигара*) состоял при последнем валии из рода Бани Ардалан 'Али Акбар-хан Садик ал-Мулк, автор последней из известных нам местных хроник. См. Стори. Т. 2, с. 1102—1103.
- 35 Хроника, лл. 55б, 57а, 59а, 60а. См. также лл. 53б—54а, 55а, 61б, 65а, 66а, 70а—70б, 72а-72б, 74б, 75б, 77а—77б.
- 36 Vansina, с. 1.
- 37 Хроника, лл. 3б, 22а, 25б, 29а и сл.

38 Там же, лл. 20а—21а.

39 *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 192а.

40 *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, о. 942.

41 *Шараф-наме*. Т. 2, с. 264.

42 *Хроника*, лл. 28а—29а.

43 См. *Тарих-и Ардалан*, с. 41, 42; *Хадике-йи Насирийе*, лл. 108—109.

44 См. *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 193б; *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 1002—1004.

45 *Хроника*, л. 29а.

46 См. выше, с. 17.

47 *Хроника*, л. 3б.

48 *Тарих-и Ардалан*, с. 6, 16.

49 Ср. *Хронику Хусрава б. Мухаммада*, лл. 25б—26а, 39а—39б и *Хадике-йи Насирийе*, лл. 107—108, 124—125.

50 Rosenthal, с. 88.

51 См. ниже, с. 63—64.

52 Rosenthal, с. 57.

53 Там же, с. 150.

54 *Тарих-и Ардалан*, с. 209—210.

55 Ср., например, лл. 50а, 57б и 63а.

56 *Хроника*, лл. 51а, 56а и сл.

57 Там же, лл. 25б—26а.

58 См. там же, лл. На, 18б, 31б, 39б и сл.

59 Там же, лл. 11б, 66а.

60 Там же, л. 2б.

61 Там же, лл. 66б—67а, 99а.

62 Там же, лл. 22б—23а, 39б.

АРДЕЛАНСКИЕ КУРДЫ В XVIII—XIX ВВ.

Арделан в XVIII—XIX вв. представлял собой обособленную область на границе Ирана и Турции и относился к Ирану, хотя турецко-иранское разграничение оставалось весьма спорным вплоть до второй половины XIX в. Область сохранила свою целостность в административном и хозяйственном отношении после смещения Бани Ардаланов и к настоящему времени образует Сенендеджский шахристан пятого астана в Иране ¹.

Арделан — единственная из заселенных курдами областей, которая именовалась Курдистаном. Некоторые авторы склонны считать этот регион центром курдского этнообразования — колыбелью всего курдского племени, населяющего обширную территорию в трех смежных государствах: Иране, Ираке и Турции ².

Районы расселения

В XVIII — первой половине XIX в. Арделанское княжество состояло из семи булуков, или провинций: Джаванруд, Авроман, Мариван, Бане, Саккыз, Хасанабад, Исфандабад ³.

Каждый из семи булуков был разделен на четыре или пять махале, или мелких районов.

К концу XIX в. область, согласно *Хадике-йи Насирийе*, делилась на семнадцать округов: Бане, Саккыз, Исфандабад, [50] Карафту ⁴, Тилаку (Тила-кух), Хорхоре ⁵, Мариван, Авроман-тахт, Авроман-лухун, Джаванруд, Эйлаг ⁶, Калатарзан ⁷, Корреваз, Джаверуд ⁸, Хубату (с районами Сарал, Кара Туре, Хусейнабад) ⁹, Амирабад (с районом Паланган) и Хасанабад ¹⁰. Самыми важными, однако, оставались районы Джаванруд, Авроман-тахт и Авроманлухун, Мариван, Бане, Саккыз, Хасанабад и Исфандабад, которые и в настоящее время, за исключением Саккыза и Бане, являются округами Сенендеджского шахристана.

Из всех районов Арделанского княжества наиболее интересным в этнографическом отношении представляется **Авроман**, первый пограничный район Сенендеджского

Курдистана. Высокая горная цепь делит Авроман на две части, сообщение между которыми было весьма затруднительным: Авроман-тахт (Авроман «плоский») и Авроман-лухун (Авроман «каменистый»). Ныне они принадлежат к различным бахшам Сенендеджского шахристана: Авроман-тахт — к бахшу Разаб, Авроман-лухун — к бахшу Паве [11](#).

Авроман-тахт расположен восточнее горной цепи того же наименования, Авроман-лухун находится к юго-западу от Авромантахта. Оба района управлялись родственными семействами султанов, враждовавшими между собой. Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, управление Авроманом было передано иранским шахом представителю рода Аврами в 50-х годах XVII в., после кончины Сулайман-хана Бани Ардалана [12](#).

Арделанские князья не раз пытались заставить авроманских султанов стать более покорными и послушными. «Порождением гор своеволия» называет их Хусрав б. Мухаммад. По его словам, они держали свои «головы поднятыми из воротников непослушания», предпочитая следовать «путем вражды» и «закрывая врата покорности и повиновения» [13](#). **[51]**

Однако именно авроманские султаны, а не князья из дома Бани Ардалан оказали упорное сопротивление царевичу Фархад-мирзе Му'таид ад-Дауле, назначенному в 1284/1867-68 г. губернатором Курдистана вместо последнего князя из рода Ардала-на — Аманаллах-хана II (Гулам-шах-хана) (1847-48—1867-68). В 1286/1869-70 г. проживающие в Авромане племена подняли восстание. После многочисленных сражений Фархад-мирзе удалось подавить восстание, возглавивший повстанцев Мухаммад-бек Аврами был убит. В этом же году авроманцы восстали снова, и Фархад-мирзе пришлось предпринять новую карательную экспедицию. На этот раз покорить авроманцев ему не удалось, и Фархад-мирза позорно бежал в Сенендедж [14](#).

Шахские войска разгромили авроманцев и нанесли им страшное поражение — повстанцы бежали на территорию Шахризур. Но и в 1915 г., во время проведения ирано-турецкого разграничения, султаны Авромана, по свидетельству В. Ф. Минорского, были подчинены Ирану лишь номинально [15](#).

Авроман представляет интерес и как один из основных религиозных центров Курдистана. В западном Авромане, в деревнях Тавиле и Беяре, которые после ирано-турецкого разграничения 1915 г. остались за Турцией,— в двух самых недоступных населенных пунктах этих мест — проживали весьма почитаемые в Курдистане шейхи Накшбанди. В

том же округе находился храм и одно из главных святилищ весьма любопытной религиозной секты Курдистана — ахли-хакк, или али-иллахи ¹⁶.

В неприступных районах Авромана находились собственные поместья Аманаллах-хана II, откуда он прислал в 1851 г. членам комиссии по первому ирано-турецкому разграничению превосходные гранаты ¹⁷. По свидетельству К. Рича, авроманцы и стрелки из Авромана имели привилегированное право охранять дворец Аманаллах-хана ¹⁸.

К северу от Авромана расположен **Мариван**, который на севере и западе граничит с Ираком и ныне составляет один из бахшей Сенендеджского шахристана. Как и в Авромане, в Мариване правила местная династия беков и ханов.

В хронике Хусрава б. Мухаммада лишь раз упоминается о непокорности правителей Маривана арделанским князьям. В конце XVIII в. часть авроманцев и жителей Маривана поддержала правителя Бане Ахмад-султана, который сговорился с бабанским эмиром 'Абдаррахман-пашой, перестал признавать власть арделанского валия Лутф 'Али-хана и стал «посягать на границы [52] Курдистана» ¹⁹. После жестокой карательной экспедиции арделанскому князю удалось «навести там порядок» и подавить восстание. С султанами Авромана мариванские правители почти всегда были во враждебных отношениях.

В местной истории во все времена Мариван играл важную в стратегическом отношении роль. Многочисленные битвы и сражения, которые разыгрывались в этой части Иранского Курдистана, как правило, происходили в Мариванской долине (Дашт-и Мариван). Она образована понижением гор в центральной части округа близ озера Зарибар (Заривар), в 3 км к западу от Деж-Шапура. Это озеро и называет, по-видимому, Хусрав б. Мухаммад Мариванским.

Озеро Зарибар невелико — длина его 8 км, ширина 3 км. В озеро не впадает ни одна река, запас воды пополняется за счет горячих источников на его дне. Местонахождение этих источников можно видеть в холодное время года, когда озеро замерзает, — в тех местах лед не образуется. В зарослях камыша и болотах, окружавших озеро, водилось огромное количество комаров, что всегда вызывало заболевания малярией и делало климат Мариванской долины весьма нездоровым ²⁰.

Именно в Мариване, к юго-востоку от озера Зарибар, в трех верстах от развалин старинной крепости Мариван, по указанию каджарского губернатора Арделана Фархад-мирзы Му'таид ад-Дауле для поддержания порядка в этих районах была построена

крепость с 22 орудиями и пороховым заводом ²¹. Вскоре, однако, крепость разрушилась и превратилась в груды развалин.

Турецко-иранский договор 1639 г. утвердил права Ирана на Авроман и Мариван, но власть иранского шаха в Мариване, как и в Авромане, оставалась скорее номинальной, чем фактической. И после 1867-68 г., когда династия Бани Ардалан утратила власть, Мариваном продолжали управлять курдские правители. Ликлама, проезжая через Мариван, видел крепость, которую тогда только начали строить по приказу каджарского принца, и встречался с правителем этой области Хайдар-беком и его сыном, «весь облик которого дышал дерзостью и отвагой» ²².

Весьма важным районом Арделанского княжества был **Джаванруд**, расположенный к югу от Авроман-лухуна, к западу и северу от могучего горного массива Шахо. Ныне Джаванруд составляет один из дихистанов бахша Паве Сенендеджского шахристана. Управляла районом побочная ветвь правящего рода Бани Ардалан. Джаванруд, как и Авроман,— горный район, с более возвышенной восточной частью, [53]

В Джаванруде обитало самое большое курдское племя Арделана — джафы, и даже само название района этимологизируется как Джафанруд («река джафов»). В XVII в. часть джафов эмигрировала на запад и постепенно заняла левый берег реки Диалы, районы Шахризура и Пенджвина. Другая миграция джафов из Джаванруда имела место в 50-х годах XIX в.

Хусрав б. Мухаммад ничего не сообщает о массовых переселениях джафов. Но случаи неповиновения этого племени арделанским князьям упоминаются неоднократно. Так, согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, в 1742-43 г. предводитель джафских племен Захир-бек «открыто сошел с пути повиновения и службы» ²³.

Непокорность джафов беспокоила правителей Арделана. В конце XVIII в., в правление Лутф 'Али-хана, когда вожди джафского племени прибегли к покровительству бабанского паши, джафам запретили «ступать на землю Курдистана» ²⁴. Но, несмотря на довольно крутые меры арделанского князя ²⁵, запрещение фактически не соблюдалось. Каждый год весной джафы отправлялись на летние пастбища Арделана — через Шилер до горы Чехель-Чешме, чтобы с мая по октябрь пасти там свои стада.

Арделанцам не раз приходилось встречаться с непокорным племенем на поле брани. В хронике Хусрава б. Мухаммада рассказывается о войне Хусрав-хана На'кама б.

Аманаллах-хана с главой племени джафов Бахрам-беком в начале 30-х годов XIX в. Вождь джафов заставил трепетать, по словам автора хроники, Махидашт и Шахризур, грабил луров и калхоров. «От страха перед ним,— рассказывает Хусрав б. Мухаммад,— прятался лев... Он мир не ставил ни во что ... и в делах сравнялся с валием» ²⁶. Бахрам-бек отказался платить какие-либо подати, а сборщика налогов прогнал.

Могуч и влиятелен был глава джафских племен. И даже когда его, согласно хронике, притащили волоком на аркане к воротам дворца Хусрав-хана, тот предпочел сменить гнев на милость и «простить» Бахрам-бека, удовлетворившись его заверением впредь быть покорным арделанскому князю ²⁷.

Округ **Бане**, расположенный к северо-западу от Сенендеджа и к северу от Маривана, представлял северо-западную окраину Арделанского княжества. Ныне Бане составляет один из бахшей шахристана Саккыз, занимает западную часть провинции и граничит на западе с Ираком, на севере с Мехабадским шахристаном. Бане окружают высокие горы, и попасть в этот район было возможно лишь через горные перевалы. [54]

В Бане, как и в Авромане, Мариване и Джаванруде, были свои, подчиненные арделанским валиям правители, до конца XVI в. именовавшиеся эмирами. Согласно *Шараф-наме*, их владения включали «две крепости и один округ, а именно крепость Пируз, округ Бане и крепость Шиве» ²⁸. Со времен Надир-шаха эмиры Бане стали называться султанами, как и правители Авромана ²⁹. В хронике Хусрава б. Мухаммада упоминается лишь один случай неповиновения правителя Бане Ахмад-султана (в конце XVIII в.), чье восстание было арделанским князем разгромлено. Упомянутое выступление, разумеется, не было единственным. К. Рич во время поездки в Арделан в 1820 г. встречался с Аманаллах-ханом именно в Бане, где, по словам К. Рича, полгода назад было восстание. Даже после его подавления приезд арделанского князя сопровождался массовыми актами жестокости — палочными ударами и вырыванием глаз. Так, только утром 9 сентября Аманаллах-хан ослепил трех представителей знати Бане, а «их дочерей и жен с женами и дочерьми других вельмож отослал в Сенне (Сенендедж)» ³⁰.

Бане поныне остается одним из самых малонаселенных бахшей и беднейшим районом Иранского Курдистана ³¹.

Округ **Саккыз** представлял северную и северо-западную часть владений рода Бани Ардалан. В настоящее время Саккыз — один из одиннадцати шахристанов пятого астана в Иране и находится между Сенендеджским и Мехабадским шахристанами.

В отличие от других булуков Арделана в Саккызе всегда было развито в большей степени земледелие, нежели скотоводство. Именно этот район снабжал хлебом соседние округа: Бане, Авроман и другие. Находясь в сравнительном отдалении от пограничных конфликтов, Саккыз никогда не причинял столько беспокойства князьям Арделана, сколько Авроман или Джаванруд. В Саккызе, как и в Джаванруде, правила побочная ветвь рода Бани Ардалан. Правители Саккыза именовали себя *наибами* или «наместниками» валиев Арделана и вели себя в отношении своих сюзеренов, по-видимому, в достаточной мере лояльно. Во всяком случае, в хронике Хусрава б. Мухаммада не упоминается ни одного случая неповиновения или непокорности правителя Саккыза, и об округе Саккыз автор хроники говорит лишь дважды ³². [55] По свидетельству К. Рича, правитель Саккыза был любимцем Аманаллах-хана ³³.

Исфандабад (Али-Шакар) — восточный район Арделана, ныне один из дихистанов бахша Корве Сенендеджского шахристана, отделяемый от Керманшахского шахристана естественной границей высоких гор. Исфандабад — один из плодороднейших районов Арделана. Пшеница произрастает там, орошаемая лишь дождем, и дает урожай больше, чем где-либо в Курдистане ³⁴. В хронике Хусрава б. Мухаммада Исфандабад, как и Саккыз, упоминается дважды ³⁵.

Центральным районом, образующим непосредственное окружение столицы Бани Ардаланов города Сенендеджа, был **Хасанабад**. Свое название район заимствовал от древней могучей крепости, которая находилась в 10 км к юго-западу от Сенендеджа ³⁶. Ныне Хасанабадом называется один из дихистанов бахша Хуме Сенендеджского шахристана и поселение в 8 км к югу от Сенендеджа ³⁷.

Города

Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, столица Бани Ардаланов Сенендедж, или Сенне ³⁸, построена Сулайман-ханом. Время построения города, по преданию, заключено в слове *** (перс. «страдания»), что по абджаду соответствует 1046/1636-37 г. Однако и Шарафхан Бидлиси, и Хусрав б. Мухаммад упоминают Сенне в составе владений Тимур-хана б. Султан 'Али-хана Бани Ардалана, правившего с конца 70-х годов XVI в. ³⁹. Многочисленные надгробные надписи в окрестностях Сенендеджа относились, по сведениям Ф. Чернозубова, В. П. Никитина и К. Рича, ко временам Сасанидов, а древний город Сенне находился к югу от современного города ⁴⁰.

Сенендедж расположен в долине, называемой Сахна, Синна или Сихне, у подножия гор, которые окружают его наподобие амфитеатра. Дж. Малколм, К. Рич, Дж. М. Киннейр, Т. М. Ликлама, Ж. де Морган, Е. И. Чириков, Н. В. Ханыков, А. Гагарин [56] и другие авторы, побывавшие в Сенендедже, неизменно восхищались красотой и живописным расположением города, представлявшего резкий контраст с голыми и каменистыми отрогами, его окружавшими ⁴¹.

Арделанские князья любовно украшали свою столицу, в особенности Хусрав-хан и его сын Аманаллах-хан. В числе главных достопримечательностей Сенендеджа перечисленные выше авторы упоминали превращенный в замок княжеский дворец, располагавшийся на небольшом возвышении на самом видном месте. Подножие беломраморного дворца окружали прекрасные строения, в том числе мечеть Дар ал-Ихсан, отличавшаяся совершенством архитектуры и величием ⁴². Ее стены украшали темно-синие изразцы и на карнизах был написан весь Коран.

Дж. Малколм и К. Рич оставили подробное описание дворца валиев со знаменитым *таларом* («залой»), построенным при Хусрав-хане и украшенным многочисленными картинами ⁴³. Колонны из светящегося мрамора, богатая позолота, гармоничное сочетание цветов на потолке, напоминавшее мозаику, — «все вместе создавало единое пламя золотых и сверкающих красок» ⁴⁴. Фасад зала, украшенный колоннами, выходил на террасу, с которой открывался вид на город. На террасе бил фонтан, высота которого соответствовала размерам террасы и здания.

Кроме этого зала, во дворце было много и других помещений, украшенных с той же пышностью и великолепием ⁴⁵. Представляют интерес приведенные в хронике Хусрава б. Мухаммада, по-видимому, бытовые названия отдельных помещений княжеского дворца: *** (перс. «надорванный живот») — столовая, где наедались до отвала; *** (перс. «помещение для калама») — кабинет валия ⁴⁶.

Арделанские князья разбили в Сенендедже сады Хусравабад, Аманийе и другие, с павильонами и бассейнами, по образцу Чарбага в Исфахане. К. Рич писал, что такого прекрасного сада, как Хусравабад, он на Востоке не видел ⁴⁷. [57]

Роскошь и богатство построек вызвали поборы, ложившиеся тяжелым бременем на плечи эксплуатируемых слоев населения, и свидетельствовали, по справедливому замечанию К. Рича, не только о блестящем вкусе правителей, но и о тирании:

«Путешественник восхищается великолепием Аманаллах-хана, но несчастный горожанин и крестьянин стонут, когда упоминают его постройки» [48](#).

Саккыз, столица местной династии беков, представлял второй по величине город Арделанского княжества XVIII—XIX вв. В 66 км к юго-западу от Саккыза располагался городок Бане (курд. Барожа, «восточный склон горы»). К началу XIX в., по описанию К. Рича, Бане представлял собой «жалкое грязное местечко», едва ли заслуживавшее название города. От близлежащих деревень его отличали только большие размеры. На невысоком холме стоял «амарет, или замок», здешнего правителя [49](#).

Религия

Большинство населения Сенендеджского Курдистана принадлежало к суннитам шафиитского толка. Шииты проживали лишь в Исфандабаде. Семья правителей Арделана также исповедовала шиизм. Некоторые авторы склонны были, однако, считать, что они лишь притворялись шиитами, «чтобы доставить приятное государю Персии» [50](#).

В Арделане преобладал, по мнению В. Ф. Минорского, умеренный суннизм с сильным влиянием шейхов Накшбанди, резиденцией которых были два селения в Авромане, о чем упоминалось выше. Там обосновался род шейха 'Усмана. Именно эти шейхи, проживавшие в самых недоступных географических точках Арделана, создавали в основном идеологический климат всей области.

Курды в Арделане относились с полной веротерпимостью к халдеям и иудеям, которые проживали в Сеяендедже. В восточном углу города, в христианском квартале, находилась церковь халдеев, с которыми курды жили «в добром согласии и равенстве» [51](#). По мнению отдельных авторов, курды Арделана не были ревностными мусульманами и исповедовали эту веру лишь по имени. Однако в возможности их обращения в другую веру эти авторы сомневались. Так, А. Богданов приводит известный ему случай, когда в Арделан прибыли бабиды для распространения среди курдов своего вероучения. Те поинтересовались, сунниты [\[58\]](#) они или шииты. Узнав, что приезжие ни то, ни другое, курды стали совещаться, не лучше ли миссионеров попросту убить. Те сочли за благо тут же уехать [52](#).

С нетерпимостью арделанские курды относились лишь к племенам, исповедовавшим езидизм,— вероучение, неприемлемое с точки зрения ортодоксального ислама. Хусрав б. Мухаммад не раз на страницах своей хроники разражается проклятиями в адрес

ненавистных «дьяволопоклонников». Другие вероисповедания, хотя Курдистан называют «заповедником религий», в хронике не упоминаются.

Язык

Язык арделанских курдов (к югу от реки Джагату до южной границы области) называют диалектом курдистани ⁵³. В Бане и Саккызе говорят на мукринском наречии. В Мариване распространен тот же диалект, что и среди племени джафов,— близкий, к курманджи. В Авромане бытует диалект авроми, или авромани, в котором, по наблюдению Д. Маккензи, морфологические процессы отличаются большей сложностью, нежели в любом другом курдском диалекте ⁵⁴.

Авроми принадлежит к довольно значительной языковой группе гурани. На гурани ныне говорит племя гуран, обитающее в горах, севернее горной дороги Багдад—Керманшах. Кроме племени гуран и жителей Авроман-тахта и Авроман-лухуна, на гурани говорят в районе Паве, в долине небольшого южного притока реки Сирван и в районе Кандула у истоков реки Баниан, а также племя баджилан, проживающее севернее Мосула, в Зохабе и северном Луристане ⁵⁵. Бытующий в районе Дерсима диалект заза также считается родственным авроми и принадлежит к группе гурани ⁵⁶.

Целый ряд авторов принимает гурани за диалект персидского, избежавший благодаря его локализации в горных районах Керманшаха и Арделана проникновения арабских слов. По мнению Э. Б. Соуна, курдскому языку (курманджи) присущи свои характерные грамматические формы, словарь и идиоматические выражения, которые с гурани не имеют ничего общего ⁵⁷.

Любопытнейшее историческое явление, пока еще не нашедшее ясного и обоснованного объяснения, представляет факт, что **[59]** именно на диалекте гурани, который по мнению ряда авторов чужд курдскому языку, в Арделанском княжестве развивалась богатая литература, написаны произведения художественные, исторические и теологические. Гурани был языком классической литературы в Арделане. В. Ф. Минорский назвал гурани придворным языком династии Бани Ардалан ⁵⁸. И хотя Э. Б. Соун упорно именует этот диалект отмирающим, в Сенендедже и его окрестностях и в настоящее время существует обширная поэзия на гурани ⁵⁹.

Правители Арделана весьма поощряли при своем дворе развитие этой диалектальной литературы. Арделанским князьям, по словам Э. Б. Соуна, в этом усердно подражали

султаны Авромантахта ⁶⁰. В Британском музее хранится рукопись антологии образцов поэзии на гурани, подаренная Музее уроженцем Сенендеджа доктором Са'идом. Составил антологию 'Абдалму'мин б. Джамаладдин Мубаййин ал-Мулк в Сенендедже в 1783— 1785 гг. ⁶¹. Рукопись содержит образцы сочинений двадцати семи поэтов, все они родились в Сенендедже или в Авромане.

С конца XVIII в., однако, в поэзии стал преобладать персидский язык. В первой половине XIX в. на фарси писали свои стихи многие поэты Арделана, современники Хусрава б. Мухаммада. Тон задавали сами князья из дома Ардалана. В антологии Мирза 'Абдаллаха Санандаджи *Тазкире-йи Хадике-ий Аманаллахи* приводятся стихи Хусрав-хана Накама и его жен: известной курдской поэтессы Мах Шараф-ханум Курдистани и кадjarской принцессы Валийе-ханум, а также его сыновей Риза-Кули-хана и Аманаллах-хана II. На персидском языке развивается местная локально-династийная историография.

Социально-экономические отношения

Социально-экономическая] структура] Арделанского княжества совсем не изучена. У многих авторов вообще существует тенденция архаизировать курдское общество и сложившиеся в его среде социально-экономические отношения. Дж. Малколм, например, писал в начале XIX в., что курды в своих манерах и обычаях совсем не изменились за двадцать три века, что прошли со времен Ксенофонта. «Тот без всякого труда,— писал Малколм,— смог бы признать [в них], если бы ему было дано возвратиться из рая, потомков врагов, с которыми он сражался среди этих дебрей» ⁶². [60] Ликлама в середине XIX в. описывает арделанскую деревню Корбе, сравнивая жизнь ее обитателей чуть ли не с «библейскими» временами. «...Эта семья,— рассказывает он о семействе деревенского старосты, — совершенно патриархальная, в некотором роде библейская... жила в полной простоте древних земледельцев-пастухов. Из большой комнаты, которую я занимал... мне казалось, что я присутствую на античном представлении, когда я увидел к закату солнца трех юных и прекрасных дочерей моего хозяина, занятых доением коров и овец, которых два их старших брата пригнали с пастбищ» ⁶³.

Причина отмеченной различными авторами хозяйственной отсталости Курдистана, по их мнению, лежала в кочевом скотоводческом укладе, который для заселенных курдами областей считался основным и едва ли не единственно возможным. В сознании путешественников по Курдистану и исследователей курдского общества экономика курдских районов и кочевой скотоводческий уклад связаны настолько прочно, что

существование и развитие в Арделане земледелия побудило отдельных авторов называть эту область «центром курдской оседлости»⁶⁴, а в некоторых случаях оседлых курдов Арделана склонны были вообще считать некурдами⁶⁵.

Утверждения о способности какого-то народа (в данном случае курдов) лишь на ведение кочевого скотоводческого хозяйства, которое к тому же объявлялось более отсталым и застойным, издавна служили оправданием колониализма. Изучение социально-экономического положения Арделанского княжества показывает полную несостоятельность теории о скотоводческой моноспециализации курдов.

Арделан представляет собой горную область с хорошо орошенными долинами. Наличие этих долин и большая или меньшая доступность гор (самые высокие вершины не превышают 3000 м) создавали предпосылки для развития как скотоводства, так и земледелия. В Арделане поэтому имело место давнее совмещение земледельческого и скотоводческого хозяйств. При этом в различных районах соотношение скотоводческого и земледельческого хозяйств было весьма неодинаковым. В Исфандабаде, районе Сенендеджа, Мариване скотоводство по своему хозяйственному значению уступало место земледелию; в Авроман-тахте, Авроманлухуне, Бане основу хозяйства составляло овцеводство, а земледелие носило вспомогательный характер.

По свидетельству Керзона, большинство арделанских курдов обрабатывало и возделывало землю в долинах и на склонах гор, но еще большее число из них держало стада овец, коз и крупный [61] рогатый скот. Кочевое хозяйство существовало. Однако в большинстве случаев «мерилом их кочевых обычаев,— отмечает автор,— служит то, что в летние месяцы они перебираются на поля в более возвышенные [районы], расположенные над деревнями, в которых они живут зимой»⁶⁶. Тем не менее многие курдские племена Арделана, например, могущественное объединение джафских племен, билбасы, мандуми, галбаги и другие, продолжали вплоть до середины XIX в. вести кочевой образ жизни, сохраняя принадлежность к хозяйственно-культурному типу кочевников-скотоводов.

Весьма интересны в качестве красочной иллюстрации впечатления Ликлама, проделавшего во второй половине XIX в. путь из Хамадана в Сенендедж и из Сенендеджа до ирано-турецкой (ныне ирано-иракской) границы через Авроман и Мариван. Описание французского путешественника представляет Арделан того времени как бы в горизонтальном (с востока на запад) срезе. Автор описывает многочисленные деревни. «Всюду деревенские жители были заняты обмолотом зерна (стоял сентябрь месяц.— Е.

В.)» ⁶⁷. Многие долины были прекрасно возделаны, а местные курды, по свидетельству путешественника, имели «вид добропорядочный и мирный и были заняты обработкой садов и фруктовых деревьев, которые содержатся в весьма хорошем состоянии» ⁶⁸.

И на пути из Сенендеджа в Авроман автор увидел «возделанные земли вокруг многочисленных деревень», в ложбинах между горными склонами ⁶⁹. Однако по мере удаления от Сенендеджа и приближения к Авроману ландшафт становился все более диким и пустынным. Но и в неприступном высокогорном районе, каким предстал перед автором Авроман, все земли на немногочисленных участках, пригодных для земледелия, были, по его свидетельству, прекрасно обработаны ⁷⁰.

Сведения Ликлама, Малколма, Киннейра и Кер Портера позволяют уяснить важную особенность экономической жизни этого района, а именно — достаточно сильно размытые границы между оседлым земледельческим и кочевым скотоводческим укладами хозяйства. В Арделане число «чистых» земледельцев, совершенно чуждых скотоводству, было незначительным. Кочевники Сенендеджского Курдистана также постепенно переходили к оседлой и полuosедлой жизни. Зимой они оставались в своих деревнях, а летом поднимались в горы, расположенные неподалеку ⁷¹. По свидетельству Ликлама, Кер Портера и других авторов, многие **[62]** деревни были заселены лишь в зимние месяцы года ⁷². Так, проезжая через Мариван в двадцатых числах сентября, Ликлама не обнаружил в некоторых селениях ни одного жителя — они еще не возвратились со своих летних кочевий, которые находились близ деревни.

Наличие кочевничества и кочевого хозяйства скотоводов само по себе свидетельствует не об отсталости этой области, а лишь о малой пригодности части территории для земледелия и большей рентабельности скотоводческого уклада для данного региона. Огромные горные массивы и высокогорное плато могли эксплуатировать только скотоводы. В таких условиях скотоводческое хозяйство было более продуктивным и экономически выгодным. Сохранение кочевого скотоводческого уклада в Арделане до конца XIX в. объясняется не столько хозяйственной отсталостью вообще, сколько преимуществами самого скотоводческого производства. Поэтому и при наличии плодородных, пригодных для земледелия районов курды Арделана зачастую пренебрегали земледелием ради скотоводства. Кроме того, — и это обстоятельство представляется особенно важным для понимания особенностей социально-экономического развития этого региона, — в бурной, наполненной постоянными военными столкновениями и пограничными конфликтами истории этих районов именно

мобильное кочевое хозяйство спасало Арделан от полного экономического истощения и гибели всех производительных сил.

Обездоленные крестьяне и ремесленники покидали насиженные места и примыкали к кочевникам. Именно в хозяйстве кочевников-скотоводов сосредоточивались производительные силы Арделанского княжества во времена полной разрухи и разорения деревень Арделана, а подобное положение области Хусрав б. Мухаммад описывает в своей хронике многократно. Таким образом, на примере истории Арделанского княжества можно видеть, что кочевое скотоводство проявило себя не воплощением хозяйственной отсталости и тормозом социально-экономического развития, а единственным условием сохранности и существования данного социального организма.

Тормозом экономического развития Арделанского княжества прежде всего служили слабые связи между его отдельными районами, его хозяйственная разобщенность. В зимнее время года дороги в горных районах были занесены снегом в течение четырех-пяти месяцев и сообщение прекращалось. Жизнь населения горной деревушки в это время сосредоточивалась, по словам де Моргана, на пространстве около полугектара ⁷³. Никто не покидал деревни, не отваживался передвигаться в горах. Если же суровой [63] и долгой зиме предшествовал плохой урожай, начинался страшный голод. В этих небольших человеческих колониях, погребенных под снегом, оторванных от всего мира, происходили события, исполненные трагизма,— в некоторых деревнях на высоких плато за одну зиму, по свидетельству де Моргана, население уменьшалось на девять десятых ⁷⁴.

Отсутствие прочных экономических связей между отдельными районами Арделанского княжества приводило к сцеплению социально-экономических интересов вокруг небольших местных центров. Вся эта масса мелких и мельчайших территорий раздиралась постоянной междоусобной враждой. Султаны Авромантахта и Авроман-лухуна, Авромана и Маривана, правители Маривана и Бане постоянно враждовали друг с другом, интриговали и заключали союзы один против другого. Между племенами тоже происходили постоянные войны. Самого ничтожного повода, самого незначительного оскорбления, по словам Ф. Чернозубова, было достаточно, чтобы два племени, вчера еще дружественные, напали друг на друга. «Часто смертельный бой прекращался лишь с истреблением одной из воюющих сторон или обеих вместе» ⁷⁵. Их постоянная борьба в целом усиливала власть арделанских князей, которых словами Ф. Энгельса можно охарактеризовать как «представителей централизации в самой раздробленности» ⁷⁶.

Бесконечные междоусобицы местных феодалов, опустошительные вражеские набеги и войны, продолжавшиеся иногда целыми столетиями (например, в XVI и XVIII вв.), приводили к громадным разрушениям, к варварскому уничтожению производительных сил: средств труда и самих производителей. В описании Хусрава б. Мухаммада Арделан не раз предстает опустевшим и разоренным, являя разительный контраст с красочным описанием Ликлама, на которое мы неоднократно ссылались выше.

Особенно пострадал Арделан в XVIII в., когда, по словам Хусрава б. Мухаммада, «от вражеских жестокостей вилайет был доведен до крайности» ⁷⁷. В 1155/1742-43 г. в Арделанском княжестве разразился сильный голод, который унес множество жизней. С согласия арделанского валия были взломаны шахские амбары, где, по свидетельству Мухаммада Ибрахима Ардалани, хранилось двенадцать тысяч харваров ⁷⁸ зерна, перевезенного по приказу Надир-шаха в Арделан для нужд армии ⁷⁹.

Арделанское княжество, согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, почти обезлюдело и стало приходить в запустение. [64] Назначенный в 40-х годах правителем Арделана Хаджжи Мавла-Вирдихан Каджар не нашел подданных и возвратился ни с чем, поскольку подати и налоги собирать было не с кого ⁸⁰. Такая же судьба достигла и Субхан-Вирди-хана, в шестой раз назначенного правителем Арделанского княжества. «На этот раз,— говорится в хронике,— вилайет пребывал в полном запустении, и из подданных никого не находили» ⁸¹. Когда Субхан-Вирди-хана назначили правителем в восьмой раз, он «не собрал ни одного динара податей» ⁸².

В запустении оставался Арделан и во второй половине XVIII в. Столица Арделана — город Сенендедж был разорен, разграблен и сожжен после нападения войска Карим-хана Занда. Вот как описывает автор хроники положение в Арделанском княжестве к 1170/1756-57 г., когда к власти пришел Хусрав-хан б. Хан Ахмад-хан: «Область предана огню, работы не ведутся, деревни разрушены, подданных не найти, знатных и благородных нет...» ⁸³.

«Рассеялось и разбредось» население Арделана и в 80-х годах XVIII в., налоги по-прежнему собирать было не с кого. Опустошенными и необитаемыми оставались деревни и селения Маривана, одного из самых плодородных районов Арделана ⁸⁴.

Приведенные в хронике Хусрава б. Мухаммада краткие сведения о положении в Арделане показывают, что непродолжительные периоды относительного экономического благополучия ⁸⁵ не могли дать прочного и ощутимого хозяйственного подъема. Поэтому

трудно поверить автору, что с приходом к власти Хусрав-хана «за короткое время» Арделан превратился в область «населенную и процветающую», «страна расцвела и украсилась». И иранские государи, со своей стороны, по-видимому, сознательно старались не допускать роста и процветания владений Бани Ардаланов, своих могущественных вассалов, покорных временами лишь номинально.

Подобное положение не создавало условий для развития производительных сил. Земледельческая техника в Арделане оставалась чрезвычайно примитивной вплоть до второй половины XIX в. В этом отношении Сенендеджский Курдистан представлял типичный регион Ирана ⁸⁶.

Некоторое представление об орудиях труда курдских земледельцев Арделана середины XIX в. можно составить по отдельным замечаниям Ликлама ⁸⁷. Землю курды обрабатывали с [65] помощью примитивного плуга, который тащили два быка, или вручную небольшими мотыгами, к которым была приделана очень длинная деревянная ручка. Проезжая через курдские селения в сентябре, Ликлама мог наблюдать, как собранный урожай обмолачивали «с помощью небольших саней, которые тащили быки. Под санями находится ось с деревянными колышками на ней, которая переворачивает и обмолачивает хлеб с помощью этих колышков. Упряжкой быков управляет ребенок, сидящий на передке санок ... Другие жители довольствовались тем, что заставляли топтать рассыпанные по земле снопы [двигающихся] в одной упряжке быков и ослов, которые ходили по кругу» ⁸⁸.

Зерно перемалывали на мельницах, которые Ликлама встречал неоднократно,— для их строительства многочисленные горные реки и протоки Арделана создавали исключительно благоприятные условия. Урожай хранили в ямах, которые выкапывали в земляном полу жилых комнат ⁸⁹.

Ткацкий станок, бытовавший в Арделане в середине XIX в., отличался примитивностью устройства и представлял собой «разновидность очень низкого деревянного станка, который соединяется со вторым станком, стоящим горизонтально и параллельно первому. Это приспособление держит натянутыми нити, образующие основу, и, перебирая их и поднимая пальцами левой руки, как бы играя на арфе, правой рукой женщина перемещает между ними туда-сюда уток с шерстью разнообразной расцветки. Система очень простая. Курдские женщины иногда тратят год или два, чтобы соткать один из таких богатых и

нежных ковров, цена которых сравнительно невелика и далеко не компенсирует труд, на него затраченный» ⁹⁰.

Уровень жизни трудового населения в Арделане был чрезвычайно низким. И хотя Хусрав б. Мухаммад не описывает жизнь простых людей, крестьян и кочевников-скотоводов, о ней можно судить по многочисленным голодным годам, по эпидемиям чумы и холеры, которые упоминаются в хронике не раз, по разрухе, царившей в Арделанском княжестве десятилетиями ⁹¹. Даже на фоне беспросветной нужды и голода, среди которых прозябали трудящиеся Ирана, курдские селения, по мнению некоторых авторов, отличались своей нищетой ⁹² и производили далеко не всегда такое радостное впечатление, как на Ликлама.

Жалкое и нищенское существование этих деревушек, которые на высокогорном плато (Ликлама в этих районах не был) напоминали де Моргану вырытые кротом бугорки, подчеркивалось **[66]** особенно контрастно пышностью и богатством столицы Арделанского княжества, где проживал князь (валий) и его ближайшее окружение.

Роскошь и богатства правящего класса создавались за счет беспощадной эксплуатации крестьянства и рядовых кочевников-скотоводов. При этом острие эксплуатации было направлено на оседлое население, которое жило в постоянном страхе перед разбойничьими набегами феодалов.

В оседлой среде арделанских курдов феодальные отношения получили более четкое выражение, чем в других районах Курдистана, где главенствующую роль в экономической жизни играл кочевой уклад. Родо-племенная структура в оседлой среде продолжала еще существовать, но была выражена гораздо слабее, чем у кочевников, где она служила основной формой социальной организации.

По свидетельству Ф. Чернозубова, оседлые курды Арделана во второй половине XIX в. еще продолжали причислять себя к тому или иному аширату ⁹³. Однако побывавший в Иранском Курдистане в 1900-01 г. капитан П. Максимович-Васильковский полагал, что различные племенные подразделения утратили к тому времени всякое значение: «При расспросах о принадлежности к племени и роду жители деревень и даже ага не могли назвать свое племя или род. Существующие названия племен в данное время утратили всякое значение нравственной спайки курдов» ⁹⁴. К. Рич еще в 1820 г. четко отличал жителей Арделана, или «крестьянскую касту», от «людей племени» (clansmen) — их соседей бабанских курдов ⁹⁵.

Господствовавшие в Арделане феодальные отношения четко делили курдов на две главные социальные группы: класс эксплуататоров-феодалов и класс эксплуатируемых — земледельцев и скотоводов. В среде скотоводов-кочевников эксплуатация в определенной степени облекалась в форму патриархальных обычаев, сохранялась какая-то иллюзия общности интересов и жизни рядовых членов племени и его верхушки, основанная на идее общего происхождения ⁹⁶. В оседлой земледельческой среде классы эксплуататоров и эксплуатируемых достаточно изолированы и представлены полярными фигурами помещика и феодально-зависимого крестьянина. У оседлой знати, по наблюдению А. И. Першица, не было необходимости ни тормозить процесс феодализации, ни вуалировать феодальную эксплуатацию ⁹⁷. [67]

Курдские помещики в Арделане большей частью не жили в принадлежащих им деревнях, их интересы там представлял и оберегал староста (*кетхуда*) или управляющий из родственников помещика. Так, владетель деревни Хаджимене, в которой побывал Ликлама в середине XIX в., проживал в Тегеране. Управлял деревней староста, который должен был ежегодно доставлять помещику часть урожая в Тегеран ⁹⁸. Четыре хана, владетели «довольно значительной» деревни Хамакеси, насчитывавшей 200 домов, жили в Хамадане, но приезжали в свои поместья на время уборки урожая. Приезды эти, по словам Ликлама, сопровождались чудовищными поборами ⁹⁹. Ободрав крестьян до нитки и нисколько не интересуясь их существованием и судьбой до следующего урожая, помещики удалялись в Хамадан.

Райя, раййаты или подданные, в отличие от ханов и ага, не владели ни землей, которую обрабатывали, ни какой-либо собственностью вообще. Ага мог отнять у раййата все, что у него было, и тот не имел права оказывать никакого сопротивления. И если ага или «благородный курд» наносил раййату оскорбление или побои, тот мог лишь жаловаться своему помещику, а помещик уже — взыскать или не взыскать с обидчика. В руках класса феодалов была сосредоточена вся полнота власти, народ, по свидетельству Ф. Чернозубова, должен был «только работать и обрабатывать землю для агаларов» ¹⁰⁰. Для наказания раййата существовал даже особый кнут, сплетенный из металлических проволок, длиной от 1,5 до 3 м. Когда ага наказывал раййата, то наносил удары этим кнутом ¹⁰¹.

Помещичья доля урожая в Арделане была неодинаковой в разных районах. Наименее благоприятно для крестьянина раздел урожая происходил в непосредственной близости от Сенендеджа. В радиусе 7 миль от города, по сведениям А. К. Лэмбтон, землевладелец

забирал более половины пшеницы и ячменя. В других, более отдаленных районах помещик в основном получал 1/5 урожая ¹⁰². Крестьяне, по наблюдению А. К. Лэмбтон, почти или совсем не чувствовали себя в безопасности от собственных ханов, которые смотрели на них как на движимое имущество: «На практике крестьянину не были гарантированы ни жизнь, ни средства к существованию» ¹⁰³.

При чудовищной, не ограниченной какой-либо законностью эксплуатации, изъятии у земледельцев не только прибавочного продукта их труда, но и необходимого, курды Арделана считались **[68]** превосходными садоводами и земледельцами ¹⁰⁴. В особенности, по мнению В. Ф. Минорского, это было характерно для племени гуран и для племен, ему родственных. Автор высказал убеждение, что это указывало на давнюю культурную традицию ¹⁰⁵.

По этой причине, по-видимому, всех курдов Арделана их соседи — кочевые курды — стали называть гуранами (горанами), или земледельцами в отличие от скотоводов ¹⁰⁶. Так называли арделанских курдов бабанцы и, следуя извечному антагонизму между кочевниками и оседлым населением, принимали их за более низкую и презираемую «расу». Эта точка зрения нашла достаточно полное и ясное отражение в дневнике К. Рича, который поддерживал дружественные отношения с бабанским эмиром, ездил в Арделан в 1820 г. в сопровождении представителя бабанского эмира 'Умар-ага Бабана и смотрел на арделанцев и их правителей глазами их соседей-бабанцев ¹⁰⁷.

Это обстоятельство и породило значительную вариантность в толковании названия гуран (горан), под которым понимали то определенное племя, проживавшее на территории Арделана, то земледельца в отличие от кочевника-скотовода, то «не-клансмена» в отличие от «людей племени».

В социально-экономических отношениях и общественной жизни кочевников Арделана оставался ряд пережитков дофеодального строя, например сохранение собрания всех членов рода в качестве высшего органа власти. Так, в племенах, которые принадлежали к билбасам, не раз упоминаемым в хрониках арделанских авторов, каждый человек (даже самого низкого звания) имел голос в общественных делах. «Вы можете договориться с билбасскими вождями и прийти с ними к соглашению,— писал К. Рич,— как вдруг подбежит какой-нибудь рядовой член [племени] и скажет: “Я с этим не согласен” — и этого достаточно, чтобы дело было испорчено в момент» ¹⁰⁸.

Однако глава племени обладал большой властью. По своему усмотрению он распоряжался собственностью и жизнью любого члена племени ¹⁰⁹. В курдском кочевье основные классы общества также были разграничены достаточно четко: феодалы, [69] сосредоточившие в своих руках основные орудия производства (в частности, такое воспроизводящее себя орудие труда, как скот), и более или менее обедневшие соплеменники.

Курдские кочевые племена Арделана, обладая большой мобильностью и военной мощью, представляли значительную силу и играли, как это видно из хроники Хусрава б.

Мухаммада, важную роль в социально-экономической и военно-политической жизни Арделана. Конные отряды кочевников составляли дружины феодалов, которые эксплуататорский класс использовал для набегов и обложения данью оседлого населения. Для того чтобы успешнее эксплуатировать оседлое население, феодалы должны были иметь прочную опору именно в кочевом племени с его мобильной и сильной организацией. Это наблюдение принадлежит исследователю общественно-политического строя родо-племенных обществ Северной Аравии А. И. Першицу ¹¹⁰ и вполне применимо к курдским племенным организациям. А. И. Першиц приходит к выводу, что именно эти обстоятельства обусловили живучесть и консервацию остатков патриархально-родового строя.

Класс феодалов в Арделанском княжестве XVI — первой половины XIX в. можно условно разделить на пять основных групп ¹¹¹: 1. старинная курдская потомственная знать — семья Бани Ардалан, правящие роды в Авромане, Бане, Саккызе, Мариване, Джаванруде; 2. главы кочевых племен (*ил-беки*); 3. мусульманское духовенство; 4. частные землевладельцы; 5. представители центрального аппарата власти в Иране.

В различные периоды истории Арделанского княжества судьбы этих групп складывались по-разному, главенствующая роль переходила от одной группы к другой. В основном борьба за власть свелась к военно-политическому соперничеству первой группы и пятой (точнее иранских властей, которые она представляла) и закончилась во второй половине XIX в. отстранением от власти правящих родов в Бане, Мариване, Саккызе и князей из дома Бани Ардалан. Власть перешла к представителям династии Каджаров.

Знать кочевых племен представляла во все периоды истории Арделанского княжества заметную силу, поскольку *или* и *илаты* (кочевые племена и кочевники) составляли основную массу феодальных ополчений курдских эмиров. Но к середине XIX в.

политическое могущество военно-кочевой знати в Арделане было подорвано непрекращавшимися попытками правящего рода Бани Ардалан ослабить и усмирить непокорных вождей племен и все усиливавшимся процессом оседания кочевников. [70]

Группа частных землевладельцев, наоборот, весьма возросла и окрепла и к середине XIX в. составила самый мощный в социально-экономическом отношении слой класса курдских феодалов Арделанского княжества. Знать кочевых племен, в значительной степени перешедших к оседлому образу жизни, тоже к тому времени превратилась в своем большинстве в типичных помещиков, которые рассматривали некогда пожалованные их племенам территории как свои наследственные владения.

Духовенство в течение всего этого периода сохраняло большое влияние на ход событий. Весь Курдистан, по словам В. П. Никитина, был покрыт сетью религиозных ячеек, руководимых шейхами. Ученики шейхов становились их представителями в племенах и при дворах правителей. Благодаря их деятельности курды брались за оружие по первому призыву своих шейхов, даже если временами это противоречило политической ориентации вождя их племени [112](#).

Подводя итоги, особенности социально-экономических отношений в Арделанском княжестве можно свести к следующему:

1. Для областей Арделана характерно наличие трех хозяйственно-культурных типов: оседлых жителей, которые вели земледельческое хозяйство; полуоседлого населения, сочетавшего скотоводство с земледелием, и кочевников-скотоводов. Однако границы между земледельческим оседлым и скотоводческим кочевым укладами хозяйства были в достаточной мере размыты, и преобладал хозяйственно-культурный тип земледельцев, которые занимались также и кочевым скотоводством. При этом кочевание носило преимущественно вертикальный характер. Летние пастбища, как правило, располагались высоко в горах, недалеко от деревень.
2. В связи с преобладанием оседлого земледельческого уклада феодальные отношения в Арделанском княжестве нашли свое зрелое и четкое выражение. Феодальная эксплуатация носила откровенный характер и не была завуалирована родо-племенными обычаями. В Арделане особенно наглядно выступает прямо пропорциональная зависимость между степенью перехода к оседлому земледелию и ослаблением родо-племенных традиций, которые консервировались в среде кочевников.

3. Более четкое классовое расслоение, зрелость форм феодальной эксплуатации и феодальных отношений требовали и большего упрочения классовой диктатуры, более мощный аппарат угнетения и господства. Поэтому в Арделане наблюдается и более высокая степень развития политической надстройки — в области на протяжении семи столетий существовал могущественный феодальный эмират. [71]

Этническое самосознание

Арделан в XVIII—XIX вв. был заселен одними курдами, за исключением Исфандабада, где проживали также персы и тюрки. Длительное проживание в одинаковых природных условиях, единство территории в пределах исторически сложившегося региона, своеобразие социально-экономических отношений, общность — насколько это возможно в условиях феодальной раздробленности — политической жизни, то обстоятельство, что на протяжении семи веков арделанские курды составляли один, оформленный в виде княжества политический организм, способствовало тому, что Арделан стал одним из центров этнической консолидации курдов. И именно в хронике Хусрава б. Мухаммада мы находим свидетельства осознания арделанскими курдами своей локальной общности.

Процесс консолидации курдов Арделанского княжества привел к тому, что племя в их среде в основном утратило роль этнического носителя самосознания. Разрушение племенных связей нашло свое отражение в неустойчивости и неопределенности номенклатуры родо-племенных объединений. Сравнение хроники Хусрава б. Мухаммада и *Шараф-наме* — исторических памятников, которые разделяют два столетия, — дало возможность выявить изменения в употреблении такого рода терминологии в курдской среде.

При изучении труда Шараф-хана Бидлиси *Шараф-наме* в кажущейся неупорядоченности употребления терминов *таифе*, *кабиле* и *'ашират* удалось выявить некоторые закономерности ¹¹³. Представляется возможным наметить более или менее четкие семантические особенности каждого из этих терминов. *Таифе* означает в *Шараф-наме* «народ», «племя» независимо от его количественной и иной характеристики. Термины *'ашират* и *кабиле* более конкретны: *кабиле* называлось обычно небольшое племя, *'аширатом* — большое племя или союз племен.

Употребляемые Хусравом б. Мухаммадом термины *ил*, *хашам*, *таифе*, *'ашират* и другие, обозначавшие когда-то реальные, отличавшиеся друг от друга родо-племенные общности, в хронике утратили первоначальные различия, нивелировались и представляются

синонимичными. Неопределенность родо-племенной номенклатуры в историческом источнике явилась результатом ослабления родо-племенных традиций в среде арделанских курдов.

Этническая консолидация Арделана сопровождалась единым самоназванием населения, о чем свидетельствует хроника Хусрава б. Мухаммада. Историк именует арделанцев курдистанцами — [72] и только арделанцев. Соседи арделанских курдов бабанцы на страницах хроники называются курманджами и даже «чужими» ¹¹⁴. Таким образом, в сочинении арделанского историка достаточно отчетливо выражена антитеза «мы» — «они», имеющая важнейшее типологическое значение при взаимном различении этнических общностей ¹¹⁵. Носителем этнического сознания в Арделане конца XVIII — начала XIX в. выступает не племя, а единица этнической классификации более высокого порядка. Арделанские курды XVIII—XIX вв. представляли собой общность, единство которой, как показывает хроника Хусрава б. Мухаммада, нашло свое выражение в региональном самосознании.

Комментарии

1 Сенендеджский шахристан граничит на севере с шахристанами Саккыз и Мераге, на юге — с шахристаном Керманшахан, на западе — с Ираком и на востоке — с шахристанами Хамадан и Биджар и состоит из восьми бахшей и тридцати дихистанов. К 1953 г. там насчитывалось 380 тысяч жителей. Подробнее см. *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 251—255.

2 Коллюбакин, с. 72—73.

3 Rich. Vol. 1, с. 216.

4 Ныне название Карафту сохранилось лишь за селением в северной части Сенендеджского шахристана — дихистан Убату (Хубату), бахш Дивандаре. См. *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 357—358.

5 В настоящее время Тила-кух и Хорхоре — два дихистана в бахше Дивандаре. В центре Хорхоре находится самая высокая гора Арделана Чехель-Чешме. См. там же, с. 101, 164—165.

6 Ныне один из дихистанов бахша Хуме Сенендеджского шахристана, к востоку от города Сенендеджа. Там же, с. 251.

7 Один из трех дихистанов бахша Разаб Сенендеджского шахристана к северо-западу от Сенендеджа. Там же, с. 366.

8 По-видимому, Жаверуд, дихистан бахша Разаб. Там же, с. 218—219.

9 Убату (Хубату) и Сарал — ныне два дихистана в бахше Дивандаре; Сарал составляет южную часть бахша, Убату — северо-западную. Дихистан Кара Туре находится к востоку от Убату. Хусейнабад — один из дихистанов бахша Хуме, к северу от Сенендеджа. Там же, с. 26—27, 219—220; EI. Т. 4, с. 234.

10 *Хадике-йи Насирийе*, лл. 32—63.

11 *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 27—29.

12 Хроника, л. 33б.

13 Там же, л. 104б.

14 Бамдад. Т. 3, с. 88; т. 1, с. 333.

15 Минорский. Турецко-персидское разграничение, с. 373—374.

16 Там же.

17 Чириков, с. 328.

18 Rich. Vol. 1, с. 202.

19 Хроника, лл. 72б—73б.

20 *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 428.

21 Чернозубов, с. 48—50.

22 Lysklama. Т. 4, с. 67.

23 Хроника, л. 44б.

24 Там же, л. 73б.

25 Там же, л. 74а.

26 Там же, л. 94а.

27 Там же, л. 95а.

28 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 367.

29 Правители пограничных с Турцией районов стали именоваться «султанами» по приказу государя Ирана после того, как турецкий султан назвал своих пограничных губернаторов «пашами» (уничжительное от «шах»). См. Чернозубов, с. 43—44.

30 Rich. Vol. 1, с. 248.

31 *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 45.

32 Хроника, лл. 38а, 41а.

33 Rich. Vol. 1, с. 243.

34 *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 11—12.

35 Хроника, л. 77а.

36 EI. Т. 4, с. 234.

37 *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 4, с. 143.

38 Вначале город назывался Сенне. После основания могучей крепости в центре города его переименовали в Сеннедедж («крепость Сенне») или Сеннедеж, а с течением времени Сеннедеж превратился в Сенендедж. См. *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 253.

39 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 151; Хроника, л. 17а.

40 Чернозубов, с. 40; Никитин, с. 255; Rich. Vol. 1, с. 208.

41 См. Гагарин, с. 259; Ханыков, с. 9—10.

42 Чернозубов, с. 36—37.

43 Небезынтересна тематика этой живописи. Картины изображали битву при Чалдыране, сражение между Тимуром и султаном Байазидом, портреты некоторых шахов Сефевидской династии, Александра Македонского в персидском костюме и «с лицом кокетливой женщины», царя Соломона, портреты российского императора, принца Валесского, генерал-губернатора Индии, короля Испании, императора Германии, Наполеона, а также правящего иранского шаха — «с фунтовым грузом драгоценностей». См. Rich. Vol. 1, с. 205.

44 Там же.

45 Malcolm. Sketches of Persia. Vol. 2. с. 277; Rich. Vol. 1, с. 204— 206.

46 Хроника, л. 86б.

47 Rich. Vol. 1, с. 201.

48 Там же, с. 207.

49 Там же, с. 245.

50 Там же, с. 209.

51 Чириков, с. 327—328. См. также Malcolm. Sketches of Persia. Vol. 2, с. 286.

52 Богданов, с. 24.

53 EI. T. 4, с. 236.

54 MacKenzie, с. 3.

55 Minorsky. The Guran, с. 75—76.

56 Курдоев, с. 104.

57 Soane, с. 58—59.

58 Minorsky. The tribes, с. 79.

59 Никитин, с. 232.

60 Soane, с. 57.

61 Там же.

62 Malcolm. Sketches of Persia. Vol. 2, с. 273— 274.

63 Lycklama. Т. 4, с. 33.

64 Максимович-Васильковский. Ч. 1, с. 127.

65 Чернозубов, с. 15—17.

66 Curzon. Vol. 1, с. 552.

67 Lycklama. Т. 4, с. 30—31.

68 Там же, с. 35—36.

69 Там же, с. 36, 56.

70 Там же, с. 59.

71 EI. Т. 4, с. 235.

72 Lycklama. Т. 4, с. 64; Ker Porter. Vol. 2, с. 564—565.

73 de Morgan. t. 2, с. 58—60.

74 Там же.

75 Чернозубов, с. 15.

76 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, с. 348.

77 Хроника, л. 41б.

78 Харвар — мера веса, равная 300 кг.

79 Supplement, с. 5.

80 Хроника, лл. 44а, 46б.

81 Там же, лл. 46б, 47а.

- 82** Там же, л. 476.
- 83** Там же, л. 54а.
- 84** Там же, л. 61а.
- 85** Там же, лл. 486, 54а.
- 86** The Cambridge History of Islam. Vol. 1, с. 576.
- 87** Luskla. Т. 4, с. 30—69.
- 88** Там же, с. 31.
- 89** Там же, с. 59.
- 90** Там же, с. 64—65.
- 91** Хроника, лл. 89а, 916—93а, 986.
- 92** Гагарин, с. 257; Ker Porter. Vol. 2, с. 565.
- 93** Чернозубов, с. 17.
- 94** Максимович-Васильковский. Ч. 1, с. 47.
- 95** Rich. Vol. 1, с. 214, 215. .
- 96** Першиц. Хозяйство, с. 79.
- 97** Першиц. Оседлое и кочевое общество, с. 38.
- 98** Luskla. Т. 4, с. 61—62.
- 99** Там же, с. 31—32.
- 100** Чернозубов, с. 19.
- 101** Там же, с. 25.
- 102** Lambton, с. 310.

103 Там же, с. 290.

104 Никитин, с. 111; Максимович-Васильковский. Ч. 1, с. 133.

105 Minorsky. The tribes, с. 79.

106 По определению А. И. Гелавежа, «“горанами” назывались крестьяне, эксплуатируемые аширатом»,— в южном Курдистане, в северном Курдистане их называли «курманджами». Гелавез, с. 63.

107 Пробабанские симпатии К. Рича проявились и в весьма нелестной характеристике, которую он дал Аманаллах-хану Бани Ардалану. Он приводит о нем много анекдотов, которые имели хождение, по-видимому, среди бабанских курдов.

108 Riech. Vol. 1, с. 150—151.

109 Никитин, с. 193.

110 Першиц. Хозяйство, с. 139—140,

111 В основу положена классификация И. П. Петрушевского для Азербайджана и Армении XVI—XVIII вв. См. Петрушевский. Очерки, с. 89.

112 Никитин, с. 310.

113 См. Васильева. Термины, с. 6—9 и предисловие к *Шараф-наме*. Т. 2, с. 25—26.

114 Хроника, лл. 4а, 43а, 53б.

115 Бромлей, с. 33.

ИСТОРИЯ АРДЕЛАНСКОГО КНЯЖЕСТВА И ДИНАСТИИ БАНИ АРДАЛАН ПО ХРОНИКЕ ХУСРАВА ИБН МУХАММАДА

История князей из дома Бани Ардалан на протяжении их почти семисотлетнего правления складывалась по-разному. Временами они настолько укрепляли свое положение, расширяли владения и ослабляли степень своей зависимости от центральной власти, что отдельные авторы нашли возможным рассматривать Арделанское княжество как «независимое курдское государство». Например, курдский историк Мухаммад Амин Заки,

перечисляя четырнадцать курдских династий, которые, по его мнению, пользовались всеми prerogativami королевской власти, включает в их число и князей Арделана ¹.

Однако, хотя вассальная зависимость правителей Арделана от государя Ирана часто становилась весьма эфемерной, совершенно ее отрицать не представляется возможным. И Шараф-хан Бидлиси, который делит курдские династии на три категории: 1) «правители Курдистана, которые вознесли знамя султаната и которых историки отнесли к государям», 2) «великие правители Курдистана, которые хотя и не претендовали на султанский титул и не стремились к восшествию на престол, но иногда читали *хутбу* и чеканили монету со своим именем», 3) «другие эмиры и правители Курдистана», — не относит династию Бани Ардалан к полновластным государям. Но в разделе о «великих правителях Курдистана» первая глава посвящена Бани Ардаланам. Таким образом, Шараф-хан Бидлиси ставит их как бы во главе «великих правителей», первыми среди династий второй категории. [73]

На основании *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси, сочинения Хусрава б. Мухаммада, других арделанских хроник и использованных нами источников можно наметить следующую периодизацию истории Арделанского княжества:

I период — от образования княжества до конца XV в. Этот период освещен чрезвычайно скудно, сведения историков основаны главным образом на местных преданиях и устной традиции.

II период — XVI в.— 1068/1657-58 г. Княжество по-прежнему велико территориально и управляется Бани Ардаланами временами почти независимо.

III период — 1068/1657-58—1240/1824-25 гг. Территория княжества большей частью ограничивается областью Арделан. Временами Бани Ардаланы даже лишаются власти, но при Хусрав-хане III и Аманаллах-хане I сохраняют положение могущественных правителей.

IV период-1240/1824-25-1284/1867-68 гг. В Арделане усиливается влияние Каджаров. Местная династия утрачивает свое высокое положение и в 1867-68 г. теряет власть окончательно.

Легендарная традиция, воспроизводимая в хронике Хусрава б. Мухаммада и во всех других местных хрониках, относит происхождение рода Бани Ардалан к эпохе Сасанидов или первых Аббасидов. Шараф-хан ограничивается сообщением, что родоначальник

князей Арделана Баба Ардалан был из Марванидов Диарбекира и поселился среди племени гуран в правление Чингизидских султанов. К концу их царствования он уже был, согласно *Шараф-наме*, правителем Шахризур². По сведениям К. Рича, род Бани Ардалан происходил из ответвления мамуи племени гуран³.

'Али Акбар-хан Садик ал-Мулк находит возможным датировать приход к власти Баба Ардалана 564/1168-69 г.⁴ Ни Шараф-хан Бидлиси, ни Хусрав б. Мухаммад не уточняют времени его воцарения. Но сведения всех трех источников сводятся к одному — первоначально династия Бани Ардалан пришла к власти не в Арделане, а в Шахризуре, где и была основана крепость Залм, служившая им первой резиденцией⁵.

По сведениям, содержащимся в хронике Хусрава б. Мухаммада, в *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* и *Хадике-йи Насирийе*, владения первых князей из рода Бани Ардалан: Баба Ардалана, Калула, Хизра I, Илийаса и Хизра II — охватывали достаточно большую территорию и включали Шахризур, Паланган, Кой, Харир, Бабан, Шахрбазар, Ревандуз, Эрбиль и Имадию⁶. [74] Однако к этим сообщениям арделанских хронистов, которые основаны, по-видимому, на местной исторической традиции и преданиях, следует подходить с большой осторожностью. В особенности это касается необыкновенно «точных» дат времени правления первых Бани Ардаланов в *Хадике-йи Насирийе*.

Вызывает также большие сомнения непрерывная последовательность правления первых Бани Ардаланов до Мамун-бека — непременно от отца к сыну, что, как правило, не соответствует истинному ходу исторических событий. Любопытно, что после Мамун-бека, с правления которого Шараф-хан Бидлиси начинает излагать историю правителей Арделана, эта последовательность сразу нарушается: наследует то сын правителя, то его дядя или племянник, то другой из его ближайших родственников. И первые Бани Ардаланы в изображении Хусрава б. Мухаммада и других местных хронистов предстают уж слишком мудрыми, щедрыми и благородными покровителями раййатов. Об этих их «добродетелях» в книге говорится весьма многословно, но в самых общих и трафаретных выражениях. Конкретно о каких-либо их «деяниях» автору сказать нечего.

Фактически изложение истории династии Бани Ардалан в хронике Хусрава б. Мухаммада и в сочинениях других арделанских историков начинается с правления Мамун-бека I. Первые сведения, достоверность которых не вызывает сомнений, представляет заимствованный из *Шараф-наме* рассказ о разделе Мамун-беком своих владений между тремя сыновьями. Сообщения Шараф-хана Бидлиси, скорректированные в сочинении

Хусрава б. Мухаммада, по-видимому, местной традицией, дают представление о территории, которую занимало Арделанское княжество в первой половине XVI в. Бани Ардаланы в правление Мамун-бека I владели районами: Залм, Тагсу, Шамиран, Хавар, Симан, Равдан и Гуламбар (доля старшего сына Мамун-бека — Бика-бека ⁷); Туй, Машиле, Мариван, Тануре, Калус и Ншекас (доля Сурхаб-бека б. Мамун-бека); Саруджик, Каратаг, Шахрбазар, Алан и Демхеран (доля Мухаммад-бека б. Мамун-бека) ⁸.

Под властью курдской династии находилась, таким образом, обширная область, охватывавшая западные районы Иранского Курдистана и районы, ныне принадлежащие Ираку. Рост могущества Бани Ардаланов и их независимое положение по **[75]** отношению к Сефевидским шахам и Османским султанам побудили иранских и турецких государей совершить ряд походов на Арделан.

В *Ахсан ат-таварих* упоминается о сражениях отважного Бика-бека (по словам Хасан-бека Румлу, легендарный храбрец Рустам был достоин лишь носить за ним попону) с военачальниками шаха Тахмасба в 957/1550 г. ⁹. Участвовавший в походе вместе с другими кызылбашскими эмирами автор *Ахсан ат-таварих* вынужден признать, что *курчи* племени румлу были обращены курдами в бегство. Возвратившись назад, кызылбаши удовлетволялись, по-видимому, разорением окрестностей крепости Залм ¹⁰.

По приказу султана Сулаймана войной на сына Бика-бека, Мамун-бека II, идет правитель Имадии Султан Хусайн-бек. В 969/1561-62 г. эмир эмиров Багдада 'Усман-паша захватывает оплот Бани Ардаланов крепость Залм и Шахризур ¹¹. По свидетельству Хасан-бека Румлу, захват турками Шахризюра имел место в 961/1553-54 г., во время правления Сурхаб-бека, брата Бика-бека, и в помощь Сурхаб-беку шах Тахмасб направил «многочисленный отряд богатырей» ¹².

Согласно *Шараф-наме*, с этого времени «область Шахризюра вошла в богом хранимые владения монарха и составила часть приобретений Османской династии» ¹³. Однако, по свидетельству Хусрава б. Мухаммада, через три года, т. е. в 972/1564-65 г., сын Сурхаб-бека Султан 'Али-бек «отобрал вилайет [Шахризюра] у румийцев» ¹⁴.

В 985/1577-78 г., согласно *Ахсан ат-таварих*, «убрал выю из ошейника повиновения» правитель крепости Паланган Искандар, который, по словам Хасан-бека Румлу, «неоднократно вступал с правителями Курдистана в борьбу и выворачивал десницу их отваги и мощи» ¹⁵. Шах Тахмасб решил устранить непокорного правителя, и твердыня здешних эмиров — Паланган была захвачена шахскими войсками, хотя, по свидетельству

историка, «конец аркана мощи высокодостоянных властелинов не достигал зубцов [этой] крепости для ее покорения и высоко парящий сокол могущественных султанов не взлетал в надежде на ее завоевание» [16](#).

Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, владения князей Арделана при Тимур-хане б. Султан 'Али-беке (986/1578-79— 998/1589-90) включали Сенендедж, Хасанабад, Кызылдже, Залм, Шахризур, Каратаг, Мариван и Шахрбазар. Кроме того, **[76]** пользуясь наступившей после смерти шаха Тахмасба анархией в Иране, Тимур-хан завладел Керманшаханом, Сонкором, Динавером в Гяррусом (Заррин-Камаром) [17](#).

Тимур-хан вначале изъявил покорность османскому султану Мурад-хану. Позднее он перестал признавать над собой чью-либо власть вообще, стал претендовать на звание государя и лишь преждевременная гибель в войне с гяррусцами помешала Тимур-хану осуществить свои намерения.

После Тимур-хана к власти в Арделане пришел его брат Халу-хан (998/1589-90— 1025/1616), именуемый Мухаммадом Ибрахимом Ардалани «владельцем Арделана, Шахризур, Коя, Харира и других [округов]» [18](#). С приходом к власти Халу-хан заново перестроил и укрепил четыре могучие для того времени крепости: Паланган, Хасанабад, Мариван и Залм, которые принадлежали арделанским князьям. По словам Мухаммада Ибрахима, две из этих крепостей — Паланган и Залм — ему пришлось предварительно отвоевать и присоединить к своим владениям. Согласно сочинению Хусрава б. Мухаммада, Халу-хан крепости Паланган, Хасанабад и Мариван построил [19](#).

Из двух арделанских историков прав Мухаммад Ибрахим Ардалани. В *Ахсан ат-таварих* упоминается о захвате крепости Паланган кызылбашским эмиром Сулак Хусайном Такалу в 985/1577-78 г. Управление крепостью в том же году было передано кызылбашскому эмиру [20](#).

Таким образом, Халу-хан Бани Ардалан начал правление, по-видимому, с того, что прогнал кызылбашского эмира из крепости Паланган, которая впоследствии служила оплотом династии Бани Ардалан. Однако, утвердившись на престоле «Арделана, Шахризур, Коя, Харира и других [округов]», Халу-хан, по словам Мухаммада Ибрахима Ардалани, еще около двух лет «болтал о преданности шаху». Потом, по свидетельству историка, он увидел себя «в полной силе и могуществе» [21](#).

«Могущество крепостей», «многочисленность богатств, войск и припасов» привели к тому, что Халу-хан совершенно перестал считаться с шахом 'Аббасом и прекратил всякое общение и с сефевидским шахом и с османским султаном ²². «Хотя шах Ирана и султан Турции,— подтверждает Мухаммад Ибрахим Ардалани,— ему оказывали всевозможные щедроты и ласки, он им не служил совсем и покорности не проявлял» ²³. [77]

Об этом же пишет и историограф шаха 'Аббаса Искандар-бек Туркман, когда осторожно, не желая по понятным причинам уронить шахское достоинство, упоминает о неоднократных случаях неповиновения (***) Халу-хана на протяжении нескольких лет ²⁴.

В 1019/1610-11 г. в пределы Арделана, по приказу шаха, вторглись войска во главе с правителем Луристана Хусайн-ханом Луром, чтобы наказать и проучить Халу-хана. Лурский хан потерпел позорное поражение и возвратился ни с чем. И тогда, согласно арделанской исторической традиции, шах 'Аббас самолично возглавил поход на Арделан, дошел до Исфандабада и возвратился назад после совета «с друзьями и вельможами относительно сражения с Халу-ханом» ²⁵.

Версия о походе шаха 'Аббаса на Арделан не подтверждается Искандар-беком Туркманом, о чем уже говорилось выше ²⁶, но несомненно, что за упомянутыми в *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* «неповиновениями» Халу-хана стояли реальные факты пренебрежительного отношения арделанского князя к свфевидскому шаху. И сместить непокорного правителя шаху 'Аббасу удалось лишь с помощью сына Халу-хана — Хан Ахмад-хана.

Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, молодой хан был направлен к шаху после обмена с ним «посланниками и посланиями» ²⁷. По сообщению Искандар-бека Туркмана и Мухаммада Ибрахима Ардалани, Хан Ахмад-хан находился в столице Сефевидов Исфахане в качестве заложника, согласно *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* — «с детского возраста» ²⁸.

Из заложника Хан Ахмад-хан, получив в жены сестру шаха 'Аббаса, превратился в шахского зятя и обладателя грамоты на управление Курдистаном. Однако, чтобы занять место отца и привести в исполнение шахское назначение, молодому хану пришлось выдержать настоящую войну с отцом.

Хусрав б. Мухаммад описывает холодный прием, оказанный Халу-ханом сыну и невестке с ее многочисленной свитой,— перед гостями положили по приказу Халу-хана по горсти изюма и орехов, да по два камня. По словам Искандар-бека Туркмана, Халу-хан вообще

сына к себе не допустил и направил сразу в Шахризур, в крепость Залм ²⁹. В результате стараниями шаха 'Аббаса в Арделанском княжестве возникли две могущественные группировки, которые взаимно ослабляли друг друга постоянными стычками и военными столкновениями. И здесь сообщения [78] арделанского историка и сведения Искандар-бека Туркмана расходятся снова.

Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, Хан Ахмад-хан осадил крепость, в которой укрылся Халу-хан. По свидетельству Искандар-бека Туркмана, Халу-хан временно оставил свою резиденцию — крепость Хасанабад, чтобы заняться укреплением другой своей цитадели. Хан Ахмад-хан тем временем хитростью проник в крепость Хасанабад, где хранились сокровища рода Бани Ардалан. Завладев казной, он подарками привлек ашираты и племена на свою сторону и добился признания своей власти ³⁰. Последнее обстоятельство опровергает полностью утверждение историка, что Халу-хан не имел «поддержки среди аширатов и племен» ³¹.

Лицемерная «забота» шаха 'Аббаса о «старом и немощном» Халу-хане, якобы утратившем всякое влияние и власть, была продиктована единственно желанием убрать весьма усилившегося курдского династа и посадить на его место (предварительно связав с собой родственными узами) другого.

Хан Ахмад-хан пришел к власти в 1616 г. Халу-хана, по словам Хусрава б. Мухаммада, «схватили и отправили в Исфахан к шаху 'Аббасу» ³², где он и жил до конца своих дней и умер в 1036/1626-27 г. в возрасте более девяноста лет, ничем не боля ³³,

При Халу-хане и его сыне Хан Ахмад-хане, т. е. в последние десятилетия XVI и первые десятилетия XVII в., Арделанское княжество было наиболее сильным за весь период с начала XVI в. и до 1867-68 г. Никогда на протяжении всей его последующей истории Бани Ардаланам не удавалось так укрепить свое княжество, расширить его пределы и ослабить степень своей вассальной зависимости от иранских шахов. Первым и, следовательно, влиятельнейшим в числе семнадцати именитых и могущественных курдских и лурских эмиров времени шаха 'Аббаса Искандар-бек Туркман называет Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана, — «правителя Арделана и беглербега Шахризур» ³⁴.

Хан Ахмад-хан принимал участие в месопотамской кампании шаха 'Аббаса, но скорее при этом сотрудничал в качестве верного союзника, нежели вассала. Как и государь Ирана, арделанский князь держал двор, в его окружении были поэты, призванные прославлять его «деяния». Одного из них, Йусуфа Йаску, Хан Ахмад-хан заподозрил в заигрывании с

его супругой, сефевидской царевной Кулахзар-ханум, и приказал замуровать живым ³⁵.
[79]

В конце концов, по-видимому, уже после смерти шаха 'Аббаса Хан Ахмад-хан совсем «вышел из-под власти кызылбашей» и стал чеканить свою монету ³⁶. В ответ на ослепление по приказу шаха Сафи (1629—1642) его сына Сурхаб-бека, который по матери был царевичем, Хан Ахмад-хан «распахнул врата вражды» и, очевидно, признал власть турецкого султана — «сговорился с султаном Рума». «Сколько шах Сафи ни оказывал ему милостей, как ни заверял [в своем расположении],— рассказывает Мухаммад Ибрахим Ардалани,— все было бесполезно» ³⁷.

Хан Ахмад-хан захватил многочисленные области, арделанскому князю была подвластна большая территория «от Керманшахана и Хамадана до Урмии» ³⁸. В числе его владений оба историка — Хусрав б. Мухаммад и Мухаммад Ибрахим Ардалани — упоминают Имадию и Мосул тоже ³⁹. Своим приказом арделанский хан назначал правителей Соуджбулага и Мераги.

В 1047/1637-38 г. шах Сафи послал против Хан Ахмад-хана большое войско, согласно Мухаммаду Ибрахиму— во главе с Зал-ханом и Сийавуш-ханом, а по сведениям Хусрава б. Мухаммада — с Зал-ханом ⁴⁰. Ополчение Хан Ахмад-хана и направленные турецким султаном ему в помощь отряды были разбиты на берегу Мариванского озера. Хан Ахмад-хан уехал в Мосул и вскоре там умер ⁴¹.

Хан Ахмад-хану наследовал в 1048/1638-39 г. Сулайман-хан б. Мир 'Аламаддин, который приходился внуком брату Халу-хана — Тимур-хану. Сулайман-хан был назначен правителем Арделана по приказу шаха Сафи. У Хан Ахмад-хана он был в большой немилости. По словам Хусрава б. Мухаммада, Хан Ахмад-хан обнаружил у Сулайман-хана «признаки храбрости, отваги и мужества и одобрил его поведение на пиру и в битве» и, опасаясь его соперничества, «решил с ним покончить» ⁴². Поэтому до своего назначения Сулайман-хан находился при дворе шаха Сафи.

В правление Сулайман-хана (1048/1638-39—1068/1657-58) Арделанское княжество значительно уменьшилось в своих размерах в результате военных действий между Турцией и Ираном, которые происходили в основном на территории Арделана. Однако положение арделанского князя оставалось все еще достаточно прочным **[80]** и могущественным. Царственный прием, оказанный Сулайман-ханом посланцу Венецианской республики к шаху Персии, красочно описал Ж.-Б. Тавернье. По его

словам, «дом, в котором жил [хан], был одним из самых красивых в Персии» ⁴³.

Французский купец описывает роскошное убранство помещения, в котором происходил прием, и даже угощение, последовавшее за беседой «о состоянии дел в Европе».

Мухаммад Ибрахим Ардалани еще именует Сулайман-хана в начале его правления властителем Арделана, Шахризур, Коя и Харира. Но в соответствии с условиями ирано-турецкого договора 1639 г., т. е. через год после назначения Сулайман-хана, области Шахризур, Кызылдже, Карадаг и Шахрбазар отошли к Османской империи ⁴⁴, а крепости Залм, Мариван и Паланган были срыты ⁴⁵.

После окончания военных действий между Ираном и Турцией западная граница Арделанского княжества продолжала оставаться в значительной степени размытой, и Мухаммад Ибрахим Ардалани именует сына и преемника Сулайман-хана — Калб 'Али-хана по-прежнему «правителем Арделана, Шахризур, Коя и Харира» ⁴⁶, однако в результате этих событий Арделанское княжество потерпело большой урон. Разрушили и сравняли с землей могучие крепости, в которых Бани Ардаланы чувствовали себя неуязвимыми.

Мощь и независимость арделанских князей были в значительной степени подорваны именно в правление Сулайман-хана. Любопытно, что сефевидские шахи добились этого в период довольно длительного мирного сосуществования Ирана и Турции после договора 1639 г., когда в лице арделанского князя им был нужен не союзник, а вассал.

По сообщениям арделанских историков, после смерти Сулайман-хана княжество было поделено между несколькими правителями. Область Сенендеджа перешла к Калб 'Али-хану (1657-58— 1678-79), Мариван — к другому сыну Сулайман-хана, Хусрав-хану, Сийахкух — к внуку Сулайман-хана, Авроман — к представителю местной авроманской знати, район Палангана — к Мурид-хану, Джаванруд — к одному из вождей джафского племени. Сведения арделанских хронистов несколько уточняет и исправляет Мухаммад Тахир Вахид, историограф шаха 'Аббаса II (1642— 1666). Согласно *'Аббас-наме*, Сулайман-хан Бани Ардалан был смещен по приказу шаха и его владения поделили при его жизни. Как рассказывает Мухаммад Тахир Вахид, Сулайман-хан прибыл в «резиденцию царствования» — Исфахан в отсутствие государя, **[81]** и «арделанцы, что прибыли к небесноподобному двору вместе с Сулайман-ханом», сговорились и решили донести на него шаху. «По возвращении победоносных знамен... они единодушно заявили, что Сулайман-хан хотел было забрать все свое имущество в отправиться в Турцию.

Преданные шаху *гуламы* Арделана ему в этом помешали, и потому он прибыл ко двору прибежища мира, не объявляя и не испрашивая разрешения» ⁴⁷. Слова арделанцев подтвердил правитель Динавера и Сонкора, и, когда «исполненный правдивости облик того сборища,— говорится в '*Аббас-наме*,— заблистал в высочайшем зеркале веры его величества государя, тот изволил Сулайман-хана сместить с упомянутой должности. Постановили, чтобы он отправлялся в священный Мешхед и там проживал и молился за близкое к вечности правление [государя]» ⁴⁸.

Мухаммад Тахир Вахид существенно дополняет рассказ Хусрава б. Мухаммада, называя поименно тех эмиров, между которыми были поделены районы, «составлявшие *тиул* Сулайман-хана». Помимо сыновей Сулайман-хана, Калб 'Али-хана, Сухраб-султана и Хусрав-хана, в '*Аббас-наме* упоминаются также Мухаммад-султан, сын 'Аббас-Кули-султана Аврамани, Вайс-Кули-султан и Мухаммад-султан Галбаги ⁴⁹.

После Калб 'Али-хана арделанские правители сменяли друг друга довольно быстро. Через четыре года после смерти Калб 'Али-хана его брат Хусрав-хан, вначале правивший в Мариване, а в 1091/1680 г. назначенный правителем всего Арделана, был казнен в Исфахане по приказу иранского шаха. После казни Хусрав-хана правителем впервые за семь веков существования Арделанского княжества назначили аджарца Тимур-хана, не принадлежавшего к роду Бани Ардалан.

Ослаблением правителей Арделана и Арделанского княжества воспользовались эмиры из могущественного рода Бабанов, которые завладели, по-видимому, в конце 30-х годов XVII в. Шахризуром ⁵⁰ и соседними с Мариваном и Авроманом районами. В 1105/1693-94 г., когда в Арделане управлял Мухаммад-хан, сын казненного Хусрав-хана, окрепшие Бабаны делают попытку еще больше расширить свои владения за счет Арделана. Сулайман-паша Бабан захватывает Мариван, Авроман и Сийахкух, но вынужден эти области оставить под натиском иранских войск.

С 1113/1701-02 по 1122/1710-11 г. в Арделане снова управляют не Бани Ардаланы: грузин Мухаммад-хан и поочередно два брата, **[82]** сыновья великого везира Ирана. Отпрыски рода Ардалана прозябают в бедности, лишённые былых привилегий. Так, в 1129/ 1716-17 г., когда иранский шах назначил правителем Арделана внука Калб 'Али-хана — 'Али-Кули-хана, шахский посланец, который вез грамоту на правление и почетный халат, с трудом обнаружил будущего князя в бедной деревушке. Жил он там, по словам Хусрава б. Мухаммада, «в крайней бедности и нужде» ⁵¹. Ко времени турецкого нашествия в Иран

(1723—1724) захват Арделанского княжества не представлял никаких трудностей. Арделан, в недалекие времена представлявший мощный кордон между Турцией и Ираном, стал одной из первых жертв турецкой агрессии. Отряды бабанских эмиров, которые выступали в составе турецкой армии, без труда завладели Арделаном, и в Сенендедже утвердился Хане-паша Бабан, сын Сулайман-паши. Под властью Бабанов область находилась до 1142/1729-30 г. ⁵². Хусрав б. Мухаммад упоминает приход к власти Хане-паши лишь вскользь и правление Бабанов обходит молчанием.

Сообщения арделанских историков можно дополнить и несколько уточнить благодаря сведениям историографа Надир-шаха Афшара — Мухаммада Казима. Согласно *Наме-йи 'аламара-йи Надири*, на стороне турок выступал Ахмад-хан, сын Субхан-Вирди-хана, которого автор именует «беглербегом Арделана» ⁵³. Мухаммад Казим дважды упоминает, что сын арделанского беглербега «обратился за помощью к Турции, как только занялся день этого богом данного правления (т. е. правления Надир-шаха.— Е. В.)» ⁵⁴. Таким образом, по утверждению Мухаммада Казима, в завоевании Арделанского княжества турками участвовал арделанский хан, будучи назначен «вместе с другими отрядами и полками Турции [выступить] на войну через Диарбекир и Мосул» ⁵⁵. Бабаны покинули Арделан вместе с турецкими войсками, изгнанными Надир-шахом из западных областей Ирана. Субхан-Вирди-хан б. Мухаммад-хан Бани Ардалан, который в начале турецкого нашествия признал власть султана, был назначен правителем Хамсе и поименован пашой ⁵⁶, после изгнания турок стал, по словам Мухаммада Ибрахима Ардалани, «независимым правителем» Арделана ⁵⁷. Правда, стоило Надир-шаху с войском в 1144/1731-32 г. выступить в Герат, как его «независимое» правление кончилось. Турки, «как и прежде», завладели западными областями Ирана, а Бабаны — Арделаном. Но в 1145/1732-33 г. **[83]** и турки и Бабаны снова отступили под натиском войск Надир-шаха.

Правителем Арделана был назначен Субхан-Вирди-хан. После турецкого вторжения, набегов, грабежей и кровавых столкновений войск область осталась разоренной и опустошенной. Напрасно Надир-шах то и дело менял правителей — не успевал иногда доехать до Сенендеджа один, как следом за ним мчался новый правитель, с новой грамотой и почетным халатом ⁵⁸ — «из-за разрухи, [наступившей] в вилайете, и отсутствия жителей и подданных» налоги с Арделана почти не поступали ⁵⁹.

В 1155/1742-43 г. из-за неурожая в Арделане разразился страшный голод. Наступила зима, дороги занесло снегом, и связь с внешним миром прервалась. Множество человеческих жизней унес этот год. Арделан почти обезлюдел. Но и эту область, находившуюся на

границ запустения, Надир-шах продолжал подвергать невыносимому гнету и притеснениям ⁶⁰. Поэтому известие о смерти Надир-шаха в Арделане восприняли с великой радостью. В Иране началась ожесточеннейшая борьба между крупными феодальными группировками, жаждавшими посадить на трон своих ставленников. По мере ослабления центральной власти в Иране Бани Ардаланы начинают понемногу укреплять свое положение. Однако к утверждениям Хусрава б. Мухаммада, что область «достигла в целом благополучия и стала процветать» ⁶¹, следует относиться, без сомнения, с большой осторожностью.

Правитель Арделана Хасан 'Али-хан (1161/1748—1167/1753-54), по сведениям Хусрава б. Мухаммада и Мухаммада Ибрахима Ардалани, успешно сразился с главой крупного курдского племени зенгене Имам-Кули-ханом, который напал на Арделан с большим войском. Зенгене были разгромлены и обращены в бегство, а арделанцы захватили богатую добычу ⁶². Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, Хасан 'Али-хану удалось даже расширить свои владения и захватить после победы над зенгене Керманшахан, Динавер, Боруджирд, Гульпайган и другие районы ⁶³. Но устоять перед другим своим злейшим врагом — Бабанами арделанские князья не смогли.

В битве с бабанским эмиром Салим-пашой, получившим большую помощь и войско от турок, Хасан 'Али-хан потерпел поражение. Он обратился к посредничеству Азад-хана афганца, бывшего *сардара* (полководца) Надир-шаха, который после смерти [84] Надир-шаха возглавлял одну из сильнейших группировок феодальной знати в борьбе за иранский престол. Салим-паша Бабан тоже выехал вслед за ним в ставку Азад-хана, «опасаясь, как бы... Хасан 'Али-хану не удалось поправить дело и как бы Азад-хан не пришел к нему на помощь» ⁶⁴.

Бабанский эмир, по свидетельству арделанских историков, преподнес Азад-хану большую сумму денег и обязался ему служить верой и правдой. Азад-хан предпочел из двух курдских эмиров того, кто оказался сильнее в бою. Он передал Салим-паше грамоту на управление Арделаном и Хасан 'Али-хана Бани Ардалана, закованного в кандалы. Бабанский эмир казнил соперника сразу по приезде в Сенендедж. Столицу Бани Ардаланов заняло бабанское войско.

Вскоре на Сенендедж напали войска Карим-хана Занда. Город был razорен, разграблен и предан огню. В Арделане началось народное восстание, которое закончилось изгнанием Бабанов ⁶⁵. Правителем Арделана восставшие поставили брата Хасан 'Али-хана, казненного Салим-пашой Бабаном, — Карим-хана Бани Ардалана. Он не отличался

большими способностями и умом, и Хусрав б. Мухаммад не скупится на весьма раздраженные замечания по его адресу ⁶⁶.

В 1170/1756-57 г. ⁶⁷ управление Арделаном переходит к внуку Субхан-Вирди-хана — Хусрав-хану, которому вместе со своим знаменитым сыном Аманаллах-ханом удалось на некоторое время возродить былое величие дома Бани Ардалан. Согласно хронике Хусрава б. Мухаммада, грамоту на правление и почетный халат Хусрав-хану пожаловал отец основателя Каджарской династии Ага Мухаммад-хана (1779—1797) — Мухаммад Хасан-хан. С аналогичной просьбой к каджарскому хану якобы обращался и бабанский эмир. Но Мухаммад Хасан-хан отказал бабанцу, не желая «продавать область чужим», а отдал Арделан тому, «кто имеет право» ⁶⁸.

Приведенная версия, по-видимому, отражает лишь наивное старание Хусрава б. Мухаммада польстить правившей в его время династии Каджаров и лишний раз подчеркнуть, что только Бани Ардаланы имели право на власть в Арделане. Бабанские эмиры оставались для него узурпаторами и чужаками. Мухаммад Хасан-хан возглавлял могущественную группировку каджарских племен на севере Ирана и мог, конечно, изображая из себя государя, даровать грамоту на правление. Но в действительности, как **[85]** помогает нам уяснить Мухаммад Ибрахим Ардалани, дело обстояло сложнее.

Хусрав-хан Бани Ардалан находился на службе у Мухаммад Хасан-хана и участвовал на его стороне в битве каджарского хала с Азад-ханом афганцем. На стороне последнего сражался Салим-паша Бабан, также жаждавший заполучить Арделан. Битва произошла в 1169/1755-56 г. в Урмии. И Салим-паша Бабан и Азад-хан потерпели позорное поражение. Азад-хан бежал в Хаккари, Салим-паша — к границам Бабанского княжества.

Получив поддержку Мухаммада Хасан-хана Каджара, Хусрав-хан направился в Арделан. В области Бани ему преградил путь Салим-паша со своими отрядами и снова был разбит, «потерпев позорное поражение. 300—400 человек из [отрядов] Салим-паши стали жертвой меча героев Арделана» ⁶⁹. Хусрав-хан, по словам Мухаммада Ибрахима Ардалани, «с победой и триумфом прибыл в Арделан» ⁷⁰.

По словам Хусрава б. Мухаммада, «преисполненное величия и великолепие независимости правление» Хусрав-хана продолжалось до 1176/1762-63 г. К этому времени Карим-хан Занд, одержавший победу в войне многочисленных феодальных группировок, объединил под своей властью весь Иран. Он передал Сенендедж с относящимися к нему

округами бабанскому эмиру Сулайман-паше, и тот присоединил Арделан к Бабану. Через год бабанский эмир был убит, и вскоре Хусрав-хан снова стал правителем Арделана.

Хусрав-хан с самого начала своего правления стремился как-то преодолеть разрушения, причиненные Арделану, и укрепить свое княжество. Более чем полувековой период непрерывных междоусобиц и кровавых войн сменился непродолжительным временем относительного благополучия ⁷¹.

Хусрав-хан особенно укрепил свою власть и «обрел в делах власти и правления независимость» после смерти Карим-хана Занда в 1193/1779 г. Как относился Хусрав-хан к преемникам Карим-хана Занда, сменявшим друг друга на иранском престоле, показывает приведенный в хронике рассказ о назначении 'Али Мурад-ханом Зандом Кахзад-хана б. Субхан-Вирди-хана правителем Арделана. Хусрав-хан разбил отряды нового правителя, самого же ограбил и обратил в бегство ⁷².

В Иране между тем с новой силой разгорелась борьба за власть между феодальными группировками. Ни один из известных нам арделанских историков не упоминает, что Хусрав-хан Бани Ардалан сам претендовал на иранский престол. По их словам, [86] в начавшихся междоусобицах он играл довольно заметную роль и временами «начинал поговаривать о независимости» ⁷³.

Хусрав-хан одержал блестящую победу над правителем Керманшахана Аллах-Кули-ханом, захватил богатую добычу и присоединил к своим владениям Сонкор, Динавер, Саадабад и Туй-Саркан. Позднее Хусрав-хан завладел еще большей территорией «от Керманшахана до Исфахана»: Боруджирдом, Нехавендом, Казазом, Фараханом, Гульпайганом, Хансаром и другими округами ⁷⁴.

К концу XVIII в. арделанский князь в лице Хусрав-хана Бани Ардалана, согласно местным хроникам, представлял могущественного династа, чья военная мощь и поддержка Каджарам в войне с Зендами помогли сломить сопротивление Зендской династии. Так, в 1199/1784-85 г.,— рассказывает Хусрав б. Мухаммад ⁷⁵,— когда Джа'фар-хан Занд, преемник 'Али Мурад-хана Занда, прибыл из Шираза и во второй раз взял Исфахан, а затем с огромной армией двинулся на Хамадан, именно Хусрав-хан и ханы Гярруса остановили его продвижение и разгромили Джа'фар-хана.

После победы над Исма'ил-ханом Зандом в 1201/1786-87 г. Хусрав-хан послал Ага Мухаммад-хану Каджару головы убитых, захваченные в бою литавры и замбураки и был

каджарским ханом «вознесен и возвеличен» ⁷⁶. В то время, как можно понять из текста сочинения Хусрава б. Мухаммада, это было большой услугой Ага Мухаммад-хану Каджару и определило исход войны между Зендами и Каджарами и будущую судьбу соперничавших династий.

Сведения арделанских хронистов о разгроме Хусрав-ханом войск правителя Керманшахана Аллах-Кули-хана подтверждает Мухаммад Хашим Асаф, в сочинении которого нашла свое отражение история Зендов и первых Каджаров. В *Рустам ат-таварих* Мухаммада Хашима Асафа содержится весьма важное дополнение к сообщениям Хусрава б. Мухаммада, Мухаммада Шарифа и Мухаммада Ибрахима Ардалани. Согласно *Рустам ат-таварих*, «высокодостойные Хусрав-хан, валий Курдистана, и Аллах-Кули-хан, правитель Керманшахана, оба претендовали на иранский престол» ⁷⁷.

Замечание Мухаммада Хашима придает описанию арделанских историков совсем иное освещение. Не сторонника имел Ага Мухаммад-хан Каджар в лице арделанского князя, а соперника; не об интересах каджарского хана раздел Хусрав-хан, то сражаясь ^[87] с Зендами, то заключая с ними союз, а о своих собственных. Легенда о том, что Хусрав-хан сразу принял прокаджарскую ориентацию и проложил им фактически путь к иранскому престолу, явно принадлежит перу арделанских хронистов и придумана авторами местных историй из соображений чисто политического характера.

Эту легенду с полным доверием воспринял и воспроизвел в своих социально-исторических очерках В. П. Никитин: «Семейство [правителей] Сенне связало свою судьбу с судьбой племени Каджаров, когда последние возжаждали персидский трон, и заключило с ними союз дружбы и единства. Засвидетельствовав таким образом свою покорность династии Каджаров, оно осталось верным своему слову и оказало военную помощь в битвах с несчастным Лутф 'Али-ханом Зандом, разгром и смерть которого освободили трон для Каджаров» ⁷⁸.

Но самые неопровержимые доказательства несостоятельности версии арделанских хронистов заключены в сочинении Мирза Мухаммада Садика Нами Мусави *Тарих-и гинигуша-йи Зандийа*. В главе, посвященной «изъяснению бегства Исма'ил-хана [Занда] в сторону Хамадана, похода его величества миродержца на упомянутый город и битвы с Хусрав-ханом», рассказывается о сражении Ага Мухаммад-хана Каджара с Хусрав-ханом Бани Ардаланом ⁷⁹.

Как рассказывает Мирза Мухаммад Садик Нами Мусави, Исма'ил-хан бежал под натиском каджарских войск к Хамадану, где управлял в то время на правах наместника Ага Мухаммад-хана Мухаммад Хусайн-хан Каракузлу. Тот закрыл было крепостные ворота и приготовился к обороне крепости. Согласно *Тарих-и гитигуша-йи Зандийа*, Исма'ил-хан вскоре завладел крепостью, а с Мухаммадом Хусайн-ханом сумел договориться, и «между ними были заложены устои единения и согласия». Разгневанный Ага Мухаммад-хан пошел на Хамадан. Но Исма'ил-хан Занд не стал ждать прибытия каджарского войска и, «разглядев на челе своих обстоятельств следы упадка... отправился в сторону Гярруса».

Когда войска Ага Мухаммад-хана остановились под Хамаданом, «от беглербега Курдистана Хусрав-хана», т. е. от Хусрав-хана Бани Ардалана, были получены, по словам Мирза Мухаммада Садика, «исполненные смирения» послания: «...мол, поскольку этот чистый помыслами принадлежит к числу старинных слуг отмеченной вечностью державы и вскормлен тем славным счастливым родом, он умоляет, дабы равный Сулайману повелитель [не] направлялся в вилайет Курдистана и этого немощного [88] муравья не топтал ногами [своих] коней» ⁸⁰. Послания, по свидетельству историка, были доставлены старшим сыном Хусрав-хана вместе с богатым подарком и «податями с Курдистана за два года».

Ага Мухаммад-хан, согласно *Тарих-и гитигуша-йи Зандийа*, оставил просьбу и обращение арделанского князя без внимания и ответом его не удостоил. Тогда, заключает автор, «вышеупомянутый [Хусрав-хан], видя, что дело приняло нежелательный оборот, был вынужден собрать войско и призвать армию, обратился за помощью к 'Али-хану Хамсе, ханам Каракузлу и Гярруса. ... За короткое время он собрал многочисленное войско... и направился на битву с армией, [исполненной] отваги» ⁸¹.

Сражение Ага Мухаммад-хана Каджара и Хусрав-хана Бани Ардалана произошло в одном фарсах от города Хамадана, и «ветерок победы и торжества подул,— утверждает историограф Зендов,— на обстоятельства войска противника (т. е. Хусрав-хана Бани Ардалана.— *Е. В.*)». Армия «его величества прибежища мира ... рассеялась, а корабль [его] святого существования [оказался] в том исполненном смятения море» ⁸².

Мирза Мухаммад Садик объясняет успехи арделанского князя, помимо коварства «небесного свода, покровительствующего подлецам», сильным похолоданием и морозами, которые для войска Ага Мухаммад-хана оказались якобы непривычными: «мулазимы, [находившиеся] при славном стремени, в большинстве своем были народом гярмсирных

[районов], выросли в местах с жарким климатом и привыкли к жаре ... а в тот день мороз и сильное похолодание воздуха были непомерными и для них нестерпимыми» ⁸³.

Ага Мухаммад-хан Каджар остался, по словам историка, лишь «с незначительным числом приближенных». Только личное вмешательство Ага Мухаммад-хана и помощь «благословенного артиллерийского парка» заставили «захватчика Хусрава (т. е. Хусрав-хана Бани Ардалана.— *Е. В.*) повернуть [свою] армию [с численностью] звезд с поля [брани]... а разгромленные [было] войска, отряд за отрядом и группа за группой, собрались у победоносного двора» ⁸⁴.

Таким образом, отношения Хусрав-хана с Ага Мухаммад-ханом Каджаром складывались не столь благоприятно, как представляет Мухаммад Ибрахим Ардалани ⁸⁵, и значительно **[89]** сложнее, нежели это можно заключить из хроник Хусрава б. Мухаммада и Мухаммада Шарифа ⁸⁶.

Полученный Ага Мухаммад-ханом урок в битве с Хусрав-ханом побуждал его в дальнейшем, по-видимому, воздерживаться от встреч с арделанским князем на поле брани. И хотя в одной из последующих глав *Тарих-и гиттигуша-йи Зандийа* автор обещает «изъяснение выступления Ага Мухаммад-хана в сторону Ирака, битвы с Хусрав-ханом и его разгрома», ни о битве, ни о разгроме он не рассказывает ⁸⁷.

Хусрав-хан продолжал себя вести в достаточной мере «своевольно», совершенно не считаясь с Ага Мухаммад-ханом Каджаром; согласно *Тарих-и гиттигуша-йи Зандийа*, он снова стал зачинщиком смуты. Действуя в союзе с правителем Хамсе 'Али-ханом, арделанский князь схватил и «где-то заточил» Исма'ил-хана Занда и «беспрепятственно... занялся делами той области (Гярруса я Хамадана), вытянул из рукава десницу гнета и ... распахнул врата притеснения и несправедливости».

Хусрав-хан вел себя настолько независимо, и это так противоречило централистским устремлениям первого государя династии Каджаров, что тот снова самолично пошел на курдского князя — «из стольного города Исфахана ... с войском [много]численным, как звезды, [Ага Мухаммад-хан] поспешно выступил в сторону города Хамадана». И вновь марионеткой в руках Хусрав-хана на исторической арене появляется Исма'ил-хан Занд, выпущенный из заточения и даже, по словам Мирза Мухаммада Садика, «наделенный всей полнотой власти» ⁸⁸. Сам Хусрав-хан, по свидетельству историка, предусмотрительно выехал в Арделан. Дело кончилось битвой Ага Мухаммад-хана с Исма'ил-ханом Зандом, разгромом и бегством последнего.

Грозный каджарский монарх, по-видимому, не очень рассчитывал на успех в битве с самим Хусрав-ханом, поэтому, лицемерно заключает автор *Тарих-и гитигуша-йи Зандийа*, «наместники того властелина, сообразно моменту, с Хусрав-ханом в споры и битву не ввязались ..., ограничились разгромом вышеупомянутого (Исма'ил-хана Занда.— Е. В.), поскольку их устремления были направлены на освобождение обители царства — Гиляна из владетельной десницы Хидайаталлах-хана» ⁸⁹. Однако, как выясняется из последующего рассказа историка, время для расправы с союзником арделанского князя — 'Али-ханом Хамсе было найдено, и тот «в назидание другим смутьянам» был наказан.

Сравнивая описание Мирза Мухаммада Садика с рассказом Хусрава б. Мухаммада и Мухаммада Шарифа, можно **[90]** заметить существенные пробелы и недоговоренность в изложении арделанских хронистов. Лишь привлечение всех этих источников, а также *Рустам ат-таварих* Мухаммада Хашима Асафа позволяет в какой-то степени представить, каким образом в действительности протекали описываемые события и как сложились взаимоотношения первого каджарского монарха и Хусрав-хана Бани Ардалана, которого арделанские историки называли Великим.

Мстительный, отличавшийся патологической жестокостью Ага Мухаммад-хан Каджар не простил Хусрав-хану его своеволия. В 1205/1790-91 г., по свидетельству арделанских хронистов, ему удалось вызвать курдского правителя в Тегеран, явно не без помощи и содействия представителей местной арделанской знати, чьим центробежным устремлениям не могла не препятствовать его усилившаяся власть. Несмотря на заверения шаха, что он желает лишь принять Хусрав-хана и «после встречи обласкать», тот выехал с большой настороженностью и в сомнениях, после многочисленных совещаний.

Встреченный, по описанию Хусрава б. Мухаммада и других местных хронистов, с величайшими почестями, Хусрав-хан в действительности стал шахским пленником и уже не возвратился в Арделан. Вскоре по приезде в Тегеран он сильно заболел и в 1207/1792-93 г. умер. уд

Преемники Хусрав-хана — Лутф 'Али-хан и его сын Хасан 'Али-хан правили недолго. Лутф 'Али-хан в 1209/1794-95 г. умер, а Хасан 'Али-хан, по словам Хусрава б. Мухаммада, «узрел свой удел лишь в том, чтобы называться правителем», «не был наделен совершенным разумом» и предпочитал всему охоту и езду верхом ⁹⁰. Вся власть в Арделанском княжестве сосредоточилась в руках Мухаммада Рашид-бека вакила и его четырех сыновей. После смерти отца в 1212/1797 г. сыновья не ладили между собой,

поскольку вакилем был назначен младший из братьев. Заручившись поддержкой влиятельной арделанской знати, старший сын Мухаммада Рашид-бека Фатх 'Али-бек направился ко двору Фатх 'Али-шаха с жалобой на Хасан 'Али-хана Бани Ардалана и обвинил его в злоупотреблении властью.

Сын Хусрав-хана Аманаллах-хан, который находился при каджарском дворе вначале как заложник, а после смещения и смерти отца — на службе, счел, по-видимому, момент подходящим и сговорился с Фатх 'Али-беком и курдской знатью. В результате в 1214/1799-800 г., по приказу шаха, Хасан 'Али-хана заточили в тюрьму, а Аманаллах-хан получил грамоту на правление. Фатх 'Али-бек был назначен вакилем Арделана, но напрасно он и арделанская знать рассчитывали, что сын Хусрав-хана разделит с ними власть.

Разгромив с их помощью Хасан 'Али-хана, который бежал из **[91]** тегеранской тюрьмы, Аманаллах-хан в первую очередь расправился с теми, кому был обязан своим назначением. Сыновья Мухаммада Рашид-бека (объединившиеся снова) рассчитывали, что в благодарность Аманаллах-хан предоставит «полностью на их усмотрение разрешение важных вопросов и посредничество в делах знати и простолюдинов» ⁹¹. Их обвинили в измене, схватили и казнили «в назидание другим».

Расправившись с недовольными и сокрушив «смутьянов и злодеев» Арделана, Аманаллах-хан, по свидетельству его придворного историографа Мухаммада Ибрахима Ардалани, «полновластно занялся делами правления» ⁹². «В делах власти и правления он добился независимости», — вторит ему Хусрав б. Мухаммад ⁹³. Сообщения арделанских историков подтверждаются свидетельствами Дж. Малколма, Дж. Киннейра, К. Рича и Р. Кер Портера, которые побывали в Арделане в правление Аманаллах-хана. Все перечисленные авторы называли Аманаллах-хана самым могущественным из курдских эмиров Ирана. По их словам, он занимал почти королевское положение и был независим в полном смысле этого слова ⁹⁴.

Имя Аманаллах-хана, по словам Ф. Чернозубова, было известно на весь мир, и «если бы в Персии, — заключает автор, — было принято ставить кому бы то ни было памятники, то курды должны были бы почтить этого великого деятеля Арделана» ⁹⁵. К иранскому шаху и к Аманаллах-хану Бани Ардалану обратились индийцы за помощью во время войны с англичанами за свою независимость.

Аманаллах-хан был властен над жизнью и смертью своих подданных и ничем не стеснял себя «относительно внутреннего управления» — вся зависимость от иранского шаха заключалась лишь в выплате дани ⁹⁶. По свидетельству Р. Кер Портера, сумма была не столь значительна, и со стороны иранского шаха не делалось никаких попыток ее увеличить ⁹⁷.

«Мы должны проявлять и мы проявляем,— заявил Аманаллах-хан в беседе с Дж. Малколмом,— преданность государям Персии, но мы свободны от той строгости власти, которая часто губит наших соседей, владеющих плодородными долинами и богатыми городами. Арделан представляет мало соблазна для завоевателя. В изобилии здесь,— добавил он, улыбаясь,— только смелые мужчины и выносливые кони» ⁹⁸. Аманаллах-хан, конечно, покривил [92] душой, так как сам он обладал огромными богатствами, а его двор, по словам очевидцев, был самым блистательным во всем Иране, «если исключить двор короля Персии» ⁹⁹. После его смерти, как; рассказывает Мах Шараф-ханум Курдистани, в ханской казне осталось «более 20 коруров наличных» денег, что составляло сумму, превышавшую 10 миллионов ¹⁰⁰.

В Сенендедже, как и в иранской столице Тегеране, ежедневно при восходе и закате солнца музыканты на особой эстраде — *накархане* — играли зорю. Аманаллах-хана его сарбазы встречали возгласами: «Хранит бог короля!» ¹⁰¹. При всем этом Аманаллах-хан одевался, по свидетельству К. Рича, довольно просто и не носил красивого оружия и украшений. Рич был весьма разочарован его манерами и видом. Он ожидал увидеть важность и изысканность манер, «а вместо этого нашел... этакого доброго малого, без всякой важности и отнюдь не замечательного в беседе, которая вся состояла из отрывистых вопросов и кратких замечаний» ¹⁰².

Аманаллах-хан был грозным правителем. Вся арделанская область трепетала, по словам К. Рича, когда произносили его имя ¹⁰³. Когда Аманаллах-хан собрался выехать из Бане в Саккыз, население Саккыза предложило ему 600 туманов, если он не посетит их город. На это он ответил, что и приедет, и получит с них тысячу туманов ¹⁰⁴. Хотя приведенный К. Ричем рассказ носит явно анекдотический характер, он в достаточной мере красноречиво характеризует полную неограниченность власти арделанского князя в своих владениях.

В последние годы своего правления и жизни Аманаллах-хан был весьма нездоров. По словам Р. Кер Портера, большая часть его недугов проистекала от подозрительности и боязни быть каким-либо образом умерщвленным. Причиной тому послужили

многочисленные акты насилия, убийства и отравления, которые Аманаллах-хан долгое время практиковал. «Теперь он боится,— писал Р. Кер Портер,— что в его владениях, да и при его персоне, много людей, которые весьма охотно оказали бы ему ту же услугу». Даже собственным женам Аманаллах-хан не позволял готовить ему пищу или лекарство без самых строгих мер предосторожности [105](#).

В 1240/1824-25 г., после смерти Аманаллах-хана, ему наследовал его любимый сын Хусрав-хан, названный «на счастье» еще Мухаммадом 'Али и внешне похожий, по словам К. Рича, на своего **[93]** отца, как никто другой из братьев [106](#). Он получил известность своими литературными талантами [107](#).

Хусрав-хан был с 1235/1819 г. женат на каджарской принцессе — дочери Фатх 'Али-шаха. Именно при Хусрав-хане, считает Хусрав б. Мухаммад, местная арделанская знать из курдов была оттеснена на задний план и при дворе арделанского князя усилилось каджарское влияние. В Курдистане стали распоряжаться «чужие», «те, что говорили по-персидски».

Время правления Хусрав-хана печально известно неоднократными эпидемиями чумы и холеры. В 1243/1827-28 г. в области, истощенной поборами шахских властей и гнетом «своих» феодалов, разразился страшный голод. «Люди готовы были,— писал Хусрав б. Мухаммад,— есть мертвечину, но и ее не было» [108](#). Голод привел к сильным волнениям, на что довольно прозрачно намекает автор хроники.

Любопытно отметить, что Хусрав-хану пришлось, по приказу иранского шаха, «наводить порядок» и «восстанавливать справедливость» в Бабанском княжестве, выступая на стороне Махмуд-паши Бабана, свергнутого его братом Сулайман-пашой [109](#). В 1250/1834-35 г., после десяти лет правления, во время очередной эпидемии холеры Хусрав-хан умер в возрасте около тридцати лет [110](#), за что и получил прозвание Накам, т. е. «не насладившийся жизнью», «умерший молодым».

Хусрав-хану наследовал его старший сын Риза-Кули-хан, которому в это время, по свидетельству Хусрава б. Мухаммада, было всего десять лет [111](#). Повествование Хусрава б. Мухаммада и заканчивается рассказом «о достоинствах его высочества благодетеля [нашего] Риза-Кули-хана, сына Хусрав-хана», точнее, о назначении его правителем Арделана, поскольку о «достоинствах» автору при всем старании сказать было нечего. Молодой князь «делами правления и власти не занимался» [112](#).

Фактически бразды правления в Арделанском княжестве перешли к дочери Фатх 'Али-шаха. Чем старше становился сын, тем больше возникало в семье разногласий. В 1265/1848-49 г. Валийе-ханум упрятала, по словам Е. И. Чирикова, Риза-Кули-хана в тегеранскую тюрьму, откуда он бежал лишь после смерти Мухаммад-шаха. Правителем Арделана был назначен второй сын Хусрав-хана Накама — Аманаллах-хан II (Гулам-шах-хан), довольно болезненный юноша, но настоящей правительницей Сенендеджа [94] до 1851 г. оставалась Валийе-ханум. Затем, по свидетельству Е. И. Чирикова, она была выслана в Тегеран [113](#).

В 1284/1867-68 г. после смерти Аманаллах-хана II шах Насир-аддин (1848—1896) назначил губернатором Курдистана (Арделана) своего дядю Хаджж Фархад-мирзу Му'тамид ад-Дауле, пятнадцатого сына 'Аббас-мирзы Наиб ас-Салтане. В 1289/1872-73 г. Арделан присоединили к Керманшахану и препоручили Имам-Кули-мирзе 'Имад ад-Дауле [114](#).

Последние четыре десятилетия правления курдского рода Бани Ардалан не нашли отражения в хронике Хусрава б. Мухаммада, они описаны в упоминавшихся выше сочинениях Мах Шараф-ханум Курдистани и Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка.

Власть Бани Ардаланов кончилась. Но тщетны были ожидания некоторых авторов, что курды смирились и область полностью подчинилась центральной власти [115](#). «Сенне — резиденция губернатора,— писал Ж. де Морган,— но роль этого должностного лица не столь значительна, как об этом хотелось бы думать» [116](#). Губернатор, по сведениям автора, даже в самом городе служил мишенью для постоянных нападков. Налоги он собирал с большими трудностями и зачастую сам изгонялся населением: «примеры изгнания губернатора весьма многочисленны» [117](#).

Попытка сенендеджского губернатора в конце 80-х годов XIX в. построить в районе города несколько деревень и заселить их персами по причине «непрекращающихся трудностей с курдами» закончилась полным провалом. Курды оказали такой нерадушный прием новоселам, что в 1890 г., когда Ж. де Морган проезжал этими местами, деревни превратились в развалины. Таким образом, и в конце XIX в., когда династия Бани Ардалан была свергнута и совершенно зачахла [118](#), власть иранского шаха в курдских районах Арделана оставалась весьма непрочной.

Восстание арделанских курдов вспыхнуло в годы первой мировой войны — возглавил его последний представитель рода Бани Ардалан, «который предпринял вооруженную

попытку вернуть власть и бил в литавры могущества», — 'Аббас-хан, по прозванию Сардар-и Рашид. При помощи и поддержке русских войск он «утвердился на троне правления в Сенендедже» ¹¹⁹. Лишь в 1342/1923-24 г., в начале правления Риза-шаха Пахлави, удалось усмирить повстанцев и сместить отважного сардара с помощью его бывших союзников и единомышленников: сенджабского сардара [95] и вакила Джаванруда и сардара Авромана, с которым Сардар-и Рашид вел упорную борьбу. В результате мощного натиска правительственных войск «силы Сардар-и Рашида были сломлены и он был разбит» ¹²⁰.

Таким образом, подчинение Арделана иранской администрации не только не сломило курдов, а, наоборот, способствовало росту национального самосознания и подъему национально-освободительной борьбы в Иранском Курдистане.

Комментарии

1 Никитин, с. 273, примеч. 3.

2 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 146.

3 Rich. Vol. 1, с. 214.

4 *Хадике-йи Насирийе*, л. 89.

5 Там же; *Шараф-наме*. Т. 1, с. 146; Хроника, л. 4б.

6 Хроника, л. 4б; *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 185б; *Хадике-йи Насирийе*, л. 94.

7 В *Ахсан ат-таварих* (с. 344) Бика-бек именуется валием Шахризур; в главе «Об эмирах племени галбаги», которая является более поздним добавлением к *Шараф-наме*, — Бика-беком Шахризурским. См. Veliaminof-Zernof. Т. 2, с. 417.

8 Хроника, л. 11а: Залм, Гуламбар, Шахризур, Шамиран, Хавран, Авая, Нафсуд; Хашли, Махрибан (Мариван), Тануре, Калаш, Ншекас; Саруджик, Карадаг, Шахрбазар и Алан.

9 *Ахсан ат-таварих*, с. 344.

10 Там же, с. 345.

11 *Шараф-наме*. Т. 1, С. 148.

- 12 *Ахсан ат-таварих*, с. 376.
- 13 *Шараф-наме*. Т. 1, с. 150.
- 14 Хроника, л. 15а.
- 15 *Ахсан ат-таварих*, С. 492.
- 16 Там же.
- 17 Хроника, л. 17а.
- 18 Supplement, с. 1.
- 19 Хроника, л. 19а.
- 20 *Ахсан ат-таварих*, с. 492—494.
- 21 Supplement, с. 1.
- 22 Хроника, л. 19б.
- 23 Supplement, с. 1.
- 24 *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 927.
- 25 Supplement, с. 1.
- 26 См. выше, с. 43—44.
- 27 Хроника, л. 20б.
- 28 *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 867; Supplement, с. 1.
- 29 *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 926.
- 30 Там же.
- 31 Там же, с. 867.
- 32 Хроника, л. 23б.

33 *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 1070.

34 Там же, с. 1086.

35 Minorsky. *The Guran*, с. 93.

36 Хроника, л. 31а.

37 Supplement, с. 2.

38 Хроника, л. 31а.

39 Там же, лл. 27а, 28а, 39б; Supplement, с. 2. Возможно, эти области были переданы турецким султаном в ответ на признание Хан Ахмад-ханом его власти.

40 Supplement, с. 2; Хроника, л. 31а.

41 В. Ф. Минорский относит его смерть к 1046/1636-37 г. и упоминает, что «ответвление ахле-хакк считает его одним из воплощений божества». См. Minorsky. *The Guran*, с. 93.

42 Хроника, л. 32а.

43 Tavernier. Т. 1, с. 202—203.

44 Хроника, л. 33а.

45 См. Чириков, с. 649—651; EI. Т. 4, с. 436.

46 Supplement, с. 3.

47 *'Аббас-наме*, л. 185б.

48 Там же.

49 Там же, лл. 185б—186а.

50 По словам Мухаммада Ибрахима Арралани, Шахризур принадлежал Бани Ардаланам вплоть до 1134/1721-22 г., что представляется весьма сомнительным.

51 Хроника, л. 39а.

52 Supplement, с. 4.

53 *Наме-йи 'аламара-йи Надири*, л. 142а.

54 Там же. См. также л. 149а.

55 Там же.

56 Хроника, л. 42а.

57 Supplement, с. 4.

58 Субхан-Вирди-хан, например, назначался при Надир-шахе правителем Арделана восемь раз.

59 Хроника, л. 46б.

60 Там же.

61 Там же, л. 48б.

62 Там же, л. 49а; Supplement, с. 6.

63 Хроника, л. 49б.

64 Supplement, с. 7.

65 Хроника, лл. 50б, 51а.

66 Там же, лл. 51а — 53а.

67 В *Хадике-йи Насирийе*: 1168/1754-55 г.

68 Хроника, л. 53б.

69 Supplement, с. 8.

70 Там же.

71 Хроника, л. 54а.

72 Там же, л. 59а—59б.

73 Там же, л. 64б.

74 Там же, л. 67а.

75 См. также Бамдад. Т. 1, с. 478.

76 См. также Supplement, с. 10.

77 *Рустам ат-таварих*, с. 450.

78 Nikitine. Les Kurdes, с. 169.

79 *Тарих-и гитигуша-йи Зандийа*, с. 282—288.

80 Там же, с. 284—285.

81 Там же, с. 285—286.

82 Там же, с. 287.

83 Там же.

84 Там же, с. 287—288.

85 Supplement, с. 11.

86 См. выше, с. 37—40.

87 *Тарих-и гитигуша-йи Зандийа*, с. 293—295.

88 Там же, с. 294.

89 Там же.

90 Хроника, л. 75а.

91 Там же, л. 80а.

92 Supplement, с. 12.

93 Хроника, л. 80а.

94 Malcolm. Histoire de la Perse. T. 3, с. 302; Kinneir, с. 143.

95 Чернозубов, с. 38.

96 Kinneir, с. 143.

97 Ker Porter. Vol. 2, с. 566.

98 Malcolm. Sketches of Persia. Vol. 2, с. 278.

99 Kinneir, с. 144-145.

100 *Тарих-и Ардалан*, с. 172.

101 Rich. Vol. 1, с. 246.

102 Там же, с. 243.

103 Там же, с. 211—212.

104 Там же, с. 213.

105 Ker Porter. Vol. 2, с. 566—567.

106 Rich. Vol. 1, с. 210—211.

107 См. *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, с. 286, 288.

108 Хроника, л. 89а.

109 Там же, лл. 90а, 90б.

110 В 1820 г. ему было около 15 лет. См. Rich. Vol. 1, с. 210.

111 Хроника, л. 99б.

112 Там же, лл. 104а — 104б.

113 Чириков, с. 298—299, 328.

114 Бамдад. Т. 3, с. 88—91.

115 Gurzon. Vol. 2, с. 556.

116 de Morgan. Т. 2, с. 56—57.

117 Там же, с. 57.

118 EI. Т. 4, с. 236.

119 *Тарих-и Ардалан*, с. 224.

120 Там же, с. 225.

ХУСРАВ ИБН МУХАММАД БАНИ АРДАЛАН

ХРОНИКА

(ИСТОРИЯ КУРДСКОГО КНЯЖЕСКОГО ДОМА БАНИ АРДАЛАН)

/2a/ Во имя бога, милостивого и милосердного!

Наилучшим восхвалением, которым подобает начинать речь, [служит] возблагодарение творца, что по [своей] безмерной (**Букв. «всеобъемлющей»**) милости облачил все свои творения в одеяние существования — «благословен тот, у кого в руках царство, потому что всемогущ» (**Коран, LXVII, 1**),— а наипрекраснейшая похвала, которая украсит начало книги,— похвала владыке, что по [своей] величайшей мудрости связал упорядочение положения рабов [своих] во всем мире с волею (**Букв. «с казнью и милостью»**) славных повелителей, могущественных ханов и счастливых султанов. «Ужели не знает тот, кто творил — он проникающий» (**Коран, LXVII, 14**), всеведущий, просвещенный, чья древняя наука постигла сердцевину земли. */2б/* Это мудрец, чей непреклонный помысел уразумел тайны других миров (**В тексте: «небес»**); премудрый, светом щедрости и благодеяний которого озарено существование всего сущего; зодчий, чьими истинными, служащими благим примером предначертаниями создана структура всех божественных творений.

[Стихи]

Украсил мир такой красой,
Не испросив ни у кого помощи!

«Благословен бог, искуснейший из творцов!» (Коран, XXIII, 14). Бесчисленные благословения и бессчетные молитвы [подобает также принести] за солнце небес пророчества и светило небесного свода посланничества, доверенного слугу дворца вездесущего творца человеческого рода и духа, удостоенного почитания в святом стихе [Корана]: «Мы послали тебя» (Там же, XXXIV, 27), облаченного в почетные одеяния [изречения]: «Близко к тебе, что сотворил и небеса» (Весьма любопытная авторская стилизация под Коран); за [99] повелителя пророков и главу непорочных — Мухаммада ал-Мустафа — [да пребудут] над ним [господнее] приветствие и восхваление!

Приветствия благочестивых да пребудут также над пресветлой святой могилой и благоуханной священной высокой усыпальницей светильника опочивальни правления, кипариса садов имамата, четвертого светила небес халифата, единоборца /3а/ ристалища мужества, жемчужины собрания (Букв. «шкатулки») друзей господних, полной луны созвездия святых, перла из моря познания и таланта, предводителя двенадцати имамов, победителя всех победителей — 'Али б. Абу Талиба — мир над ним, над родом его и над благородными сподвижниками его!

Итак, в зеркале разума прозорливых и в зеркале таинств и откровений мудрецов — ревнителей истины сияет [утверждение], что племена бани арделан и их достойные правители и хакимы с давних времен и поныне [проживают] в областях Мосула и Диарбекира, [в] других [районах] Курдистана (Букв. «в других Курдистанах») и в Бабане [и] занимают трон правления. [Их правители] были современниками Чингиз-[хана] и эмира Тимура Гургана, и из государей никто не держал над ними владетельной десницы. К миру они относились с полнейшим безразличием (Букв. «не ставили ни во что»), были своевольны в отношении повелителя и властелина в той стране и посягали на окрестности и окраины. Однако книги, в которой бы рассказывалось об их обстоятельствах, не написано и /3б/ не составлено, и потому история того племени осталась скрытой за завесой тайны, а истинное положение их дел — неизвестным, [сокрытым] в потаенном уголке. Поэтому ничтожнейший из слуг господ и незаметнейший из рабов Аллаха — Хусрав б. Мухаммад б. Манучихр Бани Ардалан, [который] в действительности за такое дело никоим образом не принимался и не жаждал снискать [чье-то] благосклонное внимание, а проводил время без всякого дела и занятия и таким образом дожил до старости (Букв. «довел день до ночи»), занялся написанием этих нескольких словес, возымел [к делу] чрезвычайный интерес и приступил к составлению этого сочинения, записал и отметил [все], что нашел в *Шараф-наме*, слышал от мудрых или читал (В тексте: «видел») в других уважаемых книгах — помощь и содействие от господ!

О курдах бани арделанах

[Дело] в том, что в давние времена и в прошлом эти курдские племена составляли четырнадцать (?) групп, которые [друг от **[100]** друга] по языку и обычаям (**Букв. «словами и делами»**) отличались и отличаются: 1) *таифе* бани арделан; 2) объединение луров; 3) /**4a**/ ответвление курманджей; [4] группа гуранов.

Вилайет Курдистана — обширная страна, огромная область с высокими горами. Начинается он от Хормозского залива [и простирается] до вилайета Мараша и Мосула, охватывает Луристан и часть Ирака Арабского и Персидского [и] кончается у владений Фарса. Все эти племена почитают мусульманскую веру за исключением группы, что во время завоевания Омейядов проживала в священном городе — благоуханном, [как] рай, Дамаске. Через несколько дней они оттуда выехали и прибыли в Курдистан. Один из мюридов заблудшего шейха 'Ади, который принадлежит к Марванидским халифам, их обманул. Они свернули с пути шариата [и] пророка, ступили на путь заблуждения и признали своим величайшим властелином дьявола. Они почитают себя искренними приверженцами Йазида и нечестивыми противниками имама, погибшего за веру, /**4б**/ предают анафеме его святость [божьего] избранника 'Али и хулят великих веры — [да горят] вечно те злокозненные злодеи в огне! Под конец... (**В тексте лакуна**) — [Да пребудет] проклятие Аллаха над ними всеми!

*Рассказ о происхождении Ардалана и их (**Слово «их» добавлено на полях**) сыновей*

Хотя о происхождении Баба Ардалана существуют различные [мнения]¹ и истина не установлена, по преданиям (**Букв. «говорят»**) они являются потомками Ардашира Папакана, а начало их правления приходится на время царствования Чингиз-хана.

Подробности этих кратких [сообщений] таковы. Долгое время они были полновластными падишахами и могучими повелителями в Диарбекире, Мосуле и в тех пределах. Волнения эпох и превратности месяцев и лет побудили их покинуть *или* и *таифе*, судьба и божественное предопределение привели их в земли Шахризур, и после независимого управления тем местом они прибыли оттуда в Паланган. Некоторое время они были правителями среди гуранов, а в конце правления Чингиз-хана снова завладели Коем, Хариром, Шахризуром /**5a**/ и Бабаном². Решение важных дел в той стране перешло к нему (**Баба Ардалану**). **[101]**

Поскольку существо его было замешено на воде и глине доброкачественности и был он добродушен и добропорядочен, прекрасного нрава и похвального поведения, добронравен и добродетелен, опекал райитов и [вызывал своими] обычаями одобрение, [был] благочестив, мудр, рассудителен и чист помыслами, с народом обходился по-хорошему и почитал закон и порядок, [Баба Ардалан] добился исполнения приказов и запретов, совершил много достойных дел, заселил вилайет и благоустроил, установил добрые правила и порядок. Благодаря таким достойным обычаям и выдающимся деяниям, таким похвальным качествам и одобряемым поступкам уже долгое время управление и верховная власть принадлежит семейству и высокому роду того благородного эмира, его сыновьям и внукам. И, погнав коня Тариба на ристалище самовласти, [Баба Ардалан] /56/ после долгого периода [правления] унес пожитки из мира бренного во дворец вечности. На троне правления его сменил его сын Калул. Господь делает, что пожелает, и «устанавливает, как хочет» (Коран, V, 1).

Калул б. Ардалан

После смерти великого родителя он утвердился на троне правления, лучи его милости озарили положение подданных и всех [господних] тварей. Жители вилайета вверили себя (Букв. «голову») начертанному в его фирмане. Он заковал руки бедности и нужде, распахнул врата великодушия и благодеяний, посвятил [свой] досуг подданным и народу, занялся делами страны. [Калул] хорошо знал порядок дел, основоположения и законы религиозной общины, удовлетворил далекого и ближнего, как мог соблюдал обычаи правления и властвования. Он совершил много достойных деяний и некоторое время спустя бил принят под сень господней милости. На его место воссел его сын Хизр.

Хизр б. Калул

После смерти своего отца он ступил на ступени верховной власти, /6a/ раскрыл десницу щедрости и великодушия. Тот добронравный счастливек подобно своим отцам избрал похвальный образ действий и одобряемую манеру поведения и упорядочил дела веры и власти. Благодаря счастливому руководству того великого смута спала, а счастье бодрствовало, народ [пребывал] в спокойствии, довольстве и уверенности, а негодяи и насильники — в стеснении и принуждении. Благодаря [его] величайшей мудрости и совершенству [его] правления над обстоятельствами райитов [102] и благородных воссияли лучи его милости, утихли смуты и восстания, воцарились (Букв. «случились») спокойствие и мир, довольство и отдохновение. Охраняя дороги и оберегая владения, он

следовал примеру [своих] отцов, совершил похвальные деяния, проявил старание в наведении порядка в вилайете, упорядочил дела в стране, возродил обычаи правосудия и справедливости. Люди радовались безмерно его существованию. Некоторое время спустя [Хизр] отбыл из [этого] мира, лишённого смысла, и перенес пожитки во дворец, /66/ защищённый от гибели, освободился от мирских тягот, посадив вместо себя своего сына Илйаса.

Упоминание об Илйасе б. Хизре

После смерти отца он занял трон правления и распахнул перед знатью и простонародьем врата щедрости, благотворительности и справедливости, звоном литавр известил далекого и ближнего о [своем] правлении, великого и малого оделил блюдом с уставленного [яствами] стола [своих] благодеяний. [Был он] правителем правосудным, наделённым искренним чистосердечием, творил всевозможные благочестивые и добрые деяния. К нему на службу спешили великие, знатные и достойные [люди] вилайета. Он отличался благородством и благонравием, обширностью познаний, убранством из благовоспитанности и учтивости, был великодушен и чист, наделен непомерной щедростью и совершенством храбрости, славился похвальным нравом и одобряемыми деяниями, величайшей милостью, чистотой очевидного и сокровенного. Особенно он выделялся и отличался в почитании уложений шариата, [заботой о] делах державы и [обереганием] спокойствия войска и райийтов. /7a/ Спустя некоторое время, в продолжение которого он ревностно соблюдал обычаи правления и занимался обязанностями властителя, [Илйас б. Хизр] отстранился от упорядочения дел державы и покинул бренный мир, умер — «у него власть над всем, и к нему возвращены будете» (Коран, XXVIII, 70). Его сын Хизр стал править вместо отца.

Хизр б. Илйас

Он скорбел по отцу несколько дней и после того занял трон эмирата и верховной власти. В делах правления он достиг независимости, чистой водой милости из высокого источника благодеяний напоил и освежил знатного и простолюдина. [Это] эмир, [кому] сопутствует счастье и благополучие, правитель **[103]** счастливый, благоденствующий, наделённый щедростью, великодушием и благородством, искоренитель гнета, притеснения и насилия, кому чужды злодеяния. Своим существованием он осчастливил и убоготворил самых великих и самых ничтожных. Знаки справедливости и великодушия, щедрости и скромности на страницах его жизненных обстоятельств ясны и очевидны,

лучи благородства и достоинства над откровениями его судьбы явны и несомненны. Совершенный разумом и [наделенный] величайшей премудростью, непреклонный [и] /76/ благоразумный, правдивый и верный слову, всему мирскому он не придавал значения и ценности, должным образом соблюдал заповеди шариата и предписания Избранного (эпитет пророка Мухаммада), возвеличил и почтил улемов и благочестивых, препроводил жителей вилайета к колыбели покоя и отдохновения под сенью своей милости, лучами благосклонности и благодеяния озарил дальнего и ближнего, пока десница смерти не ухватила за подол его жизни. Он услышал: «Каждая душа вкусит смерть» (Коран, III, 182) — и отвечал судьбе: «Я готов!», отбыл из обители [этого] мира, отказался [от него]. Его чистая душа воспарила в райские сады, в резиденции правителя утвердился его сын Хасан.

Добродетели Хасана б. Хизра

Когда [Хасан] кончил оплакивать родителя, он исполнил законы и установления отцов и дедов. Чтобы устроить [все] наилучшим образом, сопутствуемый счастьем молодости и [наделенный] острым умом, благовоспитанностью и прекрасными качествами, он завершил похвальные начинания своего отца, /8a/ не дал [их] уничтожить ветру [бренности]. Он совершил деяния одобряемые, подобающие и должные и занялся делами державы, благоустроил войско и раййатов, озарив лучами благосклонности положение далекого и ближнего. Великого и малого, могущественного и слабого, тюрка и таджика, юношу и старца — [каждого] он признал на его месте, распахнул врата щедрости, великодушия и милости, ублаготворил и осчастливил знать и простонародье. Наряженный в убранство справедливости и благодеяний, украшенный набожностью и примерным поведением, отмеченный верой и благочестием, известный совершенством разума и рассудительности, он воздерживался от запретных игр и греховных деяний, что вызывает удовлетворение наисвятейшего господина и способствует [благо]денствию миродержца, раййатов и войска.

Он неизменно тверд [был] в [выполнении] обещанного, верен слову и письменному договору, известен заботой о простом народе, наведением порядка и устройством [дел]. Возвышая [104] неоспоримое слово веры, /8b/ искореняя и уничтожая смутьянов, он проявлял похвальное усердие. Совершал он поступки подобающие и оставил [после себя] деяния памятные, укрепил похвальные начинания, пока не отбыл из этого бренного обиталища и приюта страдания и тяжкого труда во дворец покоя и отдохновения, не исполнил повеление судьбы. Правление взял на себя его сын Баблул.

[Стихи]

Когда уйдет один, другой займет [его] место,
Мир не останется без старосты.

Описание [правления] Баблула б. Хасана

Когда Баблул вместо отца воссел на правление, он раскрыл десницу щедрости и великодушия и закрыл врата бедности и нужде. Он изволил одарить райийтов и войско деньгами и товарами без счета и осчастливил население вилайета подобающими милостями. [Баблул был] правителем мудрым, справедливым, покровителем райийтов [и] великодушным эмиром, прекрасноликим и льву подобным, правосудным и щедрым. Когда восшествовал он на престол правления, не было [ему] подобных по доброте и благородству, храбрости и мужеству. Куда бы ни пошел [Баблул] — /9a/ возвращался победителем, в какую бы страну ни направлялся — шелк его счастливого знамени оведал ветерок победы и триумфа. Словом, на поле брани был он отважен и смел, в сражении превосходил льва и леопарда, мужеством [напоминал] Рустама, в схватке поражал саму смерть, пока смерть не ухватила за [его] подол. Он вручил душу, подчиняясь судьбе, и исполнил указание господа. На его месте утвердился его сын Мунзир и озарил лучами своей милости и щедрости положение дальнего и ближнего.

Деяния Мунзира б. Баблула

Когда Мунзир вместо отца занял главенствующее место на троне правления, стал избранником общества на пиршестве властвования, оперся на подушку эмирата, он уведомил жителей вилайета о положении дел (Т. е. о своем правлении). Население той страны приняло это счастливое известие с радостью и ликованием. Эмиры и знать, главы и предводители вилайета поспешили к нему на службу с множеством даров и приношений — без границ и числа, с подобающими /9б/ неисчислимыми подношениями и были вознесены достойными милостями. [105]

Поскольку среди современников и правителей мира [Мунзир] не имел себе равных по мудрости и познаниям, по щедрости, благородству нрава и красоте поведения, он расстелил ковер правосудия и справедливости в упорядочении дел княжества, в удовлетворении запросов подданных и нужд (В тексте: «дел») общины, чоуганом отваги похитил у себе подобных и равных мяч доброго имени на ристалище мужества и унес за пределы [ристалища]. Жителей той области он привел к послушанию и покорности (Букв. «сделал себе покорными и послушными») и некоторое время вершил дела власти.

Население вилайета благоденствовало под сенью мира и спокойствия, знатный и нищий [почивали] под покровительством его милости на ложе отдохновения и безопасности. Когда подошел смертный час, [Мунзир] назначил Мамун-бека своим преемником, оставил все, что собрал, перевез пожитки во дворец будущей жизни, покинул [этот] мир, умер. Ему наследовал его старший сын — тот, у кого в его стране /10a/ остается памятью о нем сын, не умирает (В тексте: «жив»).

Свершения Мамун-бека б. Мунзира

Когда [сопутствуемый] счастливой звездой и победоносным счастьем, благоприятным часом и благословенными днями, более радостными, чем день Нового года, Мамун-бек протянул десницу желания к шее возлюбленной и отведал сполна нектара из чаши владычества, он добился полной независимости в делах власти, врагов державы сразил и унизил, друзей и сторонников облагодетельствовал и осчастливил, прославив на [весь] мир [свое] великодушие и щедрость. Его блестящий меч очистил страну от грязного мусора врагов, дальнему и ближнему он дозволил вкусить из чаши желания чистого прекрасного напитка милости. *Калам*, прославляющий его справедливость, начертал письма [его] правления на скрижалях владычества, достойное одобрения естество его было отмечено в мире многообразием благородных качеств и научными познаниями.

[Мамун-бек] — мудрый эмир /10б/ и могущественный властитель, кому благоприятствует все умножающееся расположение творца и кто неукоснительно [соблюдает] обычаи управления державой. Своей храбростью он известен на [весь] мир, великодушие его запечатлено на страницах вселенной; простонародье и благородные благодаря ему стали довольны и счастливы и обрели великую радость. Распахнув врата благородства и великодушия, он дал великому и малому много денег и [всякого] добра, совершил бесчисленные благодеяния и много достойных замечательных дел. **[106]**

В той стране от бедности и нищеты не осталось [даже] названия, [не осталось] и признака нужды. Его приказу была покорна большая часть вилайета. Когда прошло тридцать два года его правления, [Мамун-бек] созвал прославленных вельмож страны и знать державы [и] сказал: «Истекло ныне время нашего правления, подошла к концу эпоха могущества. Хочу, чтобы нукеры и раййаты, что пребывают под [защитой] господина творца, не испытали затруднений и воцарилась справедливость. Вилайет следует разделить между сыновьями».

Таким образом, /11a/ Бика-бека, самого старшего из сыновей, самого образованного и умного, он поставил правителем над округами Залм, Гуламбар, Шахризур, Шамиран, Хавран, Аван и Нафсуд; Сурхаб-бека назначил управлять округами Хашли, Махрибан (Мариван), Тануре, Калаш и Ншекас, а Саруджик, Карадаг, Шахрбазар, Алан ³ — до Имадии препоручил и передал Мухаммад-беку. Из-за мужества и доблести, [присущих] покойному Мамун-беку, племена бани арделан ныне называются еще и мамуни. После этого прошло таким образом много времени, и Мамун-бек прошеествовал из этого дворца, в обычае которого насилие, в высший райский сад, отвечал господу: «Я готов!» — и обратил ущербный лик ко дворцу будущей жизни. «Все, что есть, гибнет, кроме его существа; ему принадлежит суд, и вы к к нему возвращены будете» (Коран, XXVIII, 88).

Рассказ об обстоятельствах Бика-бека б. Мамун-бека

Когда Мамун-бек отстранился от власти и простился с бренным миром, [его] сыновья — каждый охраняемый [богом] на своем /11б/ месте — занялись [делами] власти, заботились о райидах; управляли вилайетом и жили в свое удовольствие. [Братья] признали Бика-бека старшим, проявили покорность, стали ему служить и снискали его одобрение. Каждый занялся правлением в своем вилайете. Сорок два года спустя Бика-бек переселился из обители тщеславия во дворец радости. «Таково предопределение сильного, всевышнего» (Там же, VI, 96. Автор изменяет ***). Владения наследовал его сын Мамун-бек как наследник и сообразно заслугам. Он воссел на престол эмирата и закрыл в мир путь затруднениям и бедствиям.

Обстоятельства Мамун-бека II, сына Бика-бека

По соблюдении траура по отцу Мамун-бек II утвердился на подушке правления. Слава о его справедливости и великодушии, слух о [его] благонравии и щедрости достигли окраин и [107] [отдаленнейших] уголков. Дальний и ближний радовались вести о его щедрости, а райиаты и подданные неизменно просили всевышнего [даровать] ему [долгую] жизнь /12a/ и правление. Благодаря его [достойному] одобрения нраву (В тексте: «нравам») все [были] счастливы и благоденствовали, особенно радуясь его похвальным качествам. Знатный и презренный, богач и бедняк повязались поясом служения и покорности ему. Над полноводной рекой царствования не выросал кипарис с красотой и стройностью (Букв. «яркостью») его стана, в цветнике правления не распускалась роза, [равная] ему очарованием и нежностью, [подобных] ему похвальными качествами не видели [в] высочайших сферах и внизу, у истоков, и не слышали [о таком]. [Мамун-бек был]

благороден и благоденствен, добр и чист помыслами, правосуден, приветлив и скромн, опекал раййатов и был ласков со всеми, доброта его сердца [была] необъятна, как море, врагов он уничтожал (Букв. «плавил») и был справедлив с раййатами и подданными, хорошо содержал войско и поступал сообразно [своим] похвальным обычаям и качествам. Он заботился, чтобы приказ и запрет соблюдались, а на нерадение и вероломство жителей вилайета не обращал внимания. [Делам] святой веры он оказал доброе содействие и совершил много благодеяний, пока после двух лет /126/ его правления повелитель Турции [султан] Салим-хан не назначил Султан Хусайна ⁴ с многочисленными войсками той страны на завоевание вилайета Курдистана.

По прибытии [войска] в окрестности Шахризур произошла встреча противников. После долгого сражения и битвы, бесчисленных попыток и усилий ни эта сторона не одержала победы, ни другая не понесла поражения. [Мамун-бек], видя, что сражаться бесполезно, укрылся в крепости Залм. Султан Хусайн с войсками Турции и отрядами более многочисленными, чем звезды, осадил ту могучую крепость и отрезал обитателям крепости пути входа и выхода.

[Мамун-бек] закрыл крепостные ворота и засел в крепости. Видя, что нить надежды на то что бы то ни было оборвана, а дверь к спасению перед ним закрыта, он оставил (Букв. «отвратил чело») поле брани и поспешил ко двору султана Турции. По прибытии его к властелину [Мамун-бека] заточили в тюрьму и отослали в отдаленный вилайет. Сурхаб-бек считал момент благоприятным и завладел областью Мамун-бека, /13а/ обласкал население вилайета и договорился с армиями [и] войсками Турции. [108]

Упоминание о правлении Сурхаб-бека

Когда Сурхаб-бек присоединил к своему вилайету Залм и Шахризур, [в отношениях] с населением Турции он стал следовать путем единодушия. После того как в делах правления он добился полной независимости и привлек к себе далекого и ближнего, [Сурхаб-бек] распахнул врата дружбы и союза с шахом Тахмасбом Сафави и [избрал] путь вражды с населением Турции. Это вызвало гнев и недовольство властелина (Имеется в виду турецкий султан), он освободил Мамун-бека из заточения, облачил его в почетные одежды. [Область] Хилле находилась во владении сыновей и внуков Мамун-бека II до 1004/1595-96 г. ⁵.

Сурхаб-бек, захватив Шахризур и Залм, одержал также победу над своим братом Мухаммад-беком и завладел его вилайетом тоже. Когда злосчастный брат шаха Тахмасба

Алкас-мирза, опасаясь брата, бежал в Турцию ⁶, /136/ там его прибытие (Букв. «присутствие») восприняли с удовлетворением, дали ему многочисленные войска с военачальником и направили в Иран. Он отовсюду производил набеги, сражался, но ничего не добился. Когда Алкас-мирза, разочарованный в [турецких] войсках, понял, что никакого толку от них не будет, он утратил надежду на Турцию, прибег к покровительству Сурхаб-бека и попросил его заступиться за него (Букв. «за его грехи») перед его величеством шахом.

Сурхаб-бек обратился к шахскому двору с прошением, просил его проступки простить и помирить за грехи. Шах Тахмасб втайне обрадовался такому делу, для вида брата помиловал и его проступки простил, написал ему послание, [что его] прощает, и, кроме того, передал ему через Шах Ни'маталлаха Кухистани управление вилайетами [обоих] Ширванов. Алкас-мирза, удрученный [собственной] беспомощностью и снедаемый беспокойством за свою жизнь, направился ко двору шаха. Тотчас по [его] приезде [шах] приказал /14a/ его арестовать, и его заточили в крепости Кахкахе. Через год его убили. Благодаря такой выдающейся услуге Сурхаб-бек снискал подобающую милость и безграничное благоволение, был вознесен и осчастливлен различными благодеяниями. Кроме того, ему было назначено в вознаграждение постоянно тысяча туманов наличными из государственной казны ежегодно.

Шестьдесят семь лет занимался [Сурхаб-бек] делами правления и власти и [в отношениях] с шахом Тахмасбом следовал путем покорности и учтивости, закрыв врага вражде и несогласию. Его брат Мухаммад-бек после ссоры [пришпорил] [109] остроконечными шпорами быстрого коня и погнал, [обратив] чело надежды к османскому двору и к той стране. Султан Салим назначил [верховным военачальником] великого везира Рустам-пашу, [ему в помощь определил] несколько пашей и *амир ал-умара* ⁷ с отрядом из жителей Курдистана и с бесчисленными войсками и послал на Иран.

Преодолев стоянки и переходы, [Рустам-паша] /146/ прибыл в Шахризур. Сурхаб-бек не нашел в себе сил оказать сопротивление бесчисленным турецким войскам — [вместо] улицы спасения узрел тупик, а турецкое войско могучим — и укрылся в крепости Залм. Турецкая армия осадила крепость и начала грабить и разорять округа Шахризурского округа. Осада длилась целых два года, пока на помощь осажденным (В тексте: «обитателям крепости») от шаха Тахмасба не поспешил Хусайн-бек с многочисленным отрядом. Османские войска сняли осаду, а их военачальник тут же без битвы и сражения простился с царством бытия. Османские войска оказались в долине бессилия и растерянности и остались

скитаться по пустыне смятения (**Букв. «безногие и безголовые»**). Жители выгнали из крепости коня отваги и занялись захватом богатств и коней, снаряжения, имущества и вьючных животных, [которые принадлежали] воинам ⁸.

[Так как] в крепости не осталось, могучих мужей, некий Мухаммад-паша из румийцев посчитал момент благоприятным и приступил к [захвату] крепости и [покорению] жителей крепости. /15a/ [Подобно] безумному подступил он к крепости, завладел укреплениями и относящимися [к крепости округами]. Отчаявшийся и потерпевший неудачу Сурхаб-бек был вынужден выразить туркам покорность и согласился служить и повиноваться Османам. В 969/1561-62 г. вилайет Сурхаб-бека был присоединен к хранимым богом османским владениям.

Покойному Сурхаб-беку великий и славный господь даровал одиннадцать сыновей: 1. Хасан-бека; 2. Искандар-бека; 3. Асалмас-бека; 4. Шахсуар-бека; 5. Сарухана; 6. Касим-бека; 7. Султан 'Али-бека; 8. Йа'куб-бека; 9. Бахрам-бека; 10. Зулфикар-бека; 11. Басат-бека. Короче говоря, его сын Султан 'Али-бек, который превосходил остальных мужеством и отвагой, через три года отобрал вилайет у румийцев ⁹ и в том [же] году был принят под сень милости великого (**Букв. «высокого»**) господя.

Другой его сын, Бахрам-бек, был назначен отцом в Имадии комендантом крепости [и] /15б/ правителем, и с того времени и поныне, [т. е. до] 1249/1833-34 г., его сыновья и внуки хозяйничают в Ревандузе и в той области. Сейчас, когда пишутся эти строки, к тому самому *таифе*, что состоит из потомков Сурхаб-бека, [110] принадлежит прославленный Мухаммад-бек, наделенный устремлениями и дарованиями ¹⁰. Кроме Ревандуза и Имадии он завладел Коем, Хариром, Эрбилем (**В тексте: Ардебилем**) и еще другими местностями.

От покойного Султан 'Али-бека остались два сына, поименованные Тимур-ханом и Халу-ханом — две редкостные жемчужины из шкатулки величия и славы, две высокие звезды из созвездия могущества и счастья — оба малолетние.

В это время Сурхаб-бек после шестидесяти семи лет правления и независимой власти отвратил чело от [бренного] мира и поспешил в мир потусторонний. На ковер (**Игра слов: *** — «ковер» и имя собственное**) власти ступил сын Сурхаб-бека Басат-бек. Вилайет /16a/ от блеска его правления воссиял подобно сверкающему солнцу, а территория той области стала привлекательнее сада и цветника.

Описание правления Басат-бека, сына Сурхаб-бека

Жители вилайета возрадовались и возликовали [при лицезрении] блеска восшествия Басат-бека, [и] все достигли свершения своих чаяний. Был он могущественным правителем и благородным эмиром и сполна наделен способностями и разумом. Жителей вилайета он всех почитал своими благожелателями, и сокровищница его груди была наполнена монетами и драгоценными камнями учености и талантов. Большую часть времени он занимался поклонением всевышнему владыке, озарил лучами благосклонности положение войска и райийатов, делами населения вилайета [занимался] лично и без посредников.

[Так] он правил, пока Тимур-хан и Халу-хан не достигли возраста зрелости и не стали отличать добро от зла и прекрасное от дурного. Они обратились за покровительством ко двору шаха Исма'ила II, [но] у них ничего не вышло — шах Исма'ил /166/ отвечал судьбе: «Я готов!», и солнце его жизни закатилось. Он перенес пожитки в потусторонний мир, в Иране наступила смута, и среди народа начались волнения и мятежи.

Тимур-хан и Халу-хан [принялись] захватнической десницей грабить и разорять вилайет Басат-бека, пока птица его души не воспарила к основному средоточию [сущего]. Ковер Басат-бека свернули коловратные небеса и убрали, поместили его в другой дворец. Без войны и сражения в 986/1578-79 г. наследственная власть перешла к Тимур-хану. [111]

Упоминание правления Тимур-хана, сына Султан 'Али-бека

На троне правления утвердился Тимур-хан. [Полустишие].

Ангел-провозвестник сказал ему: «Будь благословен!»

[Этот] эмир с устоями государя и чистый помыслами, украшенный щедрой десницей, отвагой и правилами разумного поведения, правосудный и добронравный, утвержденный божественными утверждениями и вспомоществуемый вспомоществованиями восхваляемого [господа], озарил блеском [своей] милости весь вилайет, /17a/ осчастливил и возрадовал знать и простонародье столицы. В храбрости [он проявлял] мужество, в мужестве — благородство.

Поскольку в Иране не было хозяина, а в [иранской] державе — центральной власти, [Тимур-хан] сговорился с турецким султаном и со стороны османских власт[ей] был обласкан с совершенною милостью, так что каждый год постоянно ему было назначено помимо великих милостей сто тысяч акче от султанского двора. [Тимур-хан] поделил вилайет между четырьмя своими сыновьями. Сенендедж, Хасанабад, Кызылдже, Залм и

Шахризур он препоручил своему старшему сыну Султан 'Али; Карадаг изволил передать Буда-беку, а районы Маривана пожаловал Мурад-беку, [который был их] моложе. Шахрбазар он поручил Мир 'Аламаддину, самому младшему из всех [братьев].

Через некоторое время [Тимур-хан] завладел Керманшаханом, Сонкором ¹¹, Динавером и Заррин-Камаром, что ныне известен как Гяррус. Он возымел надежду на независимое правление. Гордый своей палицей и лезвием кинжала, /176/ он принимал сторону то Турции, то кызылбашей. [Тимур-хан] в любую сторону гнал коня отваги и своеволия, грабил и разорял окрестности, угонял скот и овец. Далекие и близкие от страха перед ним были в тревоге и смятении, весь мир был утрачен им. Часть [населения] в страхе бежала, пока он не начал грабить повсюду. [Тимур-хан] напал и ограбил вилайет 'Умар-бека Калхура. [Калхоры] прибегли к покровительству Шахвирди-хана Лура, чтобы с его помощью спастись из смертельной пучины.

Оба войска с отрядами, приведенными в [боевую] готовность, с неисчислимыми легионами на тесном перевале возвестили Тимур-хану о войне [свистом] стрел и ружейными выстрелами. Когда противники встретились, Тимур-хан был вынужден бежать. Часть его сторонников была перебита, и сам он с немногими из многих стал пленником десницы предопределения. Валий [Луристана] держал его с почетом и любезностью, не позволил себе его обидеть (Букв. «не положил руки оскорбления на его лицо») /18a/ и под конец отпустил со всем уважением. [Тимур-хана] согласно его желанию отправили к себе на родину. После небольшого [112] отдыха и передышки, когда у героев Курдистана еще не остыли кони и их лица не очистились от пыли с поля брани, [Тимур-хан, который] не извлек урока из поражения и позора, снова начал грабить, разорять и притеснять слабых и бедных.

Прошло несколько дней. [Тимур-хан] внезапно напал на Гяррус, желая [захватить] поля и нивы. В те времена правителем тех [районов] был Даулат-Йар-султан Сийах-Мансур. Он собрал отряд и перерезал им путь. Дело кончилось битвой и сражением. Тимур-хан победил, гяррусец был побежден и потерпел позорное поражение. Он поспешно бежал в крепость, закрыл крепостные ворота и засел в могучей цитадели.

После разгрома гяррус[цев] и бегства Даулат-Йара Тимур-хан, [побуждаемый] самонадеянностью, подошел к подножию крепости Заррин-Камар и стал обстреливать крепость и башни, что служили образцом /18b/ настоящих укреплений, из ружей и камнеметов (Букв. «бросать камни»). Согласно божественным предопределениям в

соответствии [с изречением]: «...когда наступать будет срок для них, тогда ни ускорить, ни замедлить его они не смогут» (**Коран, VII, 32 и XVI, 63**), Тимур-хан был смертельно ранен пулей, тут же вручил душу создателю, убрал пожитки из мирского обиталища и унес в потусторонний мир. Его тело отвезли в его вилайет. Это событие произошло в 998/1589-90 г. После него на ковер власти ступил его брат Халу-хан.

Описание событий [правления] Халу-хана

Когда Халу-хан вместо брата оперся на подушку правления, вилайет воспрянул и обновился от его обетов, раййаты и жители безмерно ему обрадовались. Благодаря его справедливости дела вилайета обрели блеск и обновление. Распустилась желанная роза в цветнике надежды и упования для великого и малого.

Он озарил положение войска и армии сиянием милости и благосклонности, лучами /**19a**/ благорасположения осветил положение раййатов и подданных.

Получив независимую власть, по соблюдении траура [в связи] со случившейся бедой [Халу-хан] распахнул врата общения с султаном Мурад-ханом, повелителем Рума, [в отношениях] с кызылбашами стал следовать путем согласия и в делах правления добился полной самостоятельности ¹². Набегами он занимался меньше и с соседями возымел дружбу и согласие. Вилайет его стал процветать, казна наполнилась, племен и *хашамов* было много, подданных и работников без счета. Кроме крепости Залм он основал ¹³ [еще] три крепости в других местах. Первая — **[113]** крепость Паланган, что была столицей гуранов,— заросшее деревьями горное ущелье. [Халу-хан] ее заселил и весьма благоустроил. Ныне там еще сохранились остатки крепости, дворцов, мечетей и базаров.

Вторая — крепость Хасанабад, что принадлежит к постройкам Узун Хасана. Воистину, в мире не было и нет [другого] места такой высоты, изобилия воды и простора. Третья — крепость Мариван. Каждую крепость, дворцы, /**19b**/ бани, мечети, рынки и базары [Халу-хан] достроил, и ныне от них всех сохранились развалины (**Букв. «видны следы»**).

Постепенно [Халу-хан] прекратил общение и дружбу с Румом и кызылбашами и стал править независимо. В 1019/1610-11 г. Хусайн-хан Лур подошел к крепости Хасанабад, чтобы сразиться с Халу-ханом и перебить население Курдистана, и понес заслуженное наказание. Когда [Хусайн-хан] увидел, что его знамя поникло, он заменил знамя хвостом, а калам — ушами (?) и в расстроенных чувствах поспешил в свои области. После того Халу-хан успокоился, гордый могуществом крепостей и радуясь множеству богатств,

[многочисленности] войск и припасов, прочности и неприступности башен и [крепостных] стен. Шаха 'Аббаса он посчитал ничтожеством и проводил время в розовом саду Курдистана в радости и наслаждении, в удовольствиях и приятности, довольный и удовлетворенный и не обращал никакого внимания на просьбы шаха (В тексте: «до обоняния шахской просьбы от него не доходило ни малейшего аромата»). Это вызвало /20a/ гнев и недовольство шаха 'Аббаса, и с неисчислимыми войсками он выступил из Исфахана с намерением покорить Курдистан. Стоянка за стоянкой — и он прибыл в Исфандабад и остановился на стоянке Михам ¹⁴.

[Шах 'Аббас] разбивает шатры и палатки и прогулки ради поднимается на высокую гору, чтобы обозреть горы Курдистана и здешние переправы. Али-Бали Зангане ¹⁵ в то время занимал должность личного шахского стремянного и находился при особе [государя]. Поскольку он был рядом, шах 'Аббас его расспрашивал о положении в Курдистане. Тот же, считая себя курдом (Букв. «почитал себя из курдских племен») и соблюдая искренность, докладывает шаху: «В Курдистане высокие горы и могучие крепости. Там есть укрепления, на вершину которых не в силах воспарить птица устремления ни одного горделивого, каменистые [отроги] чередуются с тропинками, которые поросли деревьями,— по ним не может взобраться никакой быстроногий и [ни один] честолубец. Кроме того, там обитают воинственные мужи, /20б/ победители льва, и храбрецы, [сокрушающие] врага, из которых каждый похваляется и претендует, что [114] подобен Рустаму и Исфандийару и равен Афрасиабу Турку. Его величеству государю разумнее оставить это дело. Если оно негодно богу и при столкновении войско шаха понесет поражение, этот позор и бесчестье останутся на роду Сефевидов до дня Страшного суда».

Шах 'Аббас признал слова Али-Бали разумными и справедливыми. Оттуда он уже не смог продвигаться дальше. [Шах] возвращается [назад], направляет послов и послания и распахивает врата согласия, достаивает Халу-хана достойных милостей, ублажает многочисленными наградами. Под конец Халу-хан раскрыл врата покорности и послушания, путь вражде изволил преградить и направил ко двору государя своего сына Хан Ахмад-хана с достойным даром.

Когда [Хан Ахмад-хан] предстал /21a/ пред его величеством, [государь] осчастливил его всевозможными милостями ¹⁶. В связи с этим Али-Бали был повышен в должности, и до воцарения Фатх 'Али-шаха Каджара его сыновья и внуки были в Керманшахане беглербегами и *хакимами*. [И] ныне в здешних (Букв. «тамошних») округах все они

владеют поместьями, низменными угодами и недвижимым имуществом и благоденствуют вполне, хотя и не занимаются [более] делами власти и управления.

Словом, Хан Ахмад-хан, обладая прирожденными дарованиями, изо дня в день удостоивался при государе все больших милостей. Под конец дело дошло до того, что шах 'Аббас вознес свою непорочную сестру, [эту] непросверленную жемчужину из ларца шахского рода, солнце, вскормленное под сенью господнего охранения, Высокое Ложе и Великое Покрывало, пожаловал Хан Ахмад-хану [в жены] ее высочество величайшую княжну Заррин-Кулах и удостоил его родства с собою.

После празднества и свадьбы каждый день [шах 'Аббас] возносил Хан Ахмад-хана новой милостью, возвышал и отличал его среди равных и подобных безграничными ласками. За какое-то время таким обхождением [шах] склонил Хан Ахмад-хана /216/ на свою сторону. Шаху было ясно, что Халу-хан по своей воле и желанию не приедет к его величеству государю. Встречу с ним он считал необходимой и полагал, что бессмысленно [надеяться] на его прибытие. По этой причине он весьма сожалел и печалился.

Шах 'Аббас пояснил Хан Ахмад-хану в чем дело, и Хан Ахмад-хан [с ним] согласился (Букв. «положил на глаза палец согласия»). Договорились о том, что [Хан Ахмад-хан] возвратится [в Курдистан] и окажет эту услугу — заберет отца и доставит его к государю и за то [будет пожалован] почетными одеждами, многими милостями и достойными пожалованиями и вознесен среди равных. [115]

[Хан Ахмад-хан] получил от государя дозволение ехать (Текст рукописи искажен, читаем по тегеранскому изданию) и прибыл в вилайет Курдистана ¹⁷. Лучами милости он озарил положение жителей вилайета, осчастливил знать и вельмож подобающими милостями. При встрече с отцом [Хан Ахмад-хан] удостоился лобызания руки. Халу-хана задело рассыпание денег и веселье /22a/ прославленного сына. Он приказал принести много изюма и орехов и разделить между собравшимися. Перед каждым положили по горсти изюма, по две горсти орехов и два камня, чтобы орехи колоть и [доставать] ядра ¹⁸.

Когда Хан Ахмад-хану становится известно о таком приеме (Букв. «вставании и сидении»), о том, что ели изюм и кололи орехи, он считает себя опозоренным и оскорбленным — ведь уже долгое время он жил среди кызылбашей и привез с собой чужих людей. Он посылает к себе и приказывает доставить в меджлис разноцветные подносы, уставленные сладостями и всевозможными лакомствами. При виде этого Халу-хан в крайнем гневе и раздражении говорит Хан Ахмад-хану: «Этими сладостями ты

сделал мои дни (В тексте: «времена») горькими для меня, а Курдистан (Букв. «дело Курдистана») поставил в весьма бедственное положение». В таком гневе, неистовстве и негодовании [Халу-хан] выбежал из меджлиса, вошел в крепость, засел [там] и закрыл перед сыном крепостные ворота.

/226/ Хан Ахмад-хана это событие обеспокоило и озаботило — как он будет держать ответ за обещанное и где (Букв. «у кого») найдет выход из этого положения? Смущенным и растерянным [остался Хан Ахмад-хан] в долине смятения и пустыне размышления. [В конце концов] он был вынужден ту могучую твердыню осадить и уповать на расположение бога и милость государя.

Осада затянулась, и осажденные были доведены до крайности, пока мать Хан Ахмад-хана не обманула охрану крепости и не послала к Хан Ахмад-хану некоего Мулла Йа'куба, мол, «сегодня чтобы был наготове с отрядом в таком-то месте и стоял, [пока не] наступит полночь». Мулла Йа'куб передал послание и возвратился назад. Когда он появился в крепости, кто-то узнал о его отлучке и доложил о [его] поведении Халу-хану. Тот приказал его заточить в тюрьму, а на следующий день казнить. Когда его святейшее величество господь [уже почти] перерезал нить его жизни ножницами /23a/ смерти и закрыл перед ним дверь надежды, в ночную пору крепость переходит к Хан Ахмад-хану, и казнь Мулла Йа'куба отменяется. И даже теперь, если кто-нибудь попадает в затруднительное положение, то говорит: «Прошу **[116]** спасения у бога Мулла Йа'куба» — [это] оттого, что разбор и истолкование, развязывание [и] распутывание дел далекого и ближнего зависят от предопределений господя и [только] от него, а не от усилий десницы человеческого старания.

Когда ищущий славы властелин-солнце перенес пожитки отдохновения из этой голубой цитадели в западную крепость и ночной бродяга-месяц ступил на ристалище с отрядами звезд и светил, Хан Ахмад-хан добрался до подножия крепости и известил о том свою мать. В то время как Халу-хан спокойно почивал на ложе и отдыхал в одеянии сна, Хан Ахмад-хан, руководимый силой [божественного] вспомоществования, поднялся той ночью на [стены] крепости, что служит образцом и примером настоящих укреплений, завладел [ею] и назначил несколько человек /23b/ охранять и оберегать башни, бастионы и ворота. Сам [Хан Ахмад-хан] со считанным числом людей — каждый при стрелах, щите и аркане — без промедления и оповещения направился туда, где [находился] отец. Его тотчас схватили и отправили в Исфахан, к шаху 'Аббасу ¹⁹.

[Халу-хан] предстал пред государем гордый и великолепный. После того как ему были оказаны полный почет и уважение, [государь] усадил [Халу-хана] в благословенном меджлисе, отметил подобающими и выдающимися милостями и украсил грудь и плечи его (Букв. «его жизненных обстоятельств») красочным, достойным [его положения] почетным одеянием, вознес его особыми щедротами и отличил почетными халатами. [Оказав] всевозможные милости и беспредельное уважение и почет, [шах 'Аббас] его отпустил и направил в Курдистан, и [Халу-хан] озарил лучами прибытия жилища вилайета ²⁰. Грамота на управление вилайетом Шахризур и Курдистаном была пожалована /24a/ и обнародована на славное имя Хан Ахмад-хана, и эта радостная весть достигла слуха знати и простонародья.

Добродетели Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана

Когда Хан Ахмад-хан утвердился на троне правления, лужайку обстоятельств [самых] высокопоставленных и ничтожнейших стал овеать ветерок радости и счастья. Великому и малому во всех делах [Хан Ахмад-хан] оказал всевозможные щедроты и озарил лучами милостей и благодеяний положение раййитов и воинов, распахнул врата милосердия, великодушия и щедрости, дальнего и ближнего — каждого оделил и наградил. Править он начал в 1022/1613-14 г. ²¹, а родился в 1001/1592-93. [117]

Когда [Хан Ахмад-хан] кончил опекать раййитов и ублажать подданных, он занялся снаряжением армии и войска. [Хан Ахмад-хан] собрал целое войско (В тексте: «сборище») и, подготовив военное снаряжение и оружие, стал посягать на Румское государство, грабить и разорять те земли. Первым делом он с /24b/ подготовленным и снаряженным войском задумал искоренить и истребить племя безбожников-билбасов.

[Хан Ахмад-хан] вознес драконо[подобное] знамя славы и доблести, раскрыл десницу мужества, повязался поясом решимости, заломил шапку отваги, закалил поражающий врага меч, а аркан намерения закрепил и, уповая на помощь бога и вспомоществуемый чистыми имамами, с войском без границ и числа стремительно двинулся на мукри и билбасов. [Хан Ахмад-хан], исполненный великолепия, с победоносными войсками преодолел труднопроходимые пещеры и заросшие деревьями дороги и озарил лучами прибытия то неприступное место. Билбасы, прослышав эту наводящую ужас новость, выступили сплоченно с неисчислимым сборищем, чтобы сразиться. Противники встретились, [дело] кончилось битвой и сражением. Когда обе стороны напали друг на друга и сразились, а оба племени принялись разить и вязать, войска Курдистана благодаря

смелым атакам прорвались вперед, смело и бесстрашно напали на их центр /25a/ и рассеяли их сплоченные [ряды]. Билбасы обратились в бегство, потерпели позорное поражение и поспешили к себе. Большая часть того племени [была] перебита, многие захвачены [в плен] и [лишь] немногие выбрались оттуда полуживыми, посчитав за благо [спастись] бегством. Удрученные прибыли они домой к своим семьям, тут же перевезли их на вершины высоких гор и укрылись в укреплениях ²².

Снова собрал [Хан Ахмад-хан] целое войско, с двадцатью тысячами конников и пеших и многочисленными отрядами остановился у дороги и приготовился к бою и сражению. Завязалась новая битва, и несколько человек из войск Курдистана [были] отправлены в страну небытия. Снова [билбасы] бежали, будучи не в силах устоять. Храбрецы повернули за ними, налетели и настигли то племя. [Многих] перебили и многих захватили в плен. Победоносные храбрецы завладели неисчислимой добычей и не остановили коня устремления, пока не подошли к их (билбасов) укреплению.

/25b/ [Хан Ахмад-хан] осадил [крепость], стал грабить и разорять окрестности. Он несколько дней держал билбасов в осаде, но победы над ними не одержал, поскольку место было неприступным. [Хан Ахмад-хан] закрыл перед ними пути входа и выхода, [надеясь], что, быть может, муки голода доведут их до крайности и, страшась меча и копья, они попросят пощады. Поскольку в крепость вела единственная тропинка, и та была узкой и **[118]** мрачной, как глаз муравья, никто другой, кроме них самих, не мог по ней пробраться.

[Так обстоят дела], пока к ним в лагерь не приходит красавица из женщин того племени, чтобы подшутить над ними. Она оскорбляет Хан Ахмад-хана и, насмехаясь, говорит: «Почему медлите с завоеванием крепости?» [Хан Ахмад-хан] говорит в ответ: «Дорога туда неизвестна и путь закрыт. Поэтому нет возможности подняться на вершины [этих] гор и настичь то племя злоумышленников».

Та мужественная женщина (**Букв. «львица»**), выслушав эти слова, показывает на свое особое место [и] говорит: «Здесь тоже не было прохода. /26a/ [Испытанные в] сражениях мужи приложили там усилия и проложили путь с помощью атак, [от которых] лопался желчный пузырь, и блестящих мечей, не имеющих ножен».

Хан Ахмад-хан закипел благородным негодованием () и [обратился] к победоносным войскам. Воззвал он к храбрецам — охотникам на львов, к [искусно] владеющим кинжалом пехотинцам, к стрелкам непреклонным, как Марс, к латникам величественным,

как Сатурн, и, уповав на создателя праха и плоти, еще более укрепился в своей решимости. Вспомоществуемый и руководимый господом, помогающим [нам] в делах, [Хан Ахмад-хан] решил двинуться вверх и с помощью его святости господа смог пройти тем путем.

Когда, [продвигаясь] той суровой и узкой тропинкой, они приблизились к укреплению того племени, билбасы от сильного страха и ужаса решились на сопротивление и начали сбрасывать камни и стрелять из ружей, стеснив для храбрецов ристалище жизни. Дошло до того, что они вот-вот проявят слабость. [Тогда] храбрецы обнажили меч мщения и, прикрываясь вместо щита грудью, бросились на их крепость. Старого и малого, юношу и старца из того племени они порубили мечами. /266/ Воинам Курдистана достались несметные богатства и добыча. Часть того сборища они умертвили.

К нему (К Хан Ахмад-хану) на службу с бесчисленными дарами и конями арабской породы прибыли главы, вельможи и знать Соуджбулага ж Мераги. В каждый из этих трех (?) вилайетов он назначил правителя и через Кой и Харир направился в Ревандуз и [затем в] Имадию. В тех районах проживали несколько потомков Бахрам-бека б. Сурхаб-бека, которые из-за волнений времени утратили власть и проживали в нищете и нужде (Букв. «оперлись о подушку нищеты и нужды»). Хан Ахмад-хан, [119] побуждаемый чувствами [со]племенника, их собрал и позаботился оказать им покровительство.

После бесчисленных ласк и милостей он избрал троих среди их главарей и каждого где-нибудь поставил счастливым правителем: Ревандуз препоручил Кара Хасан-беку, Халид-бека назначил правителем и повелителем Хушнава, 'Усман-бека — эмиром Имадии. /27a/ Поскольку Кара Хасан-бек превосходил их разумом и совершенством, ученостью и красотой, мужеством и храбростью, отвагой и неустрашимостью, [Хан Ахмад-хан] назначил [его] эмиром и полновластным распорядителем над другими, изволил таким образом поставить его во главе 'аширатов и кабиле, [которые обитали] в тех пределах. [Кара Хасан-бек] прославился и вошел в поговорки могуществом власти и отвагой, храбростью и ученостью. Тот самый Мир-и Равандуз, что владеет в настоящее время Эрбилем, Коем, Хариром и Имадией, принадлежит к его потомкам ²³.

Племена дарвиш и мухаммад-рашид-бек происходят от Халид-бека, эмира Хушнава. Они принадлежат к бани арделанам, прибыли в те районы и [там] поселились в правление Хан Ахмад-хана и постоянно занимали должность вакила Курдистанского вилайета. Помимо

того что они были вакилами при прославленных личностях, [потомки Халид-бека] занимали [и другие высокие] должности.

Словом, Хан Ахмад-хан решил истребить и уничтожить племена дашни ²⁴ и пошел на то собрание. /276/ Когда он подошел к тем окрестностям и [люди] того племени об этом узнали, они смело, не ведая страха, многочисленным отрядом вступили в битву и сражение. При встрече воинственные храбрецы с обеих сторон ударами меча и копья отослали многих прославленных мужей в области небытия, [сбросив] с коня жизни. Под конец ветерок победы и торжества повеял в сторону (Букв. «на обстоятельства») курдистанского войска. [Племена] дашни и халиди обратились в бегство и направились в свои районы. Их преследовали [целые] сутки. Победоносные храбрецы захватили много голов [скота], пленников и добычи без числа. Оттуда [Хан Ахмад-хан] назначил правителей для Коя и Харира и пошел на Мосул ²⁵. [До Мосула оставалось] шесть фарсахов, [когда местный правитель], убедившись, что у него нет сил для сопротивления, бежал в сторону Халеба — ушел, оставив вилайет. Хан Ахмад-хан поставил там своего 'амила. К /28a/ Хан Ахмад-хану прибыли с многочисленными дарами 'амил и эфендии Мосула. Каждого из них сообразно должности и положению он отличил прекрасными, [как] солнце, почетными халатами и достойными милостями.

Без войны и сражения, [без] распрей и убийства [Хан Ахмад-120]хан] прибыл в то подобное раю место, удостоился счастья посетить [усыпальницу] Йунуса — мир над ним! — и коснуться (Букв. «припасть челом») праха с его могилы. Сорок дней победоносные палатки были разбиты на том высоком месте, и [Хан Ахмад-хан] находился в той области. Затем он воззвал к чистой душе его святости и разослал всюду победные религии.

По наведении порядка в той стране он написал о [своих] действиях шаху 'Аббасу. Тот прислал для него почетный халат, подобный солнцу, украшенный драгоценными камнями кинжал, собственного коня, [быстрого], как молния, и написал такой ответ: «Ты должен завладеть обителью мира — Багдадом и присоединить к хранимым богом владениям».

И [Хан Ахмад-хан] благодаря помощи и покровительству вседарующего господи /286/ повернул на Керкук, завладел тем округом тоже ²⁶ и пошел на Багдад. [Хан Ахмад-хан] подошел к той твердыне, чье основание [высится] в небесной сфере,— к Багдаду и осадил [его]. О его храбрости и отваге прослышали далекие и близкие, поэтому, когда он окружил крепость, жители Багдада, хотя вначале и начали военные действия, вскоре смирились. Первым с подобающими дарами к Хан Ахмад-хану прибыл кахйа ²⁷ обители

мира — [Багдада] с группой уважаемых людей, с [вое]начальниками и величайшими эфендиями. Они разверзли уста извинения и раскрыли крепостные ворота. Затем к нему на службу прибыл валий Багдада с [данью] деньгами и натурой без счета, привез с собой коней арабской породы со снаряжением и сбруей из золота, с дорогими прекрасными тканями и ценными подношениями (**Букв. «товарами»**) и снискал всевозможные милости.

На следующий день великолепием [своего] прибытия Хан Ахмад-хан уподобил обитель мира — Багдад /29а/ вечному раю, озарил сиянием милости городские крыши и ворота. Снова преподнесли ему достойные дары, великолепные подношения и неисчислимые богатства. Его верным слугам тоже передали значительную сумму [денег], и оттуда в полном удовлетворении [Хан Ахмад-хан] отправился к себе, в свои области и прибыл в Курдистан. Он дозволил своей знати и подлому люду посетить его, великого и малого осыпав милостями и щедротами. Говорят, этот поход продолжался семь лет и три месяца.

Как бы то ни было, некоторое время спустя шах 'Аббас приобщился к божественной милости, вместо него на троне царствования воссел шах Сафи. С Хан Ахмад-ханом [у него были] любовь и согласие. [Шах Сафи] отличал (**В тексте: «ласкал»**) его всевозможными милостями, подарками и благодеяниями сверх [всякой] меры. [121]

Сын Хан Ахмад-хана Сурхаб-бек, который приходился шаху 'Аббасу племянником и воспитывался при том высоком (**Букв. «достигающем небес»**) дворе, большей частью находился в Исфахане /29б/ при шаху Сафи. Шах Сафи, видя проявленные Сурхаб-беком [высокий] ум и мудрость, храбрость и отвагу, доблесть и превосходство и слыша от вельмож и доверенных лиц о присущих ему благоразумии, великодушии и щедрости, возымел в отношении его опасения и поручил его воспитание Шахвирди-хану Луру. Поскольку Шахвирди-хан много[кратно] вкушал неприятный напиток ядовитого арделанского кинжала и перенес неисчислимые страдания от искрометного курдистанского меча и копья — уста его еще чувствовали его горечь (**Букв. «горечь от того еще не ушла из уст его разумения»**), а те бесчисленные страдания еще оставались в его сердце и душе — из страха и подлости он решается отомстить.

[Шахвирди-хан] говорит государю: «Сурхаб-бек — юноша, украшенный [способностями] и одаренный, и по матери царевич. Он известен прекрасным нравом (**В тексте: «нравами»**) и наделен похвальными качествами. Свидетельства его мужества и храбрости явны, лучи отваги и благоразумия в нем очевидны. Воистину, в царстве [появятся] разногласия и

наступит смута. /30a/ Его следует устранить или приставить к нему попечителей». На шаха Сафи слова и совет Шахвирди-хана произвели впечатление. Он приказал тот вольный кипарис ослепить, и люди вырвали тому юноше глаза из глазниц ²⁸.

Хан Ахмад-хан, услышав эту страшную весть, огорчился и опечалился, и положение его изменилось. Его одолели различные недуги, и здоровье его пошатнулось. Положил он голову на подушку болезни, возлег на ложе немощности. Вселяющее надежду утро могущества сменилось наступлением непроглядной ночи слабости. Лекарь утратил надежду на его исцеление, совсем не принесло пользы применение лекарств односоставных и многосоставных и даже привело к обратному результату — болезнь стала усиливаться. У него парализовало самые жизненно важные части тела, он совершенно утратил разум и стал невменяем.

Курдские эмиры, добрые и верные друзья и высоконравственные доброжелатели поместили его в комнате и /30б/ заботились о нем. Во все районы они разослали 'амилей и управляющих, не допустили чужих в вилайет и не дали завладеть им. Дела пришли в расстройство, и положение в вилайете оставалось плохим. Через год благодаря милости всевышнего бога, мудрости совершенного врачевателя и всесилию исцелителя дыханий и миров его болезнь сменилась выздоровлением и стал он здоров, как и прежде. [122]

Владения [Хан Ахмад-хан возвратил] тому, кому они принадлежали, а врага поразил. Он вновь привел к покорности население вилайета, что отступило было от закона преданности и верноподданнических чувств. Часть знати державы, что сошла было с прямых путей служения, [вновь] утвердилась на стезе неколебимости, осчастливленная расположением и украшенная его заботой. Под ветерком его милости лужайка существования великого и малого поросла зеленой травой (Букв. «проросла подобно зеленой траве»), благодаря его возвышенному нраву молодое деревце жизни ближнего и далекого зазеленело и расцвело. Как и прежде он завладел областью до Мосула, /31a/ начал налаживать отношения с турками и с их повелителем, а перед жителями Ирана распахнул врата вражды. Он на все закрыл глаза и заботился [лишь] об отмщении. Он начал кружить с войском, жаждущим мести, и посягать на соседние области.

[Хан Ахмад-хан] захватил [область] от Керманшахана и Хамадана до Урмии, вышел из-под власти (Букв. «завоевания») кызылбашей и пустил в обращение самую крупную монету со своим именем. [Так продолжалось], пока в персидских вилайетах [шах Сафи] не собрал многочисленный отряд. Во главе он назначил Зал-хана и послал на Курдистан.

Противники встретились на берегу озера Мариван. Вскипели те две океано[подобные] армии, взревели два моря войск, встали друг перед другом, смело приготовились к сражению. После больших стараний и усилий и бесчисленных схваток несколько мужей на том поле брани направились в страну небытия, раненные /316/ мечом и пулей (Букв. «из ружья»). Поскольку победа и торжество зависят от предначертания господина и [только] от него, а не от человеческих усилий, персидские войска победили, а войско Хан Ахмад-хана понесло поражение. Много курдов и турок пропало в море смерти. Хан Ахмад-хан отправился в Мосул и через несколько дней там же был принят под сень божественной милости согласно [высказыванию]: «...ни одна душа не знает, в какой земле умрет она» (Коран, XXXI, 34). Поселился (Букв. «воссел») он близ [гробницы] его святости Йунуса — мир над ним — до дня Страшного суда.

История Сулайман-хана б. Мир 'Аламаддина б. Тимур-хана

Когда Сулайман-хан в 1004/1595-96 ²⁹ г. воссел и утвердился на престоле наместника и правителя, с его появлением распустились розы моления жителей Курдистана. [Это] эмир похвального [123] нрава, ласковый со всеми и правосудный, гордый [и] благоденствующий, В доблест[ных деяниях] он был смел и отважен, в щедрости и великодушии не имел себе равных и подобных. Справедливый покровитель райийтов, /32a/ мудрец, [чье щедрое] сердце [напоминало] море, он заботился о войске и райийтах и был хлебосолен, почитал господина бога, вел себя подобающе, был наделен должными качествами и известен похвальными достоинствами.

Говорят, Мир 'Аламаддин при жизни Хан Ахмад-хана прибег к покровительству турецкого султана. Поскольку неотвратимый смертный час, [наша] участь и судьба зависят от предопределений всемогущего, он не смог ничего добиться и оттуда поспешил в потусторонний мир. Его сын Сулайман-хан в то время находился на службе у Хан Ахмад-хана. Когда [Хан Ахмад-хан] разглядел в нем храбрость, отвагу и мужество и одобрил его поведение (Букв. «движения и остановки») на пиру и в битве, он задумал покончить с ним и его погубить ³⁰. Сулайман-хан об этом догадался, поспешил ко двору шаха Сафи и обратился к нему (Букв. «туда») за покровительством.

Долгое время в пути и дома он терпел горести (В тексте: «вкушал горькую и соленую воду»), /32b/ пока у шаха Сафи не случилось сражения с турками в окрестностях Ереванской крепости. В той битве Сулайман-хан, [нанося] сокрушающие удары и нападая,

как лев, острым мечом и кровожадным кинжалом убил несколько человек и потому был отмечен его величеством государем повышением в должности и милостями.

После бегства и смерти (Букв. «после смерти и бегства») Хан Ахмад-хана за дела власти взялся [Сулайман-хан]. Проправив некоторое время, он по приказу государя разрушил крепости Залм, Хасанабад и Паланган, утвердил Сенендедж столицей области и [резиденцией] правителя, заложил цитадель, дворец, бани, мечети и базары и закончил их [строительство], прорыл подземные каналы и провел по изогнутым трубам из них воду в город и во дворец ³¹.

Тем временем повелитель Рума султан Мурад-хан ³² вместе с отрядами армий той страны прибыл с намерением возратить /33а/ обитель мира — Багдад, отобрал [город] у Ирана, присоединил к Румской державе и послал на Иран великого везира Хусрав-пашу с неисчислимыми войсками. [Хусрав-паша], минуя стоянки и преодолев переходы, прибыл в Мариван и завладел Шахризуром, Кызылдже, Карадагом и Шахрбазаром.

Шах Сафи по этой причине стал относиться к Сулайман-хану с недоверием, вызвал его в Исфахан и не освободил, пока не настиг его быстроногий посланец смерти и не унес птицу его души в [124] райские сады. Двадцать два года управлял [Сулайман-хан] вилайетом и вершил дела правления.

После смерти Сулайман-хана по совету и усмотрению Мурид-султана Калхура, что находился при Сулайман-хане надзирателем и был мужем проницательным и мудрым, рассудительным и осведомленным в каждом деле, государь препоручил управление Сенендежем Калб 'Али-хану, сыну Сулайман-хана, /33б/ а управление Мариваном передал его другому сыну Хусрав-хану. Сухраб-султана, сына Калб 'Али-хана, назначили правителем Сийахкуха, область Авромана поручили [выходцу из племени] авроми, районы Палангана передали Мурид-султану, а [управлять] племенем джаф и Джаванрудом послали одного из джафов, дабы, таким образом, они голову мятежа не поднимали и были бы шаху Сафи покорны и послушны.

Калб 'Али-хан, сын Сулайман-хана

Калб 'Али-хан (Букв. «Когда Калб 'Али-хан...») воссел на престол правления в 1060/1650 г. ³³. Будучи мужем правдивым, чистым сердцем и чуждым злобе, вражде и зависти, приветливым и справедливым, [Калб 'Али-хан] с каждым обходился по-хорошему, однако собрал много имущества и богатств и в щедрости и дарении проявлял воздержание.

Государь изволил назначить его во главе войска [для завоевания] Хузистана. Он повел отряд и завладел теми районами. Двадцать два года совершенно независимо он занимался делами правления, /34a/ затем отбыл из [этого] брэнного обиталища, приобщился к божественной милости и воссел во дворце вечности ³⁴.

Хан Ахмад, сын Калб 'Али-хана

Когда Хан Ахмад-хан II утвердился в обители правления и власти, сверкающие лучи его щедрости и великодушия озарили положение далекого и ближнего. Жители вилайета вверились начертанию его указа. Он распахнул перед знатью и простонародьем врата дарения и благодеяний и все богатства и имущество, что отец накопил и насобирал, пустил на ветер уничтожения, раздарил народу. Днем и ночью он проводил время в поездках и на охоте, делами правления занимался меньше, постоянно предавался веселью и неизменно стремился к забавам, развлечениям и удовольствиям. Знатных и благородных такое положение дел огорчало и расстраивало, подонки и чернь радовались и веселились, простонародье благодаря его чрезмерной щедрости и великодушию было довольно и счастливо. Поэтому он получил известность как Хан-и Заррине (**Золотой Хан**). [125]

Поскольку [Хан Ахмад-хан] постоянно стремился к удовольствиям и увеселениям /34b/ и был занят бессмысленными разговорами и делами, его дядя Хусрав-хан доложил об этом шаху Сулайману и испросил для себя грамоту на управление Курдистаном. Шах Сулайман тоже пожелал этого, выдал и отправил Хусрав-хану грамоту на правление и почетный халат. Когда привезли почетный халат и грамоту, Хусрав-хан выехал в Мариван. С наступлением ночи с барабаном и знаменем он сел на коня и, когда занялось утро, прибыл в Сенендедж. [Хусрав-хан] арестовал Хан Ахмад-хана, [пребывавшего в полной] беспечности, отправил его в Исфахан, а сам занялся делами правления.

Правление Хусрав-хана, сына Сулайман-хана

Когда Хусрав-хан утвердился в 1091/1680 ³⁵ г. в резиденции правителя, он распахнул врата гнета и притеснения и простер над жителями вилайета десницу несправедливости и тирании. Люди, доведенные до отчаяния его жестокостью и обидами, все сообща идут ко двору государя жаловаться и просить справедливости. Его величество их волей-неволей [принимает] /35a/ и, простив его за содеянные грехи, примиряет, успокаивает [людей] и направляет в Курдистан. Вновь, как и прежде, он совершает деяния недостойные и неподобающие, и снова народ обращается ко двору государя с жалобами на притеснение. На этот раз, помимо того, этот неразумный совершает еще несколько проступков.

Например, когда жалобщики укрылись в бесте ³⁶, чтобы при удобном случае изъяснить [свое] дело государю, на них нападают Хусрав-хан и его слуги и несколько человек ранят. О случившемся узнает шах Сулайман [и] приказывает казнить Хусрав-хана. На Шахской площади на лобном месте [в Исфахане] яростные, как Марс, палачи мечом возмездия перерезали побег его жизни и свернули грамоту его существования ³⁷.

О правлении Тимур-хана Аджарлу

В 1093/1682 г. после казни Хусрав-хана шах Сулайман назначил Тимур-хана Аджарлу, направил в ту страну и поручил управлять /356/ Курдистаном. Своим [прибытием] он ошастливил жителей вилайета, со всеми стал заигрывать (Букв. «играть в нарды») и обращался по-хорошему и с каждым обходился по-братски. В течение шести лет был он полномочным управителем, [а] затем в 1099/1687-88 г. во второй раз к власти пришел Хан Ахмад-хан. Как и прежде, [126] он вновь принялся за развлечения и забавы и пропадал на охоте и в поездках. Жители Курдистана обратились ко двору шаха Сулаймана, и [государь] сместил его вторично.

Рассказ о Мухаммад-хане, сыне Хусрав-хана

Управлять Курдистаном в 1105/1693-94 г. [было поручено] Мухаммад-хану. В начале его правления Сулайман-паша Бабан выступил с многочисленными отрядами, армией и войском, беспорядочным и неустроенным, желая покорить Курдистан. По прибытии в те пределы он захватил Мариван, Авроман и Сийахкух, /36a/ казнил во время похода Сухраб-султана, а в Мариване — Ибрахим-бека Мир-Искандари.

Поскольку Сулайман возглавлял бесчисленное войско и его армия была неисчислима, он сразился еще и с везиром Багдада и победил, а везира и турецкое войско обратил в бегство. По этой причине о его победе сообщили шаху Султан Хусайну ³⁸, и государь назначил 'Аббас-хана Зийад-оглы военачальником, [дабы] с бесчисленным войском тот оказал отпор Сулайману Бабану. 'Аббас-хан [устремился] на крыльях поспешности [и] подошел к [войску] Сулаймана Бабана. При встрече они выровняли друг против друга [свои] ряды, пустили в ход мечи и копья и начали сражение — турецкие войска на конях, кызылбаши (Букв. «армии кызылбашей») пешие.

Большую часть бабанского войска перебили, поражая мечом и из ружья, сделали тесным для них поле брани. Многие были убиты, большинство попало в плен и [испытало]

унижение. /366/ Предпочитая отступить, Сулайман Бабан бежал со считанным числом [людей], направился в Стамбул и в те районы.

Касим-султан Аврами доносит 'Аббас-хану сардару, что Мухаммад-хан валий и население Курдистана сговорились с Сулайман-пашой Бабаном и были с ним заодно. Сардар приказал перебить жителей Курдистана. Из их голов воздвигают целую башню, а поверх всех голов кладут голову Касим-султана. Свершилось [предсказание]: «Кто выкопал колодец для брата своего, упал в него [сам]»; запечатлелось на челе времени [изречение]: «И ныне душа заплатила за то, что она совершила». Есть холм, находится он в Мариванской долине и известен как Куллин-кух (Букв. «гора из голов».) — это и есть та самая башня из голов.

Шах Султан Хусайн был поражен такими действиями и приказал заколоть надменного 'Аббас-хана, как овцу, на площади [127] в Исфахане. Его обезглавленное тело бросили на площади, голову положили на виселицу и /37a/ к [виселице] привязали его одежду (Букв. «сюртук». Игра слов: *** можно перевести и как «его сардарство»). Сардаром вместо него назначили Хусайн-хана Лура, и в 1110/1698-99 г. он подошел к Алану. В тех округах он удовольствовался сбором *баджа* и *хараджа* ³⁹, а сборище билбасов подверг грабежу и разорению — перебил, ограбил и захватил в плен.

После этих событий Мухаммад-хан занимался делами правления еще три года. Джихангир-султан, сын Калб 'Али-хана, что засеял [свою] злобную грудь семенами ненависти к нему, постоянно с ним вел борьбу и враждовал, подстрекал и подговаривал народ его сместить, и в 1113/1701-02 г. Мухаммад-хана сместили.

В том же году правителем Курдистана поставили и назначили Мухаммад-хана Гурджи. Поскольку он причислял себя к людям сунны и общины (Т. е. к суннитам.), к последователям [имама] Шафи'и и его вере, [это] послужило причиной его смещения, и через три года на обстоятельствах его начертали письма отстранения.

/376/ Правителем Курдистана назначили Хасан 'Али-хана, сына Мухаммад Му'мин-хана И'тимад ад-Дауле. В 1116/1704-05 г. он взялся за дела правления. Поскольку он следовал вероучению двенадцати имамов и соблюдал предписания имама Джа'фара — мир над ним!, [люди] от всего сердца стыдились его поступков и дошли до крайности, размышляя о его деле. Однако смерть не пощадила его, и через два года он направился в области небытия.

Хусайн 'Али-хан, брат Хасан 'Али-хана, сын Му'мин-хана

В 1118/1706-07 г. после смерти его брата Хусайн 'Али-хан был назначен на его место, прибыл в ту область и занялся делами правления. Он тоже, подобно брату, был приверженцем имамов и последователем двенадцати. Жители вилайета им тоже [были] недовольны, решили его сместить и обратились к [шаху] Султан Хусайну. Обращение их одобрили и его с управления сместили. /38а/ Для управления Курдистаном он привез с собой некоего Кай-Хусрав-бека и через год и шесть месяцев сместил его тоже ⁴⁰.

'Аббас-Кули-хан, сын Мухаммад-хана

'Аббас-Кули-хан был назначен валием Курдистана в 1122/ 1710-11 г. Поскольку вельможи и знать [сами] требовали этого, в деле правления они предоставили ему [всю] полноту власти, [128] и он занялся устройством и упорядочением положения раййатов и подданных.

После Сурхаб-бека потомки Баба Ардалана разделились на три ветви: те, что были валиями области Курдистан и [происходили] из рода Мир 'Аламаддина; те, что управляют Саккызом, и группа людей, [проживающих] в Сенендедже и некоторых округах, которые причисляют себя к знати и вельможам, [хотя] в настоящий момент большинство из них нуждается в пропитании на один вечер.

Когда 'Аббас-Кули-хан занялся делами правления, шах Султан Хусайн назначил его вместе с отрядами Курдистана /38б/ на подавление смуты Мир Вайса афган[ского], который вознес в Кандагаре знамя самовластия. ['Аббас-Кули-хан] выступил из вилайета и прибыл в Тегеран. Жители Курдистана не нашли в себе сил для перенесения тягот похода на Кандагар и без всякого указания легкомысленно [и] самовольно возвратились в [свой] вилайет ⁴¹. Это обстоятельство разожгло пламя шахского гнева, и [государь] вызвал 'Аббас-Кули-хана для дознания и возмездия. Тот же попросил извинить проступок жителей Курдистана под таким предлогом — мол, этот побег был подстроен 'Али-Кули-беком, внуком Калб 'Али-хана, который [и] возвратил это сборище в вилайет.

Поскольку задуманное не соответствовало [божественному] замыслу и намерения ['Аббас-Кули-хана] были в достаточной мере ясны (**Букв. «облик этого намерения заблистал и показался отраженным в зеркале желания»**), [государь] разгневался на 'Аббас-Кули-хана, сместил его с правления и пожаловал (**В тексте: «обнародовал»**) почетный халат и грамоту на власть на имя 'Али-Кули-бека.

/39a/ В 1129/1716-17 г. 'Али-Кули-хан поселился в деревне Шихле и жил там в крайней бедности и нужде на самые скудные средства и не имел никакой власти. [Так] проводил он день за днем (Букв. «ночь до дня»). У него было несколько сторонников и единомышленников. Из жалости и сострадания ему в том мире бедности и нищеты говорят. «Шел бы ты из этой деревни куда-нибудь или направился ко дворцу какого-нибудь государя, быть может, избавился бы от этой нужды и недостатка,— [выберешься] из этого ада, найдешь легкую долю и обретешь спасение». ['Али-Кули-хан] отвечает: «Если всевышний подаст, то подаст и в Шихле».

Тем временем в Курдистан привозят (В тексте: «прибывает») грамоту и почетный халат. Привезли почетный халат, разыскивают 'Али-Кули-хана. [129]

Ничего не разузнав, [государев посланник] берет с собой проводника, чтобы тот проводил его до Шихле. В то время речка, что протекает на краю [деревни] Шихле, от обильных дождей и сильного весеннего паводка [разлилась] и переправиться через нее можно было [лишь] с величайшими трудностями.

'Али-Кули-хан от /39б/ обиды и унижения, поскольку кормить [приезжих] было нечем, говорит жителям деревни, чтобы никто им место переправы через реку не говорил и дорогу этому проводнику не показывал: «Даже если перейдут реку, пусть проводят их в другом направлении. Ведь, если придут сюда, сегодня вечером ему (Шахскому посланнику) нужно устроить прием и угощение. Мы же не можем принять гостей: мы питаемся одним горем и страданиями».

Словом, как бы то ни было, [через реку] они переправляются и вручают 'Али-Кули-хану грамоту и почетный халат. Получив грамоту и почетный халат, 'Али-Кули-хан успокаивается, избавляется от горя и печали и говорит друзьям: «Разве не говорил я: если господь пожелает, подаст и в Шихле?» Затем со всей торжественностью ['Али-Кули-хана] отличают почетным халатом и грамотой на правление, с почестями и уважением привозят в Сенендедж. Обласкав великих и благородных, он принимается за дела правления. С утверждением 'Али-Кули-хана на троне правления сбылось и стало явью [божественное речение]: «Так мы с переворотами дней изменяем события между людьми» (Коран, III, 134).

Тем /40a/ временем жители Луристана убрали головы из [ошейника] повиновения шаху Ирана и подняли выи своеволия. Столпы (В тексте: «устои») державы доложили государю, 'Али-Кули-хана назначают сардаром и с войсками Курдистана направляют в ту область. 'Али-Кули-хан согласно шахскому приказу выступил с победоносными войсками и направился в Луристан.

После [его] прибытия в те пределы луры бежали вместе со сборищем бахтиар и укрылись в трудно [доступных] пещерах и в горах, поросших деревьями. Часть [из них] окопалась в горных укреплениях и потом бесстрашно выступила многочисленными сплоченными отрядами. Встретились [войска] в пути, и обе стороны начали сражение. От блеска мечей и копий и подобных удару грома [выстрелов], похищающих души [и] поражающих мужей, [луры] попадали из седел на землю, некоторые же спаслись от меча героев Курдистана бегством. Ветерок торжества и победы овеял шелк победоносного знамени 'Али-Кули-хана. Сбылось [изречение]: «Истинно, мы помогли тебе победить /40б/ верною победою» (Коран, XLVIII, 1). [130]

Племена луров и бахтиар потерпели позорное поражение, [но], будучи уверены в неприступности крепостей, высоте гор и мощи укреплений, сразу после бегства с поля брани возвратились назад и снова начали сражаться. В конце концов, видя, что путь к спасению отрезан и что от курдистанцев им грозит смерть, под ударами героев они дошли до крайности и запросили пощады, устрешенные мечом и копьем. Местный правитель прибыл к 'Али-Кули-хану с подобающим даром, и тот отослал правителя «Луристана с несколькими вождями и главами племен ко двору государя согласно [изречению]: «Мы послали к вам...» (Там же, LXXIII, 15).

['Али-Кули-хан согласился быть] просителем за их провинности, приехал вместе с ними к государю и раскрыл уста для [произнесения] словес: «Ты прости ради нас, и они простили». Его величество государь изволил согласиться, простил [им] провинности и, получив подати, их обласкал, дал почетные халаты и разрешил уехать. Они прибыли в свой вилайет. /41a/ В этом году в вилайете Курдистана началась чума, и погибло много [народа]. В 1132/1719-20 г. 'Али-Кули-хана сместили с управления и назначили правителем Саккыза и Сийахкуха. 'Аббас-Кули-хан был вторично удостоен поста правителя Курдистана. В это время началась афганская смута, о чем подробно написано в *Тарих-и Надири* ⁴³.

'Аббас-Кули-хан с отрядами Курдистана [отправился] на войну с афганцами. Противники встретились, с обеих сторон возгорелось пламя битвы. Головы и тела храбрецов растоптали могучие кони, много афганцев поспешило в области небытия под сокрушительным натиском героев. Некоторым из жителей Курдистана удалось бежать. Остальные продолжали упорно сражаться, [предпочитая] битву бегству, и направились в [свою] область, продолжая вести бои. Беглецы появляются в Курдистане раньше 'Аббас-Кули-хана и остального войска. Жители вилайета такого рода их поведение /416/ не одобрили и бегство курдистанцев от афганцев посчитали для себя позором и бесчестьем. Беглецов собрали, накрыли им головы куском материи, как [это делают] женщины, и в посрамление каждого с кем-нибудь [из мужчин] обручили.

Короче говоря, афганцы захватили Иран, а турки — Курдистан, Хамадан, Керманшахан до Султанйе и Абхара и весь Азербайджан ⁴⁴. Они завладели той страной и повсюду начали притеснять и насильничать. От гнета афганцев народ возрыдал и от притеснений турок устранился. С одной стороны Россия завладела Мазандераном, с другой — целой областью арабы. Где-то в страну (Автор, по-видимому, имеет в виду Арделанское княжество) проникли турки и персы, каждый смутьян [131] самодовольно поднял голову, каждая страна на какую-нибудь страну напала.

Словом, от вражеского гнета Иран опустел, от притеснений врага страна дошла до крайности, пока не воссияло солнце надирова вознесения подобно восходящему светилу. /42a/ Ударом богатырской десницы он вызволил иранскую страну от врага и покорил Индию, Туран, Хорезм и Туркестан. Каждое государство он передал своим законным наследникам, очистил поверхность Ирана от колючек и нечистот турок и афганцев, а всех противников побросал во прах смерти. Подробно об этом написано в *Тарих-и Надири*, и если кого интересует истинное положение дел, пусть то [сочинение] прочитает.

Между тем в Сенендедже управлял Хане-паша, сын Сулайман-паши Бабана ⁴⁵, и [Надир] его прогнал вместе с другими правителями Керманшахана, Хамадана и Азербайджана.

Рассказ о Субхан-Вирди-хане б. Мухаммад-хане

В те времена в Хамсе он был поименован Субхан-Вирди-пашой, назначен там правителем и подчинялся Турции. В 1142/1729-30 г. его поименовали ханом, и он стал править самостоятельно. /42б/ В это время Надир-шах устремил (Букв. «всколыхнул») драконоподобные знамена на Герат и выпустил шахского сокола устремления для

завоевания тех областей. На шаха Тахмасба пример Надира произвел впечатление, и он начал войну с турками.

Турки, видя, что поле [брани] опустело, подняли знамя отваги и завладели областями, как и раньше. Шах Тахмасб выступил им навстречу, и они сразились. Сначала одерживает верх шах Тахмасб, сражается снова [и] терпит поражение. Без долгих раздумий [шах Тахмасб] заключает перемирие с турками. Снова, как и прежде, всем вилайетом завладели турки ⁴⁶.

На этот раз правителем Сенендеджа [становится] Халид-паша, брат Хане-паши. Из каждой области донеслись слухи о волнениях. Тогда же, т. е. в 1144/1731-32 г., произошло нападение Махмуда Сарани(?). Об этих событиях прослышал Надир-шах, от гнева и негодования стал извиваться наподобие /43a/ удава и затрясся, как ива. После завоевания Герата и наведения порядка в тех пределах он со стремительностью молнии и быстротой ветра направился в Ирак и [затем] в Азербайджан, снова прогнал врагов из страны и разгромил всех противников.

В 1145/1732-33 г. он выгнал Хане-пашу из Сенендеджа и, отчаявшись получить *бадж* и *харадж*, направил его к курманджам. Делами правления снова занялся Субхан-Вирди-хан, а, когда он [132] обосновался в резиденции правителя, через год [Надир-шах] сместил Субхан-Вирди-хана.

Правителем Курдистана после смещения его брата был назначен Мустафа-Кули-хан, сын Мухаммад-хана. Он обласкал население Курдистана, однако на странице его обстоятельств начертали письма смещения, поскольку с обязанностями правителя он не справился. Вилайет Курдистана в третий раз препоручили Субхан-Вирди-хану. Еще шесть лет занимался он делами /43б/ правления и озарил лучами милости и благодеяний положение жителей вилайета.

После возвращения Надир-шаха из похода на Хиндустан Надир-шах призвал Субхан-Вирди-хана к себе, а на должность правителя Курдистана изволил назначить его сына Ахмад-султана, который во [время] похода на Индию и Туран находился при [государевом] стремени и оказал выдающиеся услуги. В 1150/1737-38 г. он вызвал Ахмад-султана, снова пожаловал вилайет Субхан-Вирди-хану и отправил в те области. Вновь тот занялся делами правления, а через год и три месяца [Надир-шах] его сместил, пожаловал Ахмад-султану ханское звание, назначил его валием области Курдистана и осчастливил.

В 1154/1741-42 г. ⁴⁷ Хан Ахмад-хан украсил своей особой трон области Курдистана и распахнул пред челом знати /44a/ и простонародья врата благодеяний и милостей. Оберегая владения и охраняя дороги, он избрал благой путь и проявлял необходимое усердие и старание, искореняя и усмиряя разбойничьи племена. В ведении дел вилайета, оберегании войска и [оказании] покровительства райийтам он не оставлял без внимания [ни одной] мелочи.

В 1155/1742-43 г. из-за неурожая зерновых и отсутствия хлеба жители Курдистана пребывали с опечаленным сердцем и растерзанной грудью — души [исполнены] скорби, а ноги (В тексте: «бедра») в тенетах смерти. От сильного голода люди стали есть землю. Без хлеба тела высохли, а глаза увлажнились. Погас [огонь] в печи хлебопека, потухли семейные светильники, потушили очаги, [где готовилось] жаркое, а чаши [стали] более пустыми, чем пробка. Курдистан был близок к запустению.

Воистину, Хан Ахмад-хан в те времена распахнул врата милостей и каждодневно жаловал самому знатному и ничтожнейшему даровое угощение. Он преградил путь нищете, взломал двери шахского амбара, а [хлеб] поделил между жителями вилайета. /44b/ [Все, что хранилось в] его собственных амбарах, он раздал беднякам и нищим. Убоявшись того, что взломал шахский амбар, [133] [Хан Ахмад-хан] потерял надежду на спасение. От страха, что приедет Надир, он не смог [оставаться] в вилайете и решил бежать, сел на коня (Букв. «на грудь седла») и спешился [лишь] в Шахризуре, озарив ту страну лучами прибытия.

Захир-бек, предводитель джафских *хашамов*, открыто сошел с пути повиновения и службы. [Хан Ахмад-хан] призвал его к себе и тут же обезглавил и отправил в адскую бездну. Бабанский *мутасарриф* ⁴⁸ Халид-паша, услышав эту страшную новость, с тысячей страхов и тревог выехал ему навстречу, преподнес прекрасные подношения и засвидетельствовал почтение. Затек [Хан Ахмад-хан] выехал оттуда и направился в Мосул. После [его] прибытия в те области здешний правитель проявил враждебность и закрыл врата единодушия, пушечными залпами и ружейными выстрелами /45a/ известил просвещенного хана о войне. [Это] привело Хан Ахмад-хана в ярость. Силой и натиском он покорил крепость, схватил тамошнего правителя и тут же с ним покончил, направил в страну небытия, а на его место посадил другого.

[Хан Ахмад-хан] оттуда выехал и направился в районы Халеба и Диарбекира. Словом, где бы он ни появлялся и ни останавливался, правители и население тех мест везде проявляли покорность и послушание, [принимали] его ласково и воздавали особые почести. А если кто начинал враждовать и превышал свои полномочия, [Хан Ахмад-хан] отрезал ему ноги пилой насилия, вырывал дерево его жизни и на его место ставил другого ⁴⁹.

Словом, так он проводил время, пока не добрался до окрестностей Стамбула (**В тексте: Константинополя**). По приказу владыки ему навстречу /456/ почти на целый перегон прибыли величайший *садр*, несколько великих пашей, диван-эфендии, шайх ал-исламы и группа великих вельмож с целым отрядом во всей пышности и великолепии и проводили Хан Ахмад-хана с почестями в Стамбул. Остановился он в султанском дворце.

После неисчислимых приветствий и любезностей превыше всякой меры кесарь оказал ему всевозможные милости. Тот повелитель направил его в Эдирне, и [Хан Ахмад-хан] осенил [благодатью своего] прибытия местных жителей. Тот город (**Букв. «то место»**), что в давние времена, [когда] Константинополь принадлежал франкам, служил османским султанам резиденцией и столицей, [государь] изволил передать и препоручить Хан Ахмад-хану, и [Хан Ахмад-хан] правил там и в здешних округах ⁵⁰.

В то время, когда Хан Ахмад-хан бежал из вилайета Курдистана и, преисполненный важности, прибыл в Эдирне, наместником в Курдистане был назначен Манучихр-бек б. Мухаммад-бек, **[134]** внук покойного Сулайман-хана валия, прародитель автора [этих] словес.

Шахские амбары опустели, и Надир-шах, прослышав, что произошло, вызвал к себе Манучихр-бека наиба, чтобы наказать за амбары. Тот выехал /46a/ и направился к государю. Пока он находился в пути, с хранителями амбаров договорились (?). Затем он удостоился предстать пред государем, и [Надир] стал его порицать за амбары. [Манучихр-бек] в ответ заявил: «Во-первых, сейчас амбары повелителя заполнены и переполнены ⁵¹ и милостью государя [зерна там] больше прежнего. Во-вторых, если бы во время голода мы не взломали шахский амбар и не поделили [хлеб] между людьми, погибло бы более миллиона человек. Я вверился судьбе и не дал никому погибнуть. Нетрудно смертью одного оставить в живых и спасти многих. Смиренно и покорно пришел я (**Букв. «положил голову на ладони, принес...»**) к этому порогу, оплоту справедливости, и гордился, что буду убит. Если казнишь, [на то] ты [и] правитель, обласкаешь, хорошо».

Поскольку Манучихр-бек наиб прибыл к Надир-шаху, [будучи уже] белобородым, [государь] после этой беседы подарил ему священный Коран, [написанный] прекрасным почерком, и отличил почетными одеждами. [Надир-шах] еще раз даровал ему грамоту о [назначении] наместником и отослал его в вилайет Курдистана. /466/ [Затем] он снова поручил Субхан-Вирди-хану управление вилайетом, и тот правил еще три года.

Надир-шах протянул из рукава десницу гнета и притеснения, и Курдистан по этой причине стал приходить в запустение. [Надир-шах] еще раз призвал Субхан-Вирди-хана и возвысил его до должности беглербег Тегерана, выселил группу вельмож и знатных Курдистана и отослал в Тегеран.

Манучихр-бек *наиб* тем временем предпочел бежать. Он остановился на некоторое время в Наджмаре, а затем оттуда выехал в Шахризур. Близ [усыпальницы] Аба-'Убайда он отвечал посланцу судьбы: «Я готов!» — и прошествовал в обитель постоянства. Надир-шах направил в Курдистан управителем Хаджжи Мавла-Вирди-хана.

Правление Хаджжи Мавла-Вирди-хана Каджара

Когда под предлогом запустения вилайета [Надир-шах] послал в Курдистан управителем Хаджжи Мавла-Вирди-хана и тот прибыл в Сенендедж, из-за разрухи, [наступившей] в вилайете, и отсутствия жителей и подданных он не стал заниматься [делами власти] и владения. /47a/ Через шесть месяцев Надир-шах его вызвал и валием Курдистана назначил снова Субхан-Вирди-хана. На этот [135] раз вилайет пребывал в полном запустении и из подданных никого не находили. В конце года [Надир-шах] его сместил опять и назначил правителем Хасан 'Али-хана.

Хасан 'Али-хан б. 'Аббас-Кули-хан

В 1158/1745 г. Хасан 'Али-хан занялся делами правления, и поскольку бесполезные усилия вызвали уныние, через год Надир-шах снова направил в Курдистан Субхан-Вирди-хана. [О том], как [Хасан 'Али-хан] сразился с Имам-Кули, бежал и воевал на стороне Турции, будет рассказано после [упоминания о] смерти Субхан-Вирди-хана.

В 1159/1746 г. [Надир-шах] вызв.ал Субхан-Вирди-хана к себе и направил в Курдистан управляющим Мухаммад Риза-бека Гурджи ⁵².

Правление Мухаммад Риза-бека Гурджи Маишади

Говорят, Мухаммад Риза-бек был мужем суровым, лживым, злобным и недоброжелательным. Высшие и низшие испытывали к нему омерзение, и он /476/ унижал знатных и вельмож из-за [любой] малости, совершал всевозможные дурные поступки, распахнул врата разлада и протянул десницу угнетения. Высшие и низшие в его глазах были равнозначны. Знатные и чернь, уstraшенные его деяниями, были вынуждены обратиться ко двору Надир-шаха и пожаловались на его насилия и притеснения. [Надир-шах] его сместил и в восьмой раз назначил Субхан-Вирди-хана валием Курдистана. Тот направился в вилайет и употребил необходимые усилия и старание.

[Субхан-Вирди-хан] не собрал ни одного динара государственных налогов. Люди, уstraшенные и напуганные Надир-шахом, отчаялись в жизни и, охваченные брожением, решили разом бежать. Такое решение принимают у них знатные и простонародье. Субхан-Вирди-хан их одобряет, [и] в это время приходит известие об убийстве Надир-шаха.

Рассказ об обстоятельствах дальнейшей жизни Субхан-Вирди-хана

Народ Курдистана, прослышав о том, возвращается к жизни и проявляет безграничную радость. В Курдистане было несколько конников-афганцев из славянских земель (?). Услышали они известие об убийстве Надир-шаха /48a/ [и] задумали (Букв. «решают») разорить и разграбить вилайет [Курдистана]. Субхан-Вирди-хан при тех [136] обстоятельствах принимает мудрое решение — зовет [это] славянское (?) сборище к себе и каждому наедине говорит: «Население Курдистана состоит из сброда и обитателей гор. Большинство из них дикари, другие — скотоводы. Мы их проделки утаили от Надир-шаха и чужеземцев. Теперь все они радуются этой вести, все племена прислали [нам] многочисленные послания и заявили, что придут и всех вас схватят, потребуют коней и снаряжение, разденут вас и перебьют ударами копий, проучат всех и вас прикончат. Поскольку за все это время мы не видели от вас ничего дурного, а только хорошее и не слышали ни от кого недоброжелательного слова, потому [мы] вызвали вас, чтобы вы, пока не появились эти дьявольские отродья, [смогли] унести пожитки спасения /48b/ в надежное убежище».

Услышав это, друзья [по несчастью] пришли в расстройство, смятение и отчаяние. [Спасая] жизнь, они отправились к себе на родину, прибыли в Хамадан и тот город (Букв. «место») разграбили.

Рассказ о новом правлении Хасан 'Али-хана, сына 'Аббас-Кули-хана, о сражении с Имам-Кули-ханом Зангане и войсками Калхора и других местностей Керманишахана, о победе и

битве с армиями... (Этот пространный подзаголовок не закончен и вклинивается в предложение текста сочинения, но написан теми же чернилами и из текста не выделяется в отличие от других подзаголовков)

В 116171748 г. ⁵³ Хасан 'Али-хан назначается Ибрахим-шахом ⁵⁴ валием Курдистана. Субхан-Вирди-хан выехал в Хамадан и там отвечал посланцу судьбы: «Я готов!» Его тело привезли и предали земле на [горе] Шейда ⁵⁵. Вилайет Курдистана достиг в целом благополучия. Хасан 'Али-хан собрал отряд из афганских племен и еще несколько отрядов. Курдистан стал процветать.

В это время стало известно, что в Керманшахане взбунтовался Имам-Кули-хан Зангане ⁵⁶. Подробности этого краткого [сообщения] таковы. Имам-Кули-хан возгордился многочисленностью [своего] войска — /49a/ он собрал большую армию из калхоров и других племен [и] отряд из племен Керманшахана и обнаружил полную [боевую] готовность — и с бесчисленным войском и неисчислимой армией из бахтиар и других *таифе* той области, с артиллерией и *замбураками* ⁵⁷, с многочисленным оркестром литавристов и телохранителями без счета пошел на Курдистан. Хасан 'Али-хан с отрядами, что у него были, тоже ступил на ристалище отваги и поспешил встретиться и сразиться с врагом. [137]

Встретились противники в ущелье Билавар ⁵⁸, с обеих сторон выровняли ряды и, испросив от бога помощи, так разожгли пламя битвы пушечными и ружейными выстрелами, что урожай жизни многих сгорел в нем от огня несправедливости. Славные юноши, исполненные жизни, пропали в стране небытия.

Жители Курдистана устремились в тот огонь и пламя подобно саламандрам, [совершая] мужественные атаки и [нанося] смелые удары, и перебили много [зенгене]. /49б/ После сражения они бросились на их центр и заставили отступить. Зенгене острыми шпорами погнали [своих] быстрых скакунов и обратились в бегство. Победоносные герои захватили много пленных, а добычи и добра без счета. Ветерок победы и торжества овеял войско Хасан 'Али-хана. Артиллерия, *замбураки*, литавры, [все, что к тому] прилагалось, и палатки зенгене достались героям Курдистана.

Некоторое время [Хасан 'Али-хан] занимался там дележом богатств и сбором налогов и, кроме [того], завладел Керманша-ханом, Динавером, Боруджирдом, Гульпайганом, Малаиrom, Каззазом, Фараханом и их окрестностями. Тем временем везир Багдада назначил Салим-пашу правителем Бабана, и прежний правитель Бабана Халид-паша ⁵⁹

бежал и обратился за помощью к Хасан 'Али-хану. Хасан 'Али-хан помощи ему не (?) оказал и повязался поясом решимости, чтобы оказать отпор Салим-паше Бабану.

[Хасан 'Али-хан] выступает из Сенендеджа в Мариван. /50a/ В помощь Салим-паше от багдадского везира тоже прибыли Кахйа ⁶⁰-паша, *хашам-агаси*, правитель Мосула, племена арабов и неисчислимые войска. И Куч-паша (В тексте: **Вукух-паша**. Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, с. 49), правитель Коя, также помогал ему и содействовал.

Противники встретились на Мариванской равнине. Когда они выровняли [свои] ряды и обратились к мечам и копьям, дело кончилось сражением. И поднялось такое пламя битвы, что огонь его воспламенил [всю земную] сферу и устремился к четвертому небу. От блеска сверкающего меча и молний огнеметного оружия.

Стихи

Чело у всех богатырей [стало желтым], как будто [его покрасили] резедой,

Лица у всех героев (В тексте: *** Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, с. 49) были цвета мышьяка.

Войско Курдистана потерпело поражение. Хасан 'Али-хан бежал и направился к Азад-хану. Салим-паша вступил в Сенендедж и там остановился. [Начали] притеснять знать и вельмож [138] и разорять город (В тексте: «место»). [Салим-паша] тоже обратил чело надежды к Азад-хану и преподнес ему в дар большую сумму денег. Возалкав власти и богатства, тот забыл про стыд, честь /50б/ и совесть. Побуждаемый былой ревностью и пристрастием, [Азад-хан] Хасан 'Али-хана арестовал и сместил. Азад-хан, таким образом, по [своей] алчности обесчестил себя, Хасан 'Али-хана заковал в кандалы и закованного препоручил Салим-паше, передав ему, помимо Бабана, грамоту на управление Курдистаном ⁶¹.

[Салим-паша] по возвращении и приезде в вилайет казнил Хасан 'Али-хана, а сам утвердился во вверенной ему области. Халид-паша обратился за помощью к валию обители мира — Багдада и прибег к покровительству его порога. Тот передал ему вилайет Бабана, и Салим-паша поспешил к Азад-хану жаловаться. Тогда воспользовался благоприятным моментом Карим-хан Занд, разграбил город Сенендедж и разорил. После грабежа и разорения подонки и чернь подожгли Сенендедж, и жители Курдистана были вынуждены правителя Бабана /51a/ из вилайета прогнать, [а] правителем вилайета вместо курманджа поставили Карим-хана, брата Хасан 'Али-хана ⁶². Пред святым и великим

богом мир ничтожен, лишен ценности и достоинства презрения — земля принадлежит Аллаху, он завещает ее тому из рабов своих, кому пожелает.

Карим-хан б. 'Аббас-Кули-хан

Когда Карим-хан определился во дворце правления, он воистину нагадил (**В тексте употреблено грубое, чуждое литературному языку слово**) на трон власти. Благодаря жалкой (**В тексте слово *** «злосчастный, жалкий» употреблено дважды, по-видимому, для усиления впечатления.**) его особе вилайет стал приходить в запустение. Страну его зловещее появление привело в тревогу, человеческие сердца исполнились печали, лица у людей поблекли. Высшие и низшие страдали от его бездеятельности, сердца благородных и знатных истекали кровью. Дальние и ближние от его дел испытывали скорбь и горе, курдов, турок и таджиков его поведение огорчало и печалило. Дурное от прекрасного он не отличал, разницы между хорошим и плохим не делал, вкусил [мирских] благ (**Букв. «хлеба и воды»**) и опозорил весь мир. Прах на голову Курдистана, что и Карим-хан взялся за дела правления /516/ и предал огню собственную душу и очаг [всей] вселенной! Не должно никому рассчитывать на великодушие Великодушного, пропала надежда на милосердие милосердного бога. **[139]**

[Полустишие]

У этой престарелой невесты тысяча женихов.

Будучи человеком ни к чему не пригодным, [Карим-хан] направился в Шамиян, там скитался и испустил дух.

[Стихи]

Трон Йусуфа где станет [местом] охоты на волка?
Жилищу 'Исы зачем становиться пастбищем ослов?

Рассказывают, как-то ночью один из людей знатных и уважаемых (?). отправился к кому-то в дом, чтобы что-то украсть. Хозяин дома схватил вора и привел к Карим-хану. Тот тотчас вора отпустил, а хозяину дома отрезал уши. И такого рода поступков он совершил много. Воистину, бесчестная судьба и небеса, покровительствующие ничтожным людям и ласкающие подлецов, подобных глупцов выводят из-за покровта таинственности и из угла потаенности пред очи зрячих.

[В преданиях] о падишахах древности рассказывается. Достиг один [человек] трона государя и короны падишаха. /52a/ Обделенный умом, он возомнил себя повелителем семи континентов. В день приема он разделил свою державу между *мулазимами*, и благодаря блюстителям его приказов и запрещений за четыре стены [его] крепости нельзя было сделать и шага. Иного дела, кроме оберегания своей [особы], в том городе во [время] своего правления он выполнять не мог.

Однажды [ехал] купец с караваном. В пути его имущество похитили разбойники. Пришел он искать справедливости к порогу государя, рассказал падишаху о разбойниках, пожаловался. Тот у него спросил: «Ты откуда?» [Купец] сказал: «Из Хиндустана». [Падишах] тут же приказал написать на его имя грамоту на управление государством Хиндустан. Поскольку чиновники знали про его безрассудство и глупость, никто ему не сказал, насколько это бессмысленно. И что ты скажешь об этом, один из приближенных [ему] доложил: «Ты изволил назначить этого купца правителем Хиндустана, теперь ему нужно снарядить войско и утвердиться /52б/ с помощью войска и отрядов». Слова произвели на этого глупца впечатление, дал он тому купцу большую сумму [денег] и отослал его — пусть себе едет и управляет Хиндустаном.

Хотя во все времена разновидность глупцов одним человеком не ограничивается, некоторые из таких людей почитают себя мудрецами, и дела их в полном порядке. И есть много таких, которые умом и ученостью Платоны [своего] времени, разумением, мудростью и познаниями единственные на [всю] вселенную, а [140] нуждаются в пропитании на один вечер и в пище на один день ⁶³.

[Стихи]

О, подлое небо! Я твоя жертва!
Победу оно дарует ловкачу,
Перед антихристом ставит алтарь,
Златотканую попону кладет на осла,
[Птице] Хумай жалует горсть костей,
Муху наделяет силой дикобраза.

«У него власть над всем и к нему вы возвращены будете» (Коран, XXVIII, 70). Хвала господу! Посмотрите на [этого] бедняка, откуда и куда я попал, на какое ристалище в сомнении направил [свое] перо! От злодеяний Карим-хана /53a/ кто благоденствует? Пальцы неистовствовали до такой степени, что поводя обратились с мольбой к твоей деснице, наездник, и [конь] скачет в пустыне изумления.

[Стихи]

Где был я, куда попал теперь?
Выпали из моих рук поводья речи.

Поскольку из племени бани арделан никого достойного должности валия не было, возымели дело с презренным Карим-ханом и обратились к его посредничеству, пока не появился тот, кто достоин правления.

Хусрав-хан, сын Хан Ахмад-хана, в те времена отсутствовал, и того, кто бы стал валием области, не было. Хусрав-хан же в молодости находился на службе у Мухаммада Хасан-хана Каджара ⁶⁴. В 1170/1756-57 г. Карим-хан направился в потусторонний мир, и на вилайет Курдистана стали притязать [сразу] двое: Салим-паша и Сулайман-паша [Бабаны]. Оба шлют с посыльными послания и дары Мухаммаду Хасан-хану. Хусрав-хан, уяснив дело, поспешил к Мухаммаду Хасан-хану /536/ и обратился первым ⁶⁵.

[Мухаммад Хасан-хан] говорит в ответ: «Ты плохо знаешь Мухаммада Хасана. Я не такой человек, чтобы закрыть глаза на позор и бесчестье и продать вилайет чужим. Вилайет я отдам лишь тому, кто имеет право. Будь спокоен за все!» ⁶⁶. [Мухаммад Хасан-хан] тут же бабанским посланцам отказал, возвратил им подарки и отослал их в Бабан. На имя Хусрав-хана он начертал грамоту на управление Курдистаном, [пожаловал ему почетный] халат и изволил направить его в те края. [141]

Грациозная поступь серого коня благоухающего амброй калама на странице ристалища описания и упоминания Хусрав-хана [Бани] Ардалана, валия Курдистана, повелителя и правителя прилегающих [округов] и той области, его деяния и события, с ним [связанные], в той отмеченной покоем [стране] силою... ⁶⁷

В 1170/1756-57 г. Хусрав-хан вознес знамя славы и отваги /54a/ и прошествовал на престол эмирата и управления вилайетом. Область предана огню, работы не ведутся (Букв. «не сделаны»), деревни разрушены, подданных не найти, знатных и благородных нет, великий и малый в смятении, жители вилайета пали духом, все сущее в унынии.

Жилищем для его высочества и для слуг валия служило место величиной с одну розу на дорогом ковре (Чем дороже ковер, тем изящнее и тоньше рисунок) — в тех окрестностях можно было [обнаружить] лишь крепость Хасанабад и [ее] обитателей. Не имея [другого] места и будучи неподготовленным, [Хусрав-хан] отправился в крепость Хасанабад и там остановился.

Мерами благоразумия он собрал тех, кто [вилайет было] покинул, и обласкал тех, кто остался, поощрил строительство и земледелие, за короткое время вообще превратил вилайет в [область] населенную и процветающую и осенил [своей] милостью и благодеяниями ближнего и дальнего (Букв. «темя ближнего и дальнего»). Когда утвердился [Хусрав-хан] во дворце правления и власти, область стала процветать и оживилась, /546/ над теменем самого великого и ничтожнейшего воссияли лучи света его благосклонности, положение райийтов и подданных украсили его всемилостивейшие пожалования. Он стал наводить порядок в делах вилайета, [занялся] благоустройством райийтов и благосостоянием жителей и обитателей и облегчением участи населения в той области, осенив бедняков вилайета [своею] милостью и щедротами.

Все и вся украсили грудь и плечи попоной послушания и покорности ему, а шею и уши — ошейником рабства и самозабвенной преданности, кроме Хусрав-бека и Михр 'Али-султана, гордых своим *илем* и *таифе* и [своими] способностями. Они пренебрегли покорностью и вышли из повиновения, дерзко подняли головы (Букв. «шеи»). Своим [поведением] они обидели Хусрав-хана.

Поскольку в те времена положение в вилайете было трудным и остальные дела пребывали в расстройстве, а всякий раз, когда валий хотел принять меры и разумно помочь делу, им это не нравилось, /55a/ [Хусрав-хан] повязался поясом решимости для их [142] устранения. Со всей независимостью он засел в крепости, чтобы каким-либо способом перерезать нить их жизни, а самому избавиться от заботы.

В 1172/1758-59 г. [Хусрав-хан] выехал из крепости, чтобы погулять, поохотиться и поразвлечься в долине и в горах. Он спустился в низину и пригласил [к себе] Михр 'Али-султана и Хусрав-бека. Каждый, кто не поспешит в делах на помощь, есть предатель и трус. Радивому нечего бояться, а предатель всегда в страхе — в душе [у него] ужас и боязнь за свои бесплодные деяния, на сердце — тревога и беспокойство. И они рассудили так: если одному из них пойти к Хусрав-хану, другому [следует] остаться дома; или один оставит крепость, а другой в крепости останется. Поэтому Михр 'Али-султан отправился к валию, а Хусрав-бек под каким-то предлогом принес извинения и засел в крепости, чтобы таким образом горстью щепок преградить путь потоку событий (Букв. «потоку и событиям»).

/556/ Хусрав-хан, прогулявшись по тем горам и долинам, останавливается, чтобы позавтракать и отобедать, и там приказывает заключить Михр 'Али-султана под стражу и

посылает в крепость несколько человек схватить Хусрав-бека. Хусрав-бек по присущей ему гордости мнил себя вторым Рустамом. Он не дает себя арестовать, вступает в бой и драку, и его убивают. Его голову от тела отрезали и доставили к Хусрав-хану. После того как был убит [Хусрав-бек], приказывают казнить Михр 'Али-султана [и] ударом острого меча его тоже отсылают в страну небытия. Благодаря величайшей [своей] мудрости Хусрав-хан в делах правления достигает [полной] независимости.

В 1172/1758-59 г. Азад-хан Афган решил покорить Курдистан. [Хорошо] подготовленный, с неисчислимыми войсками — все при [боевой] готовности и снаряжении — он вступает в Курдистан и идет к подножию крепости, на Хусрав-хана. /56a/ Тот хотя и засел в крепости, однако крепостные ворота закрывать не стал. Несколько дней Азад-хан бродил у крепости, а Хусрав-хан преспокойно пускал на Азада ветры.

[Хусрав-хан] послал к нему личного стремянного Мухаммад-аку, дабы отправленным [с ним] письмом привести его в полное смятение и заставить возвратиться к себе на родину. Он повелел ему передать: «Если ты пробудешь здесь год и будешь занят осадой крепости, если весь обратишься в огонь и сожжешь [даже] себя, если поднимешь все ветры, [и тогда] не сможешь разжечь [в крепости] пламя и [даже] единую искорку; если обратишь все в прах, [и то] до крепости не достанешь; если все обратишь в воду, и то не сможешь эту крепость окружить. Лучше сразу отказаться от всего и увещать себя [такими словами]: «...и мы будем [143] несчастны» (Коран, VII, 22), [чем] стать скитальцем в долине бедствий и чужим в любой стране. Итак, какой смысл выполнять дело никчемное, неуместное /56b/ и неосуществимое?»

Мухаммад-ака по приезде туда говорит Азад-хану, вручая послание: «Так повелел Хусрав-хан». Тот же после беседы заявляет: «Прах на голову Азада, что Хусрав так [посмел ему] приказать!» Так он ничего и не добился и, услышав такие обидные слова, пристыженный и обиженный возвратился назад.

Хусрав-хан управлял вилайетом шесть лет, преисполненный величия и великолепия независимости, пока в 1176/1762-63 г. повелителем в Иране и главой в государстве не стал Карим-хан Занд. Сулайман-паша Бабан послал Карим-хану послание и достойный дар, и тот передал ему грамоту на управление Курдистаном ⁶⁸. Воистину, да помилует владыка обитателей мира Мухаммада Хасан-хана за то, что он обладал благородством и рвением, каковых не было у Карим-хана. Азад-хану не следует препятствовать (Смысл предложения остается неясным).

Как бы то ни было, /57a/ Сулайман-паша занялся делами правления и Сенендедж с относящимися [к нему округами] присоединил к Бабану. Он то проживал в Сенендедже, то правил в Бабане, пока в 1177/1763-64 г. не погиб от руки некоего Факих Ибрахима. Ему наследовал его брат Мухаммад-паша. Он стал править в Бабане, а 'Али-хан, сын Сулайман-паши, остановился в Сенендедже.

Хусрав-хан после смещения некоторое время находился при Карим-хане, и снова тот назначил его правителем вилайета и направил в Курдистан. [Хусрав-хан] осенил [своим] прибытием население вилайета, и справедливость восторжествовала (Букв. «утвердилась в своем центре»). Ангел-провозвестник произнес: «Скажи: пришла-истина и ложь исчезла...» (Коран, XVII, 83).

Когда наступил 1191/1777 год, повелитель Рума приказал валию обители мира — Багдада послать на вилайет Курдистана целое сборище для отмщения, и тот направил в Курдистан в помощь Мухаммад-паше Бабану неисчислимую армию из войск Багдада, Мосула и той страны /57б/ и многочисленные отряды из аширатов и арабов.

Мухаммад внезапно и без предупреждения появился в Мариване с войсками без границ и числа. Когда эта весть распространилась в Курдистане и о том, что произошло, сообщили Хусрав-хану, он никуда и ни к кому не пошел за помощью, не просил у чужих содействия. Он бесстрашно напал с теми отрядами, что [144] у него были, и настиг их в Мариване. В дороге к нему примкнуло немного гяррусцев и афшар. Хотя он полагал, что их присутствие станет причиной его поражения, возвращать их назад он посчитал неразумным.

[Хусрав-хан] подошел к берегу Мариванского озера, встал напротив [войск] неприятеля и построил [свои] ряды. Когда [войска] построились и обнажили копья и мечи, с обеих сторон стали стрелять из пушек и ружей, подобные драконам и леопардам

[витязи] разожгли пламя битвы и начали /58a/ сражение. Гяррусцы и афшары предпочли бежать, и войска Курдистана, видя такое положение, неизбежно пали духом и расстроились. Небольшая часть была перебита, многие — захвачены в плен, а остальные, как и положено воинам и слугам [своего] господина, вместе с Хусрав-ханом прибыли в Сенендедж.

Мухаммад-паша и войска Рума дальше того места продвигаться не стали, остановились в том Гульзамине ⁶⁹. Страхась и опасаясь государя Ирана, они скитались в долине

растерянности, стыдясь содеянного, [направили] послов и послания, написали письма с извинениями и призвали к миру и благоразумию. Они освобождают пленников [и] со всеми почестями и уважением направляют в Сенендедж и снова испрашивают извинения.

Хусрав-хан все подробно изъяснил Карим-хану и сообщил ему о случившемся. [Когда Карим-хан] услышал эти слова, огонь его гнева возгорелся так, /586/ что искры от него поднялись до [звезды] Альтаир, а море его возмущения и ярости закипело и взревело. Он приказал призвать победоносные войска. Своего брата Садик-хана ⁷⁰ с незначительным числом людей [Карим-хан] послал на Басру, Назар 'Али-хана Занда с большим отрядом — через Менделидж на Багдад, Зулфикару Хамсе поручил [выступить] от Саккыза и Бане, а Калб 'Али-хана назначил с 'Али Мурад-ханом ⁷¹ и послал через Сенендедж.

Садик-хан прибыл в Басру и покорил ее; Назар 'Али-хан тоже завладел теми пределами — до Багдада [ему оставалось] шесть фарсахов. Все он подверг грабежу, набегу и плену, [добычу] доставил в Шираз. Награбили много, и победоносным витязям достались неисчислимые богатства и пленники. Калб 'Али-хан и 'Али Мурад-хан вместе с Хусрав-ханом пошли на Бабан. Мухаммад-паша покинул вилайет и /59a/ предпочел бежать, будучи не в силах оказать сопротивление. Те районы до Хурмату они подвергли набегам и разорению. Победоносные храбрецы захватили много пленных, добычи и богатств — без счета. Среди захваченных в плен в тех областях [было] более двух тысяч непорочных **[145]** девушек. [Герои] дошли до Фарса, побережья и прибрежных городов.

Хусрав-хан обрел в делах власти и правления независимость, пока в 1193/1779 г. Карим-хан не был принят под сень господней милости. На его месте воссел 'Али Мурад-хан и в обители знания — украшении рая Ширазе возвестил о чекане монет и чтении *хутбы* со своим именем.

В том же году взбунтовался Зулфикар-хан Хамсе ⁷², ['Али Мурад-хан] с ним расправился и обрел в делах царствования независимость. Жители Курдистана направились [к 'Али Мурад-хану] с жалобой. 'Али Мурад-хан сместил Хусрав-хана и передал почетный халат валия Курдистана сыну Субхан-Вирди-хана Кахзад-хану. В то же самое время дела 'Али Мурад-хана расстроились, а войско его разбрелось /59б/ и рассеялось «подобно разогнанной саранче» (Коран, LIV, 7).

Хусрав-хан и его брат Риза-Кули-хан тоже вслед за Кахзад-ханом вступили в Сенендедж. Кахзад-хан [со своими сторонниками] бежал, Хусрав-хан бросился вслед за ним, настиг их в деревне Сурхе-Тут и всех разорил и ограбил. Кахзад-хан с небольшим [числом людей]

обратился за покровительством к Бабану и курманджам. Владелец Бабана Махмуд-паша его прибытие воспринял с радостью — в это время его братья Мухаммад-паша и 'Умар-бек подняли знамя вражды, от страха бежали и укрылись у Хусрав-хана. Махмуд-паша распахнул врата согласия и единения и преградил путь вражде и раздору, направив посланцев [к Хусрав-хану]. [Он обещал] отправить в Курдистан Кахзад-хана, [с тем чтобы] валий отослал в Бабан Мухаммад-пашу и 'Умар-бека.

Оба выполнили обещание и [пленников] отправили. Махмуд-паша обоих своих братьев сразу по [их] прибытии убил, а Хусрав-хан Кахзад-хана изволил обласкать. Те, что /60a/ бежали с Кахзадханом, отряд за отрядом обратились за покровительством ко двору Хусрав-хана, кроме Мухаммада Рашид-бека вакила. Тот . прибег к помощи валия Багдада, а через год — к покровительству 'Али Мурад-хана. ['Али Мурад-хан] поручил своему (?) брату Джа'фар-хану ⁷³ истребить и уничтожить Хусрав-хана, а грамота на управление [Курдистаном] была выдана на имя Риза-Кули-хана.

Хусрав-хан, услышав это известие, отправился со считанным числом [людей] в путь и обратился к 'Али Мурад-хану, а его сын Хан Ахмад-хан выехал в Шахризур и Бабан с семьей, сторонниками и с группой вельмож и знати. В 1194/1780 г. Риза-Кули-хан отправился вслед за Хан Ахмад-ханом в Авроман, а Джа'фар-хан [146] прибыл в Сенендедж и проявил присущую (Букв. «необходимую») [ему] грубость. По той причине население Курдистана пришло в отчаяние и все рассеялось.

Хан Ахмад-хан остановился в Шахризуре, Лутф 'Али-хан и Кахзад-хан озарили лучами прибытия Керманшах, Риза-Кули-хан отбыл в Урмию. /60б/ Тем временем стал претендовать [на власть] Имам-Кули-хан и тотчас по прибытии Риза-Кули-хана вознес знамя правления. Он счел себя достойным шахского титула и ступил на ристалище отваги, забил в литавры миропокорения и вознес знамя решимости, со всем войском повязался поясом неколебимости для устранения Зендов и, заломив шапку мужества, повернул на Исфахан.

'Али Мурад-хан выступил, а Имам-Кули-хан возвратился назад; Джа'фар-хан бежал из Сенендеджа, Риза-Кули-хан в Сенендедж прибыл. Семнадцать дней спустя в Сенендедж прибыли Лутф 'Али-хан и члены ханского рода (В тексте: «господа, их высочества»), поддержанные войском Керманшахана и племенами мухаммед-рашид-бек. Риза-Кули-хан в то время был ранен и, будучи при смерти и в безжизненном состоянии, направился в

Гяррус. [Там] он убрал пожитки из [этого] бренного обиталища и прибыл во дворец вечной [жизни].

[Со] времени прибытия Хусрав-хана в Исфахан [прошло] шесть месяцев, [но] 'Али Мурад-хан ему милости /61a/ не оказал и не принимал, пока не услышал про поведение Лутф 'Али-хана и Риза-Кули-хана. Он был вынужден призвать Хусрав-хана, пожаловал ему почетный халат и грамоту на управление вилайетом и, [осыпав] беспредельными щедротами, оставил его при себе заложником. Для Хан Ахмад-хана, сына Хусрав-хана, ['Али Мурад-хан] послал грамоту о [назначении] наместником (*наибом*), с почетным халатом.

Когда Хан Ахмад-хан приехал в Сенендедж, Лутф 'Али-хан с вельможами и знатью встретил Хан Ахмад-хана. [Хан Ахмад-хан] прибыл и занялся обязанностями *наиба* и делами правления, обнадежив всех жителей вилайета.

По причине неустроенности население Курдистана подати не платило. Дабы взыскать подати, 'Али Мурад-хан послал в Курдистан Джа'фар-хана во второй раз. По прибытии тот обрушил на жителей вилайета огонь насилия и угнетения, раййаты и подданные рассеялись и разбрелись. О том, что произошло, стало известно 'Али Мурад-хану. /61b/ Он призвал Джа'фар-хана к себе и в 1199/1784-85 г. отпустил Хусрав-хана.

Хусрав-хан прибыл в Сенендедж, увидел вилайет в таком состоянии и, будучи не в силах исправить [положение], стал уповать на волю [всевышнего]. Через четыре месяца стало известно [147] смерти 'Али Мурад-хана. Жители Курдистана обрели новую жизнь и обрадовались безмерно, все беглецы поспешили в свои жилища. В общем наступило благоденствие.

В 1199 г. (В тексте: 1119 г. Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, с. 68) Аллах-Кули-хан поднял голову из воротника безвестности (Букв. «тьмы») и стал претендовать на царство. Им овладела жажда покорения стран, он возгордился (Букв. «гордо дунул на усы») и первым делом [решил] завоевать Курдистан. [Аллах-Кули-хан] подготовил отряд из войска турок и призвал к себе на помощь целое сборище из других окрестных и соседних племен. Один отряд он набрал из *хашамов* и курдов. Часть племени мухаммед-рашид-бек тоже /62a/ была с ним заодно. [Аллах-Кули-хан] привлек себе в помощь много [людей] чужих и [проживающих] за пределами его вилайета и собрал войска из зенгене, турок, калхоров и других племен, с пушками, *замбураками*, литаврами, барабаном и знаменем. Он пошел через Динавер ⁷⁴ на Курдистан с бесчисленной армией,

конниками и стрелками — [всего] более тридцати тысяч. Забили в литавры и подняли знамя, стреляя из *замбураков*, прошли через Динавер.

Когда Хусрав-хан прослышал известие о прибытии Аллах-Кули-хана, от такого [его] поведения он разорвал одежду терпения и смирения, возопил, как свирепый лев, и сказал: «Как может подобать такому человеку падишахство и подобной личности — царский титул и [вершение] правосудия? Если воссопутствует [мне] божья милость и окажут помощь души обитателей обители пророчества, ударом блестящего меча я выбью из его мозга [этот] замысел и затопчу ногами бесстрашных героев землю Керманшахана!»

/626/ Преисполнившись решимости и хладнокровия, [Хусрав-хан] на крыльях поспешания выступил с незначительным войском (В тексте: «войсками») согласно [изречению]: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения по изволению божию» (Коран, II, 250). Остановился он на одной стоянке, пересчитал там свое войско — было у него триста конников, но каждого он посчитал равным герою Рустаму и безжалостной смерти. Словом, на следующий день Аллах-Кули-хан, гордый многочисленностью своего войска и обрадованный малочисленностью войска Курдистана, решил, что ему самолично участвовать в сражении не стоит. Он назначает и отсылает целый отряд со знатными людьми из Курдистана, дабы к тому времени, когда он к ним присоединится, те не [148] оставили от Курдистана ни района, а Хусрав-хана со связанными руками и остальных пленников привели к нему.

Когда [противники] подошли друг к другу ⁷⁵, небольшой отряд из авангарда Хусрав-хана, возглавляемый Мирза Йусуфом, /63a/ погнал коней на ополчение зенгене и атаковал их с возгласами: «Все будут разбиты и унесут свой зад!» От пыли с поля [брани], от блеска мечей героев и густого дыма отец не узнавал сына (В тексте: ***. Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, с. 69).

Зенгене понесли поражение [и] бежали в свои области, войско [Хусрав-хана] — за ними следом. И для них, впавших в расстройство, настал тот день, «когда человек побежит от своего брата» (Коран, LXXX, 34). Одних лишили коня и снаряжения, других с тысячей обид и оскорблений повернули назад и привели к Хусрав-хану.

Аллах-Кули-хан, получив эту весть, сам поспешил с многочисленными войсками навстречу [Хусрав-хану]. Когда [противники] встретились, [Аллах-Кули-хан] изучающе обозрел войска Курдистана — многочисленность его [армии] рядом с их малочисленностью напоминала каплю рядом с Оманским морем. [Войско Хусрав-хана]

кажется [Аллах-Кули-хану] весьма жалким, и он полагает, что это дозорные, а войско [идет] следом. Справился еще раз, как обстоит дело. Сказали: «Так и есть». /636/ [Тогда], преисполнившись гордости, [Аллах-Кули-хан] произнес: «Если истинное положение дел таково, то в Керманшахан таких бродяг каждый день прибывает втрое больше. От этой горстки воинов какой прок? Да если все они подобны морю огня, сражение с ними кого (Букв. «**каким образом**») воспламенит? Если [даже] все они полководцы, [равные] Афрасиабу, бейте, убивайте, хватайте и ведите [их ко мне]!» [Так] говорит он направо и налево (Букв. «**на обе стороны**»).

Атаковали. От ружейных выстрелов и пушечных [залпов], от грохота громоподобных пушек поле брани уподобилось красителю; от грозных звуков литавр поверхность земли стала походить на эбеновое дерево; воздух воссиял от блеска мечей и копий; от крови зенгене и калхоров поле битвы зарозовело, как цветник. Едва отведали удара курдистанской десницы, [а] с поля [брани] не спасся ни один из румийцев. Подобно тому как голодный лев и хищный барс кидаются на стадо оленей и овец и их истребляют, в мгновение ока [курдистанцы] напали на войско /64a/ Керманшахана и его сокрушили. Многие погибли от меча и стрелы, другие попали в плен и были захвачены. [Курдистанцы] захватили [все], что было собрано [Аллах-Кули-ханом]: артиллерию, литавры, *замбураки*, палатки и шатры, царский шатер и царские регалии. [149]

Аллах-Кули-хана, как овцу, предал закланию некий Мирза-бек и его голову принес Хусрав-хану ⁷⁶. [Лишь] немногие полуживыми спаслись с поля брани, и победоносным храбрецам досталась богатая добыча — много мулов, денег и товаров, шатров, ковров, одежды и платья без счета, быстроногие арабские кони. Себе Хусрав-хан не взял и одного зара грубого холста (Букв. «**холста для навеса**»), чтобы [все] досталось [его] людям. В тот день все заимели палатки и шатры, стали богатыми и имущими, владельцами мулов, жеребят в домашнего скота.

Валий пожелал отдохнуть в шатре Аллаха-Кули-хана, и воины [его] обрели полное отдохновение каждый в отдельном шатре — отдохнули от тягот пути, забыли многодневную усталость и беспокойство.

Победив Аллаха-Кули-хана, [Хусрав-хан] /64b/ выпустил сокола устремления и направил знамя победы и торжества на Керманша-хан. На земле Керманшахана он разбил победоносные шатры, начал поговаривать о независимости, все усилия устремил на расправу с врагами и забил в литавры доброй славы. Хаджжи 'Али-хан, дядя Аллаха-Кули-

хана, временно исполнявший обязанности наместника, запросил пощады, преподнес достойный дар, подарил все сокровища и хранившиеся в кладах деньги, табуны лошадей и гурты скота, [принадлежавшие] Аллах-Кули-хану. Наделенный морем великодушия, Хусрав не обратил на те [дары] внимания, все разделил между нукерами и воинами. Он назначил Хаджжи 'Али-хана правителем Керманшахана, но отобрал у него Сонкор, Динавер, Саадабад и Туй-Саркан ⁷⁷, пожаловав каждый из округов одному из [своих] храбрецов. С победой и торжеством [Хусрав-хан] возвратился в резиденцию величия и славы. Под сенью его знамени собралось весьма сплоченное [войско], и он вознес знамя благополучия, возвысил наконечник /65a/ победоносного стяга до апогея [звезды] Капеллы. Его приказу и запрещению стали покорны [правители] (Букв. «блеститель его приказов и запрещений приступил к управлению») Гярруса, [племен] мукри, Хамсе и Зенджана ⁷⁸ тоже.

В 1201/1786-87 г. ⁷⁹ в Астарабаде выступил Ага Мухаммад-хан Каджар, поскольку его счастливая звезда восходила ввысь. Джа'фар-хан Занд провозгласил себя государем, остановился в Исфахане и вознес знамя отваги. Прослышав о выступлении Ага Мухаммад-хана, [Джа'фар-хан] едва успел бежать в Фарс, и Ага Мухаммад-хан за короткое время завладел всем Ираком. Он прибыл в Хамадан, желая встретиться с Хусрав-ханом.

Хусрав-хан помнил об обязанностях, [налагаемых на него] благодеяниями и щедротами Мухаммад Хасан-хана, отца Ага [150] Мухаммад-хана, которые описаны выше, и считал неблагородным не ладить с его сыном Ага Мухаммад-ханом. Но ехать к нему он тоже не решался и не осмеливался, поскольку непрестанно думал о его мощи, и /65b/ не нашел [другого] выхода, кроме как откочевать. [Хусрав-хан] подарил Ага Мухаммад-хану какую-то малость, тот удовольствовался и повернул оттуда в сторону Исфахана.

Джа'фар-хан по прибытии в Шираз собрал многочисленное войско и поднял знамя рвения, желая вернуть Исфахан. Ага Мухаммад-хан, как только об этом прослышал, возвратился в Мазандеран и Астарабад. Джа'фар-хан вступил в Исфахан без боя и сражения, возвестив о чекане монет и чтении *хутбы* со своим именем. Исма'ил-хана Занда он назначил во главе войска [для завоевания] Ирака — с сотней почестей, с конниками и стрелками из кочаков (Кочевников) и сообразительных фарсов, искусно владеющих копьем, из *илей* и бесстрашных *таифе*, вооруженных палицей, булавой и дубиной. По прибытии в подвластные [ему] районы тот забил в барабан мятежа и восстал, претендуя на царство. Джа'фар-хан выступил, чтобы оказать ему отпор, и когда [два войска] разделяли [всего]

три стоянки, среди [воинов] Исма'ил-хана началось брожение. /66a/ Они разом кинулись бежать, а Исма'ил укрылся в Гяррусе.

В 1202/1787-88 г. ⁸⁰ Джа'фар-хан направился в Хамадан и оттуда стал требовать встречи с Хусрав-ханом или с его сыном Хан [Ахмад-ханом]. Хусрав-хан ответил ему с помощью острого меча и беспощадного кинжала, который умиротворяет [и] мужественного, и малодушного. С отрядом, что у него был, он бесстрашно вставил ногу в стремя отваги и выступил ему навстречу ⁸¹. На стоянке Бахар в трех фарсах от Хамадана [Хусрав-хан] остановился, и на следующий день противники встретились.

Те два войска, два моря без конца и границ, стали стрелять друг в друга из пушек, ружей и пронзительногoлoсых *замбураков*. Поле [брани] для храбрецов стало тесным. Та исполненная смятения долина покрылась телами убитых, и сбылись [слова священного] стиха: «Воистину, это нечто удивительное» (Коран, XXXVIII, 4. Цитата из Корана приводится автором в несколько измененном виде). На лазурном небосводе стала заниматься счастливая утренняя заря, подул ветерок счастья, победы и торжества.

/66b/ После больших усилий зенды предпочли бежать, и храбрецы бросились за ними вслед. Сам Джа'фар-хан укрылся в артиллерийском обозе, превратил то место в свое надежное убежище и запросил пощады (Перевод фразы дан по тегеранскому изданию: *Лубб-и таварих*, с. 73). Хусрав-хан наипрекраснейшим пером [151] начертал на его обстоятельствах письма прощения, обошелся с ним великодушно и справедливо.

[Джа'фар-хан] выехал оттуда и направился в страну Фарс. Артиллерийский обоз, литавры, *замбураки* и царские регалии вместе с добычей, верблюдами и мулами без числа и счета, хочешь — не хочешь, достались победоносным героям ⁸². После бегства и отступления Джа'фар-хана его высочество высокодостойный валий снова остановился на стоянке Бахар и озарил ту землю лучами прибытия, разбил (Букв. «вознес») палатки и шатры, вознес купол [своего] дворца до апогея солнца и луны. Как написал поэт (В тексте: «в стихах») Махди-бек Шиккаки в победной реляции о той битве и времени ее [свершения]:

В месяце дев Хусрав с величием Бахмана

Разбил (Букв. «вознес») шатер, /67a/ подобный весенней розе;

От огня снарядов — порождений дракона

В очаге снова возгорелся огонь.

От того прославленного, солнцу подобного Хусрава (Игра слов: Хусрав обозначает и имя собственное, и «светило, солнце, властелин») Джа'фар

Предпочел бежать, уподобившись летучей мыши.

Хатиф ⁸³ при виде такой благодати

Произнес: «[Истинно], мы помогли тебе победить верною победою» (Коран, XLVIII, 1).

Разделив богатства и отпустив пленников, [Хусрав-хан] возвратился в [свою] резиденцию. [Область] от Керманшахана до Исфахана — Боруджирд, Нехавенд, Каззас, Фарахан, Гульпайган, Хансар и другие округа — перешла во владение валия.

Теперь пишущему [эти] строки пришла на память одна история. Приходит к валию тот самый поэт Махди-бек попросить [себе] денег на расходы. Валий говорит: «Какой берет ⁸⁴ сам напишешь, [такой и] приноси, и я тебе поставлю печать». Тот же пишет сначала берет на пятьдесят туманов, а сам думает: «Много я написал, [ведь] я только что получил от него вознаграждение». Пишет берет на сорок туманов, снова говорит: /676/ «Слишком», пишет берет на двадцать туманов и приносит все три берата Хусрав-хану, чтобы на одном из них тот поставил печать. Валий ему ставит печать на всех трех бератах, и [Махди-бек] тотчас получает [пожалованную] сумму полностью и целиком и тратит. [Хусрав-хан] оказал ему много благодеяний и милостей. Это одна [из них].

Как бы то ни было, Хусрав-хан после возвращения [и] победы над Джа'фар-ханом принял у себя (Букв. «привез с собой») Исма'ил-хана Занда, [152] который бежал было в страхе и ужасе, и обошелся с ним весьма ласково. Он изволил подарить ему золото и коней, снаряжение и мулов, постельное белье и шатры, ковры и посуду, денег и [всякого] добра без счета и все необходимое. [Хусрав-хан] его отпустил, и [Исма'ил-хан] отправился в путь. В пути к нему присоединилось целое сборище, подонки и чернь, кочевники, турки и кызылбаши. Он дерзко поднял знамя захвата, бесстрашно напал на Керманшахан и осадил Хаджжи 'Али-хана. Возвращенный к жизни Хусрав-ханом тот был молодым побегом, посаженным рукой высокодостоинного валия.

/68a/ Жители крепости описали Хусрав-хану, что произошло, и попросили помощи. Хусрав-хан первым делом послал к Исма'ил-хану человека и ему заявил: «Разрушать старую дружбу и закрывать глаза на обязанности, [налагаемые] милостью и добротой, — значит обрекать себя на гибель, а свою душу обращать в мишень для стрелы и копья порицания. Это не принесет вам пользы и при таких деяниях нечего надеяться на благополучие».

Эти увещания (Букв. «действия») ни к чему не привели, что Хусрав-хана [весьма] огорчило. Он приказал призвать войска и пошел на Керманшахан, вознес в [том] направлении победоносное знамя и устремил [свои] усилия на то, чтобы наказать и проучить Исма'ил-хана. Когда они подошли к ущелью, Исма'ил-хан Занд снял осаду. Они

направились в Бисутун, ожидая, что Хусрав-хан возвратится назад, а [Исма'ил-хан] снова займется осадой и штурмом крепости.

[Исма'ил-хан] там /686/ остановился, Хусрав-хан выступил вслед за ним. После одной стоянки [Исма'ил-хан] остановился снова и стал выжидать — [и так] до Сарбанд-и Силахур — то остановка, то переход. [Противники] встретились и разожгли пламя битвы и сражения. Пушечными залпами и ружейными [выстрелами] они спалили ниву жизни. Нападая и поражая, хватая и связывая, обе стороны проявили чудеса отваги.

Под конец ветерок победы и торжества подул на шелк знамени валия, а знамя счастья Исма'ил-хана было повержено. Сплоченные ряды врагов рассыпались, в замешательстве и смятении они разом бросились бежать и поспешили кто куда (Букв. «каждый в какую-нибудь страну»). Многие из них были убиты, некоторые ранеными пали на поле [брани]. Многие в безжизненном состоянии попали в плен и были схвачены, и [лишь] незначительное число [людей Исма'ил-хана] полуживыми спаслись и отправились кто куда. [Хусрав-хан] с победой и торжеством изволил возвратиться оттуда в [свою] резиденцию и вилайет.

[В это время] Ага Мухаммад-хан с многочисленными отрядами, /69a/ огромной и неисчислимой армией и большим войском во [153] второй раз пожелал завоевать Курдистан и снова прибыл в Хамадан. О его действиях прослышал Хусрав-хан. Еще раз выехал [Хусрав-хан] из Сенендеджа, [обратился] к нему через послов и послания. После многочисленных обсуждений и продолжительных переговоров он отослал ему незначительный подарок и направил к нему Лутф 'Али-хана ⁸⁵. [Ага Мухаммад-хан] взял его с собой как заложника, вознес знамя устремления в сторону Тегерана и выступил. В 1203/1788-89 г. ⁸⁶ он отпустил Лутф 'Али-хана, [пожаловав ему] дорогие халаты и милости прекрасные, как солнце, заверил его и условился, что Хусрав-хан вместе со своим сыном Хан Ахмад-ханом придут к нему, [исполненные] спокойствия и упования. «Кроме как принять их и после встречи обласкать, иного намерения я не имею», — [заявил Ага Мухаммад-хан].

Лутф 'Али-хан прибыл в вилайет [Курдистана]. Когда наказ и послание были переданы, Хусрав-хан решил встретиться с Ага Мухаммад-ханом и устроил совещательное собрание — /696/ «когда решишься на что, советуйся с ними о делах» (Коран, III, 153).

Посоветовавшись, [Хусрав-хан] решил собрать в дорогу и послать своего сына Аманаллах-хана с сыном Лутф 'Али-хана' Хасан 'Али-ханом. С ними вместе он отправил в путь Мирза

Ахмада везира и всех отослал к Ага Мухаммад-хану, а для себя решил поспешить на службу к Ага Мухаммад-хану до наступления весны с подобающими приготовлениями и бесчисленными дарами.

За какое-то [время Хусрав-хан] подготовился к поездке и отправился в путь. Преодолев стоянки и переходы, он прибыл к государю. Тот встретил его с почестями и милостями, доставил в Тегеран, призвал на пиршество, [на котором сам] присутствовал, и посадил среди избранных. Каждый день он проявлял к нему расположение каким-либо подарком и возносил его подобающей милостью, пока не прошло какое-то [время]. Хусрав-хан заболел ⁸⁷. Его сын Хан Ахмад-хан выполнял в вилайете обязанности *наиба* и стал полно[властным] правителем.

В 1204/1789-90 (В тексте: 1240/1824-25) г. /70a/ сообщают, что подошло бесчисленное собрание безбожников-билбасов и собирается напасть на границы Курдистана. Хан Ахмад-хан с небольшим отрядом пошел в Салар и Хубату на то злонравное племя, чтобы ту (Букв. «их») смуту усмирить. Встреча [противников] закончилась битвой и сражением. После долгих боев, схваток и убийств без счета билбасам нанесли позорное поражение. Большинство [из них] было перебито, многие [остались] на поле [брани], израненные и униженные, другие были захвачены и попали в плен. Немногим посчастливилось полуживыми спастись. Они предпочли бегство и бежали. [154]

Во время схватки, сражения и бегства того племени злоумышленников Хан Ахмад-хан был смертельно ранен стрелой и там же через два часа вручил душу ангелу смерти. Его тело оттуда взяли, привезли в Сенендедж и [затем] — к гробницам имамов. Там он [и] похоронен.

Благородные и знать /70b/ послали Ага Мухаммад-хану четыре лошадиных (В тексте: *** «выюк мула») выюка голов тех злосчастных и сообщили ему про убийство Хан Ахмад-хана. Болезнь Хусрав-хана становилась все тяжелее, и надежды на жизнь не осталось. [Ага Мухаммад-хан] послал почетный халат валия Курдистана Лутф 'Али-хану.

Украшение розария изъяснения лопатой (sic!) пера при [описании] качеств Лутф 'Али-ха[на] б. Субхан-Вирди-хана.

Лутф 'Али-хан, утвердившись в 1204/1789-90 г. на троне власти и правления, отослал к Ага Мухаммад-хану в качестве заложника своего сына Хасан 'Али-хана и заложил устои правосудия и справедливости. Воистину, он [был] эмиром справедливым, [исполненным]

величия и могущества, и правителем, говорившим [только] правду, от кого никто не слышал ни слова лжи и не получал лживых и противоречивых обещаний. Премудрый и совершенный, управлял он по справедливости и совершил достойные деяния. Каждого на его месте он признал и дело каждого разрешил в меру своих сил (Л.71а не заполнен текстом, л. 71б повторяет, за исключением нескольких слов и заглавия, л. 70б), /71б/ уважал ученых и просвещенных, знатными благородным оказывал милости и благодеяния.

/72a/ [Лутф 'Али-хан] был [наделен] совершенною мудростью, разумом и рассудительностью, не имел себе равных в красноречии, мужестве и отваге, смелости и неустрашимости, был весьма красноречив в разговоре и беседе. Он совершил много похвальных и одобряемых деяний, однако в щедротах, великодушии и в награждении проявлял сдержанность. Меньшую [часть] времени он проводил, смакуя [из] стаканов ароматные вина и наполняя пурпуром [чаши]. Глупцов и невежд он в свой меджлис не допускал, управлял и занимался делами жителей вилайета, ближних и дальних [районов].

Когда [Лутф 'Али-хан] утвердился на троне власти, он не стал отменять обычаи, законы и порядки Хусрав-хана и следовал тем же путем, пока в 1205/1790-91 г. Хусрав-хан не отбыл из мирского обиталища и не возвратился во дворец вечной [жизни]. Птица его души воспарила в райские сады. Его тело доставили из Тегерана на носилках, отвезли к гробницам имамов и там предали земле. [155]

В 1206/1791-92 ⁸⁸ г. Лутф 'Али-хан /72б/ был направлен во главе войска в Хузистан и по прибытии в те округа завладел всеми областями без битвы и сражения. Он собрал их подати и подарки, а здешних правителей со всеми их шейхами и предводителями послал к Ага Мухаммад-хану с подобающими дарами и бесчисленными [подношениями] деньгами и натурой. Наладив дела в тех пределах, [Лутф 'Али-хан] отбыл в Курдистан.

Правитель Бане Ахмад-султан, часть [племени] авроми и жителей Маривана начали бунтовать и своевольничать, направили послание к владельцу Бабана 'Абдаррахман-паше ⁸⁹, с ним сговорились и стали посягать на границы [Курдистана]. Ахмад-султан вознес знамя вражды и ступил на путь несогласия, закрыл врата послушания и поднял голову упрямства. Себя он посчитал подобным Афрасиабу Турку и, не обращая внимания на Лутф 'Али-хана, забил в барабан мятежа и вознес выю вражды.

/73a/ О том, что произошло, прослышал Лутф 'Али-хан. Несмотря на то что стояла зима, войско разбойника-дея (Название десятого месяца иранского солнечного года,

соответствует 22—23 декабря — 20—21 января) было сильным и могучим, а поверхность земли повсюду более чем на метр (В тексте: *** — мера длины, равная 104 см, разговор. «метр». Читаем по тегеранскому изданию: *Лубб-и таварих*, с. 79) покрывал снег наподобие железной брони (Букв. «преграды») — как будто вал Искандара воздвигли перед Гогом,— [Лутф 'Али-хан] не дал угаснуть той [своей] решимости сражаться и сердцем не охладел. С отрядом храбрецов и с группой эмиров он развернул полотнище знамени победы и взметнул до небес стяги, отмеченные триумфом, в направлении Бане.

Когда [Лутф 'Али-хан] прибыл в Кызылдже,— деревни [и] местечки Маривана годами и веками пустовали и оставались необитаемыми, правители Бабана [ими] завладели и [их] заселили,— [мятежники] еще до прибытия победоносных войск бежали и укрылись в Шахризуре. [Лутф 'Али-хан] приказал деревни (Букв. «их») сжечь и предал такому огню их дома и имущество, что языки пламени достигли Бабана.

По прибытии [Лутф 'Али-хана] в Бане Ахмад-султан от страха и ужаса укрылся среди билбасов, и [Лутф 'Али-хан] назначил правителем Бане Фатх 'Али-султана. /73б/ Благоустроив дела в Бане и наведя порядок в тех пределах [и] деревнях, он направился к 'Абдаррахман-паше. Тот же, не извиняясь и без [всякого] предлога, от деревень [Маривана] отказался, однако врата дружбы и единения закрыл, а путь вражде [оставил] открытым. И потому *илям* и *хашамам* Шахризур, [которые] каждый год летом [156] появлялись в Курдистане, [здесь] летоовали и пасли [свои стада], было строго запрещено впредь хотя бы одному ступить на землю Курдистана.

Летом тайно прибыли двести [джафских] семей, которые с жителями Курдистана были знакомы и связаны давно, чтобы провести лето [в Курдистане]. Остальные [джафы], что зимовали в Шахризуре, своих овец поручили им, и они пригнали их с собой.

Большинство жителей Шахризур погубило от сильной жары, немногие полуживыми спаслись от свирепствовавшего зноя. Он (Кого имеет в виду автор, остается неясным) тоже, претерпев множество бедствий, погиб. О прибытии тех двухсот /74а/ семейств из племени джаф с многочисленными стадами и [отарами] овец прослышал Лутф 'Али-хан. Он поручил отцу автора [этих] строк — Мухаммад-беку, сыну Манучихр-бека наба, все те семейства переселить и вместе со стадами, [отарами] овец и добром, какое у них было, доставить к окраинам [города] Сенендеджа. Лутф 'Али-хан пожаловал все семейства [своим] вельможам и сановникам — по двадцать семейств каждому. Двадцать пять

семейств из того числа он препоручил и пожаловал отцу автора [этих] строк, которому это дело было доверено. И некоторые [из них] с того времени живы до сих пор.

Осенью того года Ага Мухаммад-хан назначил сардаром [для усмирения] Хузистана сына [Лутф 'Али-хана] Хасан 'Али-хана, что находился в Тегеране как заложник. Тот взял с Собой войско и ополчение Курдистана тоже, вознес знамя могущества и пошел на Хузистан. Он, подобно отцу, тоже навел в той стране порядок, /746/ и ему самому, и его людям достались несметные богатства (Букв. «имущество») деньгами и натурой.

Упорядочив дела и выполнив поручение, он возвратился с податями за несколько лет и многочисленными достойными подарками, привез с собой их правителей, предводителей и шейхов, благородных и вельмож и доставил к шахскому порогу.

В 1209/1794-95 г. Лутф 'Али-хан отбыл из мирской обители и прошествовал во дворец души. Все богатства и имущество, каковыми он владел во множестве, [Лутф 'Али-хан] оставил, ничего с собой не унес из [этого] мира лицемерия, кроме четырех аршин холста.

Стихи

Опустела чаша Джамшида, наполнился бокал Кавуса,
Настал конец могуществу Дария, очевидным стало великолепие Искандара;
Если из мира ушел отец, после него победоносно
Вознес знамя справедливости сын с достоинством Фаридуна;
Небо, печалься за первого, облачилось в черные, как смоль, одежды,
Вечерняя заря, радуясь за второго, налила в чашу красного вина. [157]

Правление Хасан 'Али-хана б. Лутф 'Али-хана

/75a/ В те времена, когда его отец был принят под сень божественной милости, Хасан 'Али-хан находился на службе у Ага Мухаммад-хана. После того как известие о смерти Лутф 'Али-хана дошло до попечителей державы и они доложили [о том] шаху, тот немедленно вызвал Хасан 'Али-хана. Первым делом он выразил соболезнование по случаю [смерти] отца, затем поздравил с [назначением] на пост правителя вилайета. На другой день [ему пожаловали] почетный халат валя и на его имя издали грамоту, украсив грудь и плечи его просьбы халатом шахского [благоволения]. [Хасан 'Али-хану] было дозволено покинуть государя, он направился в вилайет Курдистана и прибыл в Сенендедж.

Поскольку Хасан 'Али-хан попал во дворец величия и власти после пребывания в тайнике незаметности и в углу потаенности и затворничества и прошеествовал на трон владычества и во дворец управления из угла уединения, он узрел свой удел лишь в одном звании [правителя]. И хотя по [своей] храбрости он был близнецом Афрасиаба Турка, а по отваге — вторым Рустамом, скакал на коне, подобно молнии и ветру, при [своем] мужестве мог поразить [саму] смерть, однако совершенным разумом [Хасан 'Али-хан] наделен не был.

/756/ Будучи человеком невзыскательным и благочестивым, очищенным [от мирской скверны] и набожным, религиозным и добросердечным, благороднорожденным и добронравным и [обладая] похвальными качествами, [Хасан 'Али-хан] никогда не допускал в разговоре пустословия, не порицал никого за множество предательств и нерадение. А потому эмиры и знать без разрешения и дозволения того властителя могли самовольно вмешиваться в дела [управления] вилайетом. [Хасан 'Али-хан] денно и ночью был занят поклонением богу. Он страстно любил езду верхом, прогулки, охоту и ловлю птиц. Распутывание важных дел он препоручил полновластной, деснице Мухаммад Рашид-бека, а сам занимался делами вилайета меньше [всего].

В 1211/1796-97 г. Хасан 'Али-хан с немногочисленным отрядом Курдистана отправился в поход на Грузию при стремени Ага Мухаммад-хана. Преодолев стоянки и переходы, они достигли [районов, которыми] начинался Азербайджан. Ко двору шаха прибыл с группой благородных и вельмож Субхан-Вирди-хан, желая [добиться] смещения Хасан 'Али-хана, /76a/ так что в Шушу они вступили все вместе при стремени Ага Мухаммад-хана.

Благодаря многочисленности [войска] и [сопутствующей ему] победе Ага Мухаммад-хан захватил Шушу, после атак, убийства и грабежа взял в плен их женщин, направился в город самолично [158] с несколькими ханами и военачальниками и остановился во дворце. Тогда доверенные слуги из охраны государевых покоев убили Ага Мухаммад-хана. Шахское войско распалось, каждый направился в свой вилайет.

Хасан 'Али-хан с отрядом, что при нем был, вставил ногу в стремя с намерением бежать и выехал из крепости. С башни и стен стреляли из ружей, [и] Хасан 'Али-хан был ранен в ногу (Букв. «в ногу попала пуля»). После нескольких схваток, раненый, он с трудом выбрался из крепости и отправился в путь. И на какой стоянке [Хасан 'Али-хан] ни появлялся, к кому ни обращался за хлебом и водой, ему отвечали ружейными выстрелами (Букв. «голосом ружей»).

Пока они были в пути, /766/ всякий, у кого был какой-либо отряд и стрелки, устремлялся в поход и преграждал им дорогу, отвечая на их [вопросы] ружейными выстрелами. С тысячей слабостей и недомоганий, сильно [страдаая] от голода, претерпев многие трудности и бесчисленные тяготы, они добрались до вилайета. Субхан-Вирди-хан и другие господа прибыли в Сенендедж за несколько дней до Хасан 'Али-хана. Когда приехал Хасан 'Али-хан, они предпочли бежать и обратились за помощью к 'Абдаррахман-паше. Тот, со своей стороны, направил им в помощь отряд со своим братом, и они подошли к Сенендеджу.

Хасан 'Али-хан выехал с группой вельмож и благородных и, миновав два-три перегона, подошел к Махидашту. Валий Багдада решил оказать Хасан 'Али-хану помощь и содействие и отозвал 'Абдаррахман-пашу. Те возвратились, не достигнув желаемого. Аманаллах-хан оттуда же выехал в Тегеран.

Хасан 'Али-хан возвратился в резиденцию правителя и прибыл в Сенендедж. [Вначале] он помирился с Субхан-Вирди-ханом и знатью, [а затем] повел с ними войну.

В месяце мухарраме /77a/ 1212/1797 г. на троне царствования воссел Фатх 'Али-шах. Поскольку он считал Аманаллах-хана достойным правления, видел присущую ему отвагу и похвальные качества, одобрял его ум и образованность, то назначил его правителем Исфабада. В том [же] году отбыл из [этого] бренного мира во дворец вечности Мухаммад Рашид-бек. Памятью о нем остались четыре сына, самый старший из сыновей — Фатх 'Али-бек. Мухаммад Заман-бек был возрастом младше его, а удостоился [честь] породниться с Хасан 'Али-ханом. Поэтому Хасан 'Али любил его более [других], возвысил его до должности вакила и оставил на месте отца. Это Фатх 'Али-бека огорчило, он почувствовал себя оскорбленным и покинул вилайет. На свою сторону он привлек группу родственников, знати и вельмож и устремился к шахскому двору. [159]

Звания *мустауфи* шахского дивана в это время был удостоен Мирза Ахмад. Он им помог, и они изъяснили шаху [свою] жалобу. Они заявили государю, что Хасан 'Али-хана [следует] сместить, поскольку он увеличил *мал-и диван* /776/ и допустил излишества [при сборе] подношений.

Поскольку в делах Хорасана в те времена был беспорядок и Фатх 'Али-шах с кызылбашскими войсками направился в те пределы, все знатные [курдистанцы], хотя они страшлись Хасан 'Али-хана и [находились в положении] безвыходном, отправились при

шахском стремени в Хорасан. Они побывали в Мешхеде и навели там порядок, а [затем] все волей-неволей в [составе] шахской армии прибыли в Тегеран.

Аманаллах-хан в то время находился в Азербайджане. Фатх 'Али-шах изволил призвать его к себе и, когда он приехал, сместил Хасан 'Али-хана. Поскольку из Бани Ардаланов, кроме Аманаллах-хана, не было никого достойного и подходящего для дел правления, [Фатх 'Али-шах] одарил Аманаллах-хана почетным халатом правителя, а Хасан 'Али-хана заточил в *фарраш-хане* (Помещение для воинов из охраны государевых покоев). Мухаммад Рахим-бека с Назар 'Али-беком тоже схватили и посадили бок о бок с Хасан 'Али, грудь и плечи Фатх 'Али-бека украсили почетным халатом /78a/ вакила.

Описание событий времени [правления] великого валия Аманаллах-хана, сына Хусрав-хана, и что произошло в то время (Последняя фраза явно добавлена, чтобы заполнить оставленное свободным место для заголовка)

В 1214/1799-800 г. Аманаллах-хан, сын Хусрав-хана, получил почетный халат правителя, украсивший грудь и плечи его обстоятельств. Лучи его благосклонности озарили положение великих и малых в Курдистане. [Был Аманаллах-хан] эмиром мудрым и щедрым, повелителем сведущим и образованным, украшенным познаниями, совершенством и талантами и наделенным [лишь] подобиями несовершенств (?); ханом, лишенным недостатков, пороков и недостойных деяний. В красноречии он не имел [себе] равных, в риторике— [себе] подобных. По прозорливости он [был] Платоном [своего] времени, разумом и познаниями — единственным [своей] эпохи. Днем и ночью он занимался делами власти и был в высшей степени проницателен и остроумен. Он неизменно занимался своим делом, ни единой своей минуты не тратил впустую.

Великодушием, щедростью и благородством он превзошел Хатама, мужеством, храбростью и неустрашимостью — Рустама. Однако [Аманаллах-хан] сквернословил, /78b/ много бранился и без [160] всякой причины унижал грубыми словами великих и малых. Сердца были исполнены [трепета] пред его суровостью и непреклонностью, величием и силой; он внушал великое почтение. Без всякой вины он карал и наказывал близких, без повода и причины позволял [себе] унижать приближенных. За пустяковую провинность он карал вельмож и знатных и [каждый раз] измышлял [что-то] новое. Он менее [всего] прощал ошибки, любил покупать имения, и тот, кто его предавал, от его руки не спасался. Но врагу и другу он давал вдоволь пропитание и средства к

существованию, оставшихся в живых врагов голодом не морил. Добрых и благих деяний он совершал много, любил просвещенных и не оставил незаконченным [ни одного] дела.

Когда он добился полной независимости правления, в 1216/ 1801-02 г. Хасан 'Али-хан /79a/ бежал из Тегерана и [укрылся] среди племени билбасов. [Вскоре он] с целым отрядом подошел к Сенендеджу [и остановился] в шести фарсах [от города].

Аманаллах выступил для устранения его смуты. Хасан 'Али-хан не нашел в себе сил оказать [ему] сопротивление, выпустил из рук поводья и направился к билбасам. За короткое время к нему присоединились несколько человек из жителей Курдистана, они возродили в нем надежду [на власть]. Он подготовился и направился в Курдистан во второй раз.

Когда [Хасан 'Али-хан] подошел к Маривану, его нагнал Аманаллах-хан с небольшим отрядом. Противники встретились на берегу Мариванского озера. От ударов мечей и копий, от выстрелов смертоносных ружей до небес донеслись вопли и стечения [сражающихся]. От пыли, [поднятой] копытами коней, земная поверхность погрузилась во мрак, и глаза звезд ослепли от молний, [высекаемых] мечами конников.

После боя и сражения [Аманаллах-хан] одних низверг во прах смерти, других отправил в страну небытия. Некоторые настолько погрузились /79b/ в смертоносную пучину, что до берега спасения от них не дошло ни крупинки (Букв. «ни кусочка от их крупинок»). Многие юноши [пали] бездыханными. Хасан 'Али-хан тоже был ранен. Его захватили [в плен] и дот ставили к хану. Через некоторое время его отправили ко двору государя, и в Тегеране он препоручил [свою] душу творцу. Говорят, его умертвили и поселили в последнем обиталище [насильственно] ⁹⁰.

По прибытии в [свою] столицу Аманаллах-хан начал восстанавливать старинные дворцы и перестроил их лучше прежнего. Те, что были построены давно, он перестроил заново и занялся возведением новых дворцов.

Сыновья Мухаммад Рашид-бека обратились [к нему] с просьбой предоставить полностью на их усмотрение разрешение важных [161] вопросов и посредничество в делах знати и простонародья. Когда прошло некоторое время с начала его правления, они нашли единомышленников, задумали его сместить, собрались /80a/ и отправились с жалобой ко двору государя. Кроме немногочисленной группы уважаемых людей, к ним присоединился весь Курдистан, [примкнул] Мирза 'Абдалкарим и другие. [У них] ничего

не вышло. После того валий устремил помыслы на расправу с ними и прибыл к его величеству государю первым. Мухаммад Рахим-бека и Назар 'Али-бека отпустили, и [Аманаллах-хан] взял их с собой. По приезде в вилайет он сыновей Мухаммад Рашид-бека схватил и казнил в назидание [другим], а Мухаммад Рахим-бека назначил вакилем.

В делах власти и правления [Аманаллах-хан] добился независимости и посвятил [свой] досуг земледелию и [изысканию] прибылей и доходов. Воистину, по всем качествам он был единственным на [все] миры, а величайшей мудростью и познаниями [возвышался над] миром, [как] купол. Четыре-пять часов в сутки он любил отдохнуть и поспать, остальное [время] непрерывно занимался делами вилайета, мерами для соблюдения [законности], ассигновками (В тексте: *хаваледжат*. См. примеч. 84) и налогами (В тексте: *мал-и диван*), доходами и расходами, поступлениями от имений /806/ и затратами на свои [нужды]. Свободного времени у него не было.

В 1219/1804-05 г. 'Абдаррахман-паша Бабан был смещен с правления и прибег к покровительству двора Фатх 'Али-шаха. По приказанию шаха он некоторое время находился в Сонкоре, пока Аманаллах-хан не был назначен сардаром. Согласно указанию государя он взял 'Абдаррахман-пашу с собой, чтобы поставить его в Бабане на правление.

С той (Имеется в виду османская Турция) стороны правитель Багдада 'Али-паша [назначил] во главе войска Сулайман-пашу *кахйа*, и тот прибыл на помощь бабанцам с многочисленным сборищем из '*аширатов* и арабов, грузин и румийцев, местных, чужеземцев и глав племен, с несколькими уважаемыми сановниками — [всего] более тридцати тысяч человек. Все вместе они превзошли [противника численностью].

Местом сражения избрали Мариванскую долину. [С] прибытием валия и 'Абдаррахман-паши с войском к озеру Мариван *кахйа*, армии Рума и войска Бабана пришли в растерянность и смятение. Обе [армии] построили друг против друга свои ряды /81a/ и сразились. Вскипели те две великие реки войск, заклокотали два черных моря армий. Образовали центр и фланги, там и здесь призывали помолиться Восхваляемому. [162]

Когда ряды были построены, рука [ухватилась] за копье и зажала рукоять кинжала. Забили в литавры, призывая к сражению, подняли знамя божественного речения: «...помощь божия, близкая победа...» (Коран, LXI, 13). От блеска мечей и копий, искр от смертоносных ружейных выстрелов, от сверкающих кинжалов наступил день, «в который небо произведет ясно видимый дым» (Там же, XLIV, 9) От грохота дубин и тяжелых палиц, от воплей и криков конников, от рева литавр, от рыкания прославленных молодцов

показался день Страшного суда и как будто началось землетрясение. Явилось диковинное: от столкновения противников ушли в области небытия, [спешились] с коня существования мужи, повергавшие льва; от натиска с обеих сторон могучие витязи, [что могли] сразиться с Афрасиабом, утонули в море смерти, пока /816/ ветерок победы не подул на шелк победоносных знамен Аманаллах-хана.

Войска Рума и ополчения той страны были полностью разбиты. Одни попали в плен, многие [были] убиты. В числе пленников был предводитель [румского] войска Кахйа-паша и несколько уважаемых людей. [Аманаллах-хан] тотчас направил их ко двору Фатх 'Али-[шаха], 'Абдаррахман-пашу поставил [управлять] Бабаном, а [сам] выехал оттуда в Курдистан и озарил светом [своей] милости крыши и двери вилайета.

Кахйа-пашу по его прибытии пред государевы очи [шах] изволил возвысить и вознести подобающими милостями, а [затем] отпустил и отправил в Багдад. Немного времени спустя [Кахйа-паша] был назначен на должность везира Багдада или валием обители мира.

В 1222/1807-08 г. Хан Ахмад-хан, сын Риза-Кули-хана, Мухаммад-Кули-хан, Мухаммад Рахим-бек вакил и Назар 'Али-бек ' сговорились еще с несколькими вельможами и знатными /82a/ и [решили] придумать способ и неожиданно убить валия. Валию стало известно про этот замысел (Букв. «о случившемся»). Первым он наказал Хан Ахмад-хана. Его обидели пощечинами, оплеухами и насмешками — [так] он [его] изволил наказать и проучить. Раны, [нанесенные] языком, большее, чем от ножен [кинжала].

[Стихи]

Как ранят человека словом (Букв. «языком»)
Не ранить и смертоносным мечом.

Остальных его товарищей он схватил, чтобы покарать за проступки, отправил, стало быть, в области небытия. [163]

[Стихи]

Мир. Начало ему — небытие и конец его — бренность,
Бесполезно человеку надеяться в нем на верность и постоянство.

В 1224/1809-10 г. везир Багдада был казнен османскими властями, голову его отвезли ко двору кесарей. [Пользуясь] волнением в Турции и смутами [среди] бабанцев и курманджей, валий разграбил и разорил Шахризур. 'Абдаррахман-паша по этой причине

взбунтовался, распахнул [в отношениях] с валием и населением Ирана врата вражды и несогласия и закрыл путь согласию и единению. /82б/ Он стал налаживать добрые и прочные [отношения] с турками и ежегодные подношения иран[скому шаху больше] не делал.

Царевич Мухаммад 'Али-хан ⁹¹ с отрядами Керманшаха и Аманаллах-хан валий с войсками Курдистана пошли на 'Абдаррахман-пашу. По прибытии их в те области 'Абдаррахман-паша предпочел бежать, и правителем там утвердился Халид-паша ⁹². Некоторое время спустя 'Абдаррахман-паша обратил Халид-пашу в бегство и прогнал, а с царевичем Мухаммад 'Али-мирзой завязал [отношения] единодушия, искренней дружбы и расположения и преградил путь вражде.

Правитель Багдада 'Абдаллах-паша с многочисленным войском и большой армией пошел на 'Абдаррахман-пашу. Тот тоже поспешил на битву и сражение, [но] после нескольких столкновений был разбит, покинул Бабан, обратив чело надежды ко двору Мухаммад 'Али-мирзы.

Снова царевич с войсками Керманшахана и валий /83а/ с ополчением Курдистана поддержали 'Абдаррахман-пашу и начали набег, нападения и грабежи. От Зохаба до [предместий] в шести фарсах от Багдада [все] предали они огню разбоя и разорения и разожгли пламя бедствия [и] грабежа. Халид-пашу они прогнали, а 'Абдаррахман-пашу снова поставили правителем курманджей.

Царевич и валий пожаловали в столицу. В 1230/1814-15 г. Сайид Мурад Шайх ал-ислам с сыном, Мухаммад Заман-бек *ишик-агаси* с сыновьями и несколько вельмож и знатных бежали от валия. Мухаммад-Кули-хан был тоже с ними заодно (Букв. «их товарищем») и обратился за покровительством ко двору шаха. Государя он огорчил, сам пал духом и ничего не добился. Мухаммад-Кули-хан направился в Шираз и через некоторое время был там принят под сень господней милости. Одних [Аманаллах-хан] ослепил и привез в Курдистан, других же отправил в потусторонний мир — кроме Мирза Исма'ила, сына Мирза Йусуфа, [которого] /83б/ обласкал. [164]

В 1234/1818-19 г. его (Аманаллах-хана) сын Мухаммад Хасан-хан отрекся от отца ⁹³, сначала уехал в Керманшахан, оттуда направился в гярмсирные [области] и до весны жил среди [одного] курдистанского племени. Валий выступил с намерением (Букв. «по причине») племя привести, а его прогнать. [Аманаллах-хан] прибыл в Ханекин, Мухаммад Хасан-хана оставил, а племя взял с собою и доставил в Шадибад. Тогда Мухаммад

Хасан-хан и сборище, что при нем было, принялись своевольничать и выстроили [свои] ряды перед армией валия. Валий со своими отрядами тоже пошел на [Мухаммад Хасан-хана].

Дело кончилось битвой и сражением. С обеих сторон начались боевые действия. В той битве, исполненной страсти и злобы, погибли славные юноши и благородные витязи, в обитель небытия попало много отважных мужей и храбрецов поля брани. Много героев умерло на той широкой равнине от ударов меча, раненных стрелой и копьем, сраженных смертоносным ружьем ⁹⁴. Мухаммад Хасан-хан тоже в той /84a/ схватке был смертельно ранен и захвачен в плен. Воинство его предпочло бежать и остановилось в Керманшахане. Мухаммад Садик-хан ⁹⁵ был тоже ранен, [но] исцелился, а Мухаммад Хасан вручил душу ангелу смерти, отвечал на призыв господина: «Я готов!».

В 1235/1819-20 г. падишах, равный величием Джамшиду, и шаханшах — прибежище мира Фатх 'Али-шах обручил свою непорочнейшую законную дочь — Высокую Колыбель и Великое Покрывало, вскормленную под сенью солнца и хранимую господом, непросверленную жемчужину из шкатулки шахского семейства, — с сыном Аманаллах-хана Хусрав-ханом, блистающим светилем небес могущества и славы, молодым побегом из сада величия и счастья, звездой созвездия наместничества, перлом шкатулки управления, счастливоликим проницательным повелителем, Хусравом с могуществом Джамшида и знаменем Фаридуна, озаряющим мир солнцем миродержавия, эмиром, [чью] свиту [составляют] звезды миропокорения, светильником ночи благородства и счастья, солнцем небес отваги и миродержавия. Стал[и] готовиться к /84b/ празднику и свадьбе, пиршеству и увеселению. Сделали подобающие приготовления ⁹⁶, [заготовили] все необходимое (Букв. «принадлежности») [для празднества, собрали] много актеров, [задумали] игрища, разноцветные фейерверки и другие красоты и развлечения. [Для невесты приготовили паланкин] наподобие трона, с арками из золота и серебра, украшенный с четырех сторон драгоценными камнями, лесенка из серебряного слитка. Все снаряжение для мулов, [которые везли] паланкин (Букв. «трон»), [было] из [165] золота и серебра, а барабан [обтянут] золотой парчой. [Словом], такие были (Букв. «увидели») приготовления и такую устроили свадьбу, что перо не в силах ее описать, а язык не в состоянии о ней рассказать — короче говоря, союз двух счастливых и соединение двух светил. Соединились две редкостные жемчужины из ларца красоты, две высокие звезды из созвездия привлекательности.

Словом, в 1236/1820-21 г. ⁹⁷ был убит (В тексте: ***. Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, с. 92) 'Абдаллах-паша валий. Правителем обители мира [Багдада] стал Давуд-паша и получил поддержку Мухаммад 'Али-мирзы. 'Абдаррахман-паша переселился в потусторонний мир, [и] Мухаммад 'Али-мирза назначил Махмуд-пашу ⁹⁸, /85a/ его сына, правителем Бабана. Махмудпа[ша] помирился с везиром Багдада Давуд-пашой, и тот послал ему на помощь *кахйю* с большим отрядом. Выступили — Мухаммад 'Али-мирза от Авромана и валий из-под Маривана, чтобы истребить и искоренить турок и бабанцев.

При встрече [противники], стреляя из громоподобных пушек, раскрасили поле брани кровью храбрецов. *Кажйа* и турецкие войска предпочли отступить. Махмуд-паша бежал в другом направлении. [Правителем Бабана] соответственно [был] назначен 'Абдаллах-паша. *Кажйа* приехал в Керкук, [но] затем возвратился [в Иран] и, опасаясь везира Багдада, обратился за покровительством к Мухаммад 'Али-мирзе. [Мухаммад 'Али-мирза] выступил оттуда с намерением покорить Багдад, подошел [к городу и остановился] в шести фарсах. Поскольку смерть ухватила за подол его жизни и солнце его существования закатилось, [Мухаммад 'Али-мирза] там заболел, повернул назад и в дороге умер. В 1236/1820-21 г. его сын Мухаммад Хусайн-мирза ⁹⁹ заступил в Керманшахане /85b/ его место.

Некоторое время спустя Махмуд-паша обратил 'Абдаллах-пашу в бегство и сам стал правителем в Бабане. *Или* и *хашамы* Шахризур каждый год летом появляются в вилайете Курдистана под предлогом, [что здесь их] летние кочевья, причиняют народу вред и приносят убытки. Сам он стал правителем в Бабане (Фраза дана повторно).

Жители деревень Маривана и той области [своими жалобами] разожгли огонь гнева валия, пламя его негодования и ярости возгорелось и озарило все области. Он внезапно осадил их с четырех сторон. Атаковали все сразу. Через час конные и пешие оказались в центре *хашамов*, набросились на них и с ними сразились. Грабя и разоряя, убивая, захватывая в плен и причиняя страдания, они подвергли их величайшему посрамлению. Все было разорено и [166] разграблено, многие убиты. Остальных простили, пощадили жизнь, дали им (В тексте: «ему») возможность бежать, и они поспешили [скрыться].

/86a/ До сулейманийской границы [все] было разграблено и опустошено. Там, в лагере [валия], началась холера, и он был вынужден повернуть назад.

[Даже] краткое описание событий времени Аманаллах-хана [занимает] много места, изъяснение их безгранично и бесконечно. Если рассказывать о них подробно, нужно написать большую обстоятельную книгу. На этих страницах всюду выдержано единообразие. [Коня нашего] пера [мы] погнали вскачь на поле брани краткости и положили в основу этой книжицы (Букв. «записной книги») лаконичность [повествования]. Если о некоторых из его высоких начинаний и зашла речь, то это явно не будет неуместным, поскольку к возведению дворцов и садов он питал безграничную страсть и заложил основы многим [начинаниям].

[Аманаллах-хан] был постоянно занят и не давал себе отдыха. Он полностью восстановил и перестроил дворец и крепость Сулайман-хана, прибавил к ним несколько комнат наверху и внизу и закончил [строительство]. Кроме того, он построил [дворец] Дилгуша (Букв. «успокаивающий сердце»), подобного которому никто в мире не видел, закончил /866/ [строительство] женской половины [дворца] — ни один обладатель слуха не слышал [ни о чем] похожем: залы, отделанные зеркалами с двух сторон, безупречного [убранства] комнаты, [выходящие] на восток, юг и север, трех-, четырех- и пятистворчатые витражи; множество летних помещений и бассейн, кабинет (Букв. «помещение для калама») и столовая (Букв. «надорванный живот», т. е. помещение, где наедались до отвала), комнаты на верхнем этаже и зал для княжеских приемов (В тексте: «место, где сидел государь» — в виде возвышения или помоста), [обширные] коридоры (В тексте: *** Исма'ил Ардалан читает это слово как ***, что означает «помещения в виде обширных, крытых крышей коридоров, соединявшие несколько комнат». См. *Лубб-и таварих*, с. 93, примеч. 3), садики и ручейки, подобных которым в мире не увидеть и не найти.

[Аманаллах-хан] построил мосты и мечети, медресе и базары, площадь и царский двор, крытую галерею и пятничную мечеть, отделал дворец изнутри, снаружи и от фундамента большей частью [изразцовыми плитками] карши и граненым кирпичом — все расписано, разрисовано и украшено золотом. Кроме того, он закончил строительство [дворцов в садах] Фирдаусийе и [167] Хусравийе ¹⁰⁰, которые закладывались дважды и построены в три приема, с несколькими нижними и верхними комнатами. Живопись и картины в них вызывали зависть Лвранга и Мани ¹⁰¹.

Кроме других садов и дворцов он закончил [строительство] Чар-бага и [еще] одного дворца, описать которые /87a/ невозможно. Чинары и кипарисы там — как прекрасный стан красавиц; базилики и гиацинты — как кудри возлюбленных; нарциссы и жасмин напоминают глаза прелестниц; [печальная, как] Маджнун, ива — косу благоухающих

амброй волос; красная роза — лик милой; яблоки своими [округлыми] формами подобны мускусному локону; фиалки на берегу ручейков [напоминают] очертания сладостных губ; персики [нежны], как [кожа] под подбородком; цвет вишен — как лал уст возлюбленной; гранаты — как грудь луноликой; зрелая айва — как благоухающий амброй первый пушок на лице юноши; чистая вода — как завиток луноликих чаровниц; рыба в здешних прудах — как [нежная] ручка подобных гуриям возлюбленных; абрикосы — как ланиты влюбленных; окраска тюльпана — как переливы угасающей мелодии; зелень на берегу ручейков там подобна первому пушку, пробивающемуся [на лице] юноши из Китая и Хата; бутоны роз там — как стыдливая невеста, смущающаяся и покрасневшая; виноград на [растущих] там лозах — как /876/ чистая искренняя слеза; просторы необъятны, как сердце справедливого мужа. [Дерево] *назун* там напоминает чалму благороднорожденного сеида, потомка имама Мусы (**Седьмого шиитского имама**), цветы груши — тюрбан шиитского *муджтахид* из рода халифа 'Али. Ива там в отличие от других деревьев, подобно Маджнуну, отвернулась к горам и пустыне; [придорожная трава] *джидда* осталась на своем месте, как Лайла. Свисающие [ветви] сосен там напоминают локоны невесты; плетень из терновника, окружающий [сад] с четырех сторон, похож на зонтик павлин[ьего] хвоста. Стройный миндаль пленяет, [как] глаза любимых; фисташки источают сладость, как улыбка сахарных уст. Орехи там как уста красавиц; цветы фруктовых деревьев, похожие на хранимые в тайне жемчужины, сыплются жемчугом на землю. Ветви деревьев там свисают, как распущенные волосы гурий, ниспадающие с гребня; водоемы и ручейки, подобно чашам, всегда наполнены через край,— их описание потребовало бы более просторного [рассказа] [102](#).

Стихи

/88a/ Зачем изображать дворец и рисовать палаты,
Возносить до небес жилища,—
Ты знаешь? Чтобы, [следуя] своему желанию, однажды там
Можно было порадоваться другу! **[168]**
А иначе зачем умным людям возводить
Дома на (**Букв. «в»**) земле, которые придется оставить?
Итак, ушел он и все оставил,
Кроме савана, с собой не взял ничего.

В 1240/1824-25 г. (**В тексте: 123 г. Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, С. 94**) его настиг гонец смерти, и [Аманаллах-хан] заболел. Множество недугов поразили того разумного и одолели. Положил он голову на ложе немощности, и изо дня в день его недомогание все возрастало и возрастало. Его румяное лицо [стало цвета]

соломы, а дела расстроились. Рука лекаря отпустила подол его исцеления, пока, следуя приказу истинного исцелителя, птица его души не вылетела из клетки тела и не воспарила вместе с ангелами. Повеление бога он исполнил. Его сын Хусрав-хан утвердился в завещанном ему вилайете.

Светило счастья того закатилось, а звезда вознесения этого стала восходить, пока об [этих] событиях не стало известно при высоком шахском дворе и у благородного порога государя. [Хусрав-хану направили] почетный халат /886/ валия, и на его имя была издана грамота на правление.

Рассказ о его высочестве гордости валиев Хусрав-хане б. Аманаллах-хане

Поскольку грамота на правление была составлена и издана на славное имя Хусрав-хана — светила небес счастья и солнца небосвода полновластия, жемчужины моря отваги и превосходства, звезды из созвездия славы и владычества, розы из сада величия и великолепия, луны небес почета и удачи, драгоценного камня из раковины благородства, рубина из ларца именитости, воплощения господнего промысла и бесконечного благоденствия,— ему посчастливилось вместо отца [занять] престол вилайета ¹⁰³.

[Хусрав-хан] вступил на правление и какое-то время вершил дела власти как положено (Букв. «правильно»). Обязанности везира он препоручил Мирза Фараджаллаху ¹⁰⁴, сыну Мирза Ахмада, а его брата Мирза Хидайаталлаха поименовал Амин ал-Айале (Попечитель Державы) и изволил назначить попечителем (амином), предоставил их достойной деснице увязывание и распутывание важных вопросов и передал /89a/ в их руки разбор и рассмотрение дел знати и простонародья. [Хусрав-хан] назначил на должности еще несколько человек, но, хотя он был весьма щедр и великодушен, автора этих строк он оставил [169] влачить самое жалкое существование и голодать. И беспредельной милостью ... сделал (В тексте лакуна).

В 1243/1827-28 г. в Курдистане начался голод, да такой, что люди вспомнили «год Йусуфа». Благородные и чернь совершенно пали духом и все отчаялись в жизни. Огонь дороговизны и недоброжелательности возгорелся и вспылал так, что сердца великих и малых сгорели в очаге груди, жажда хлеба, а души от сильного голода лишились сил. Люди готовы были есть мертвечину, но и ее не было.

Сердце в очаге груди от сильного голода [стало] кебабом, душа пришла в смятение, утратив силы и не получая пропитания. От страшной слабости и голода у детей глаза

были полны слез. Все направились в горы и стали грызть кору деревьев. /896/ Одни настроились умирать, другие ответили смерти [тем, что стали] есть траву. Потух очаг, [где варили] мясо, погас огонь, [у которого собиралась] семья. От хлеба осталось одно название, от пшеницы — лишь [воспоминание], как она выглядела.

Началось волнение, как в день Страшного суда, поднялась величайшая смута. Люди совсем отчаялись в своей жизни — вот-вот все разбредутся. До того дошло, что хлеб стал равноценен воде жизни, а зернышко пшеницы — драгоценнее души. Благородный и простолюдин (В тексте: «низкий») отдавали за хлеб душу, старец и юноша приготовились умереть от голода.

Валий раскрыл двери амбаров и распахнул врата щедрот и благодеяний, каждому сообразно [занимаемому] положению дал пшеницы, разделил [хлеб] между благородными и простонародьем по числу членов семьи. Он как будто создал мир заново [и] возродил весь Курдистан, всем дал средства существования и спас население вилайета от смерти. В мире раздался глас: «... спасли их от жестокой казни» (Коран, XI, 61), счастливое утро /90a/ показалось после вечера скорби, из-за белого облака смерти воссиял свет благополучия.

Хотя с тем победоносным в это время случалось многое, он ходил походами и вершил добро, обо всем подробно рассказывать долго, однако поход на Бабан [автор этих строк] кратко поясняет. Пояснение этих словес таково. Махмуд-паша был владельцем Бабана, а его брат Сулайман-паша с ним враждовал. Он собрал отряд и Махмуд-пашу прогнал.

Махмуд-паша прибег к покровительству шахского двора, попросил у валия помощи и поддержки и от царевичей — содействия и вспомоществования, Словом, по приказу государя валий удостоился звания сардара [для завоевания] тех областей Рума. [170]

Вверив себя господней милости, [Хусрав-хан] выступил из Сенендеджа со всей армией и войском, чтобы вернуть Бабан и [восстановить] в той земле справедливость.

[Хусрав-хан] развернул стяги знамен для покорения вилайета, вознес знамя победы и торжества для захвата крепостей турецкой державы [и направились] после подобающих приготовлений и с неисчислимыми войсками, с царским шатром, *диван-хане* и обозами основными и подсобными, /90b/ с литавристами, [выступавшими] перед войском [и] занятыми игрой [на литаврах], с пушками и *замбураками* впереди, [из которых] стреляли. Рев металлических литавр, грохот, [поднятый] победоносной армией и войсками,

исполненными гнева и жажды мщения, вызвали на земле смуту и беспокойство, а в небе смятение и шум. Удивленные небеса [воззрились] на него тысячей глаз, уста (Букв. «язык») друга и врага произносили: «Превосходно!»

Сам [Хусрав-хан], подобный Рустаму и Исфандийару, воссел на коня величаво, как Хусрав [Ануширван] и Джам, с войском курдов и персов и — стоянка за стоянкой — разбил победоносные, сопутствуемые торжеством, шатры в Шахризуре, возвестив миру о [своей] храбрости и отваге.

[Стихи]

Никто не имел такого обычая, порядка и величия,
Ни один из падишахов не был так отважен.

Сулайман-паша, видя, что он не в силах оказать сопротивление, /91a/ покорился и предпочел бежать. Его высочество валий посадил Махмуд-пашу на его место и по наведении порядка в той области всколыхнул победоносное знамя для завоевания некоторых городов Рума и выпустил феникса устремления для захвата крепостей той страны. Тут же напали армии холеры, и в лагере [валия] начались тяжелые заболевания. За сутки умирало триста-четыре человека [и] более, не уберегали души от гонца смерти. Валий был вынужден оставить Махмуд-пашу, отказаться от покорения других областей и возвратиться в Курдистан. В пути несколько приближенных его превосходительства и бесстрашных храбрецов упали с коня существования, [направились] в области небытия. [Через каждые] десять шагов в долину небытия отправлялось по двадцать человек, и вот однажды заболел валий. По этой причине он прибыл в Сенендедж, /91b/ остановился в [своей] резиденции и лучами прибытия озарил вилайет.

Некоторое время спустя благодаря величайшей мудрости [и] милости вечного бога [он] исцелился в лечебнице милосердия Единственного, [и недомогание] сменилось выздоровлением. [И], без сомнения, избежать такого рода опасности [удалось лишь 171] благодаря] милости справедливого бога и счастливой судьбе того повелителя, [иная] причина неведома. В окрестностях и предместьях, в Шахризуре и [других] городах погибло, заболев холерой, небольшое число [людей], но вскоре стрела молитвы обладателей душ попала в цель.

В том же, т. е. 1246/1830-31, году [Хусрав-хан] снова назначил своего брата Мухаммад Садик-хана — прежде он был правителем Джаванруда, и [Хусрав-хан] его из подозрения сместил — правителем тех мест и изволил [туда] направить.

В самом конце года повсеместно начались заболевания чумой. [Чума] покорила весь мир и, где бы ни появлялась, отсылала в мир небытия половину [жителей и] более. И произошло также соединение двух зловещих светил. И хотя в Курдистане [положение] было лучше, чем во многих местах, однако в тот день, когда начались заболевания /92a/ чумой, каждый о своих делах сказал: «Мы во власти бога и к нему мы возвратимся!» (Коран, II, 151) — [и] стал готовиться к отбытию [в мир иной].

Ангел-провозвестник издал фетву: «Не пространна ли была земля божия, чтобы найти вам убежище на ней?» (Там же, IV, 99). Хотя согласно [слову божью]: «Бегство не принесет вам пользы; вы убежали от смерти [или от убийства, но вот недолго пробудете в наслаждениях]» (Там же, XXXIII, 16), искать спасения от десницы смерти и убегать из дворца [утверждения]: «Каждая душа вкусит смерть» (Там же, III, 182) — противоречит повелению бога и [господнего] посланника, [однако] в соответствии с [изречением]: «Не подвергайте сами себя гибели» (Там же, II, 191) — собственноручно ввергать себя в ловушку гибели и по своей воле губить душу противно закону и обычаю.

Исполненные истинного смысла [слова]: «Они только хотели бежать» (Там же, XXXIII, 13) — да способствуют спасению, и [изречение]: «Избавили его от печали. Так избавляем мы верующих» (Там же, II, 88) — да послужит избавлением от несчастий! Они рассеялись «подобно разогнанной саранче» (Там же, LIV, 7), начертали на двери и стенах: «Нет в доме ничего, кроме холеры!», воззвали к миру [словами]: «В день, в который не помогут ни богатство, ни сыновья» (Там же, XXVI, 88) — и на [весь] мир возгласили: «В тот день, когда человек побежит от своего [172] брата, своей матери и своего отца, своей супруги и своих сыновей» (Там же, LXXX, 34—36).

/92b/ Начались раздоры, каждый направился куда-нибудь, закрыв пред собой врата к спасению. Сбылись [слова]: «Воистину, что было — [все] от врагов». Дворец и хоромы валия, дома жителей опустели. Каждая группа людей направилась в какую-нибудь область, каждая семья поселилась где-нибудь в отдалении, каждый ушел куда-нибудь в ущелье или остановился в горах. Смолкли беседы, все больше [людей] заболело чумой. Дороги были закрыты, и не стало никому ни покоя, ни отдыха. Лик солнца от бед тяжкого испытания помрачнел, ясный день стал чернее беспросветной ночи.

В то самое время, когда соединились два зловещих светила, с самого восхода до заката солнце было как во время затмения или как луна в темную ночь. За полчаса до заката солнце выходило, в мире появлялся свет, который снова сменялся мраком.

[Стихи]

Гонец рока /93a/ известил людей о смерти,
Непоколебимо нацелились в душу стрелы смерти,
Пьяный виночерпий, тасующий превратности судьбы,
Налил брэнного вина в чашу смерти.

Валий оставил трон [правителя] вилайета, взял с собой слуг и домочадцев, спустился по горе Арбидар ¹⁰⁵ к источнику Шифапурту. Остальные направились кто куда, [произнося слова] обета и покаяния до боли в языке. [Отважные] мужи и женщины — каждый где-то остановился и положился сердцем на неотвратимое решение небес, пока лето не кончилось. «Если он избавит нас от этого, то мы будем благодарны» (Коран, VI, 63), — твердили уста, [и] от истоков (Букв. «из места, откуда дует ветер») господней [милости] подул ветерок милосердия. [После] мрака горестной ночи занялось утро, из-за белого облака скорби показался свет спасения. До слуха мирян донесся глас: «... спасли его и его семейство от великой печали» (Коран, XXI, 76), все обрели спасение и поспешили в свои жилища и области. С начала [эпидемии] до [ее] конца прошло пять месяцев — /93б/ да охранит нас господь от нее!

Зима в том минувшем году была такая, что снега выпало мало. [Снег] не шел и одного дня. Выпали обильные дожди, и лед не [173] застывал. Погода стояла весьма умеренная, так что никто не нуждался в обогреве. [Когда] солнце приблизилось к [созвездию] Водолея (Этот знак Зодиака соответствует январю — февралю.), зазеленели [и покрылись] листвою деревья, а подошло к [созвездию] Рыбы (Знак Рыбы соответствует февралю — марту) — зацвели во множестве фруктовые деревья и цветы. На следующий год в отличие от минувшего снега зимой выпало столько, что четыре месяца дороги были закрыты, а цена небольшого куса угля дошла до одного тумана. [Но], как бы я ни описывал мороз в ту зиму и обилие снега, все будет мало.

Тем временем протянул десницу отваги из кармана мужества, /94a/ стал устраивать набеги на Махидашт, Шахризур и Арабистан и положил начало грабежу глава племени джафов Бахрамбек. Бешеного льва он считал лисой, могучего слона — мошкой и сокрушал пятерней храбрости. От страха перед ним прятался лев, от ужаса, [им внушенного], едва не умер от страха дракон. Себя он считал вторым Рустамом, а мир не ставил ни во что. Он не скрывал [своих] мятежных замыслов (Букв. «убрал с лица дел [всякие] покровы»), перед собой не видел никого. Перестал он понимать свое положение, полагал, что все шипы в пустыне и в горах остры благодаря деснице его могущества, а меч Бахмана и

Исфандийара разит благодаря его могучему удару; будто Сам-и Нариман [годится] ему [лишь] в ничтожнейшие ученики, а Афрасиаб Турк — в слуги его воспитанникам. Воинственного Карана, [сына Кавы], он не замечал, Тахамтана-героя за человека не считал.

[Бахрам-бек] вознес выю своеволия и в делах сравнялся с валием, распахнул врата вражды, а путь повиновению преградил, занимался набегам и разорял окрестности. Сборщика податей он отправлял, [представив] лишь небольшую часть налогов и подношений, пока не отказался давать [и эту] малость из диванских податей. Свои *или* /946/ и *таифе* зимой он [уводил] в теплые [области] Арабистана на зимние становища, летом приводил в пограничные [районы] на летние кочевья. Он разорял арабов [как] мог, а один на один (Букв. «лапа к лапе») схватиться со львом считал затруднительным, грабил луров и калхоров, покусился на курдов Баджлана, пока огонь [гнева] валия не возгорелся так, что от его искр сгорел лунный свет. Пламя его [гнева] достигло Млечного Пути и обратило светильники звезд в кучу пепла.

[Хусрав-хан] повязался поясом решимости для устранения Бахрам-бека и обрезал нить его спасения. Бахрам-бек, видя, что путь к спасению стал глухим переулком, а тот властелин могуч, [174] вместе с *илем* и сторонниками отошел к крепости Занджир и признал власть Мухаммада Хусайн-мирзы. Свои *хашамы* и племена он присоединил к калхорам и гуранам. Валий, никого не страшась, устремил свои помыслы на его устранение. В конце концов на аркане своей мощи он подтащил его волоком к воротам дворца. Когда /95a/ его доставили, на шею ему повесили палку для понукания ослов, а немного времени спустя, согласно [увещанию]: «Которые укрощают гнев и прощают людям» (Коран, III, 128), он снискал милостивое прощение его высочества, гордости правителей.

[Полустишие]

В прощении — радость, которой нет в мести.

[Хусрав-хан] простил ему все заблуждения, возвеличил его дорогими одеждами, вознес и отличил щедротами, прекрасными! как солнце, снова назначил главой племени джаф и [правителем] Джаванруда.

[Стихи]

Прощай, ибо прощение подобает великодушному,
Радость прощения лучше мести.

Ныне [Бахрам-бек] украсил грудь и плечи чепраком послушания и рабства, шею и уши — ошейником верной службы и душевной преданности ¹⁰⁶ и занялся службой при дворе.

Описание знаков отличия, [каковыми был отмечен] государевым двором высокодостойный валий — жемчужина [небесных] сфер, рубин венца [повелителя] четвертого небосвода. Золотознаменный со свитой из звезд владыка-солнце с яростью крокодила, мощью льва и отвагой леопарда в тайнике [знака] Рыбы (Соотв. февр.-марту) отнравил в путь гонца — ветер прохлады и севера /956/ и вознес драконоподобный стяг самовосхваления, желая обновить мир и украсить положение дел рода человеческого, — отвез пожитки на стоянку, ревностно занялся делом. Властелин страны могущества [благоуханным, как] нарцисс, пером и почерком [с завитками] рейхана начертал (Букв. «выпустил») на славное имя прославленного, как солнце, Хусрав-хана грамоту на управление четвертым климатом. От бахмана (Название одиннадцатого месяца иранского солнечного года, соответствует 21 января — 19 февраля) с важностью кесаря с благоухающими амброй и мускусом дарами [прибыл] гонец-ветерок [и] разбил у подножия трона цветник. [175] Яхонты (Букв. «владение яхонтами») розовых гирлянд, [украсившие] изумрудные грудь и плечи кустов роз драгоценными камнями [всех] цветов, и вид (Букв. «пространство») цветника от распустившихся цветов вызвали зависть [целой] выставки китайских картин.

С кипением [низверглись] ливни из весенних облаков, поверхность листьев на деревьях покрылась благоухающим жемчугом. Ювелиры — силы весны украсили склоны гор и долины яхонтами и рубинами разноцветных тюльпанов и маков, драгоценными камнями и блестящими жемчужинами капель из облаков [в месяце] нисане (Название пятого месяца сирийского календаря, соответствует апрелю) [уподобили] сады и лужайки картинам Мани и [легендарному красавцу] Аврангу. Хранитель сокровищ природы из топазов /96a/ и алмазов лепестков построил стройными рядами побеги и ветви деревьев. Мастер росписи [по эмали] со [всего] света собрал силу роста из изумруда и бирюзы зеленых букетов листьев, какие можно было [найти] на лужайке мира, в самых различных местах. Разноцветные розы украсили эмалью и драгоценными камнями поверхность земли, повисли на голове и груди цветника. Новогодний праздник был украшен тысячами красот и торжеств, от лучей божественного вспомоществования воссиял светильник счастья Хусрава и озарил положение дел в Курдистане.

В эти времена, когда [Хусрав-хан] явно и тайно стал любимцем ока победоносного государя, сиятельный благосклонный разум повелителя-странопокорителя укрепился в

намерении, кроме короны и венца, диадемы и украшений, возложить на плечи некоторым честолюбивым царевичам знак отличия, как принято у европейских государей, дабы украсить пир и битву, [вызвать] ярость и свирепость в бою, /966/ а величие, великолепие и отвагу приумножить превыше всякой меры.

Из них тем знаком изволили отметить и отличить от остальных братьев губернатора области Фарс, портов, берегов и прилегающих [округов] Хасан 'Али-мирзу ¹⁰⁷ — единственный [в своем роде] перл из шкатулки владычества и блистающую звезду из созвездия славы, дабы пред самыми великими и ничтожными не оставался он в безвестности и потаенности; на коне, на прогулке и на охоте [его] замечал и находил великий и ничтожный без подсказки; чтобы турок и таджик узнавали и показывали перстом, и во время сражения он преследовал убегающих врагов, в шатре не скрывался.

И таким же образом [отличили] жемчужину моря царствования и перл меча [государя] — тени Аллаха, лучшего [из] сыновей, высокодостойного 'Али-хана ¹⁰⁸, наместника обители халифата — [176] Тегерана. Каждого [одарили] одним из золотых знаков отличия, [отделанных] эмалью и инкрустированными драгоценными камнями, дабы украсить ими [их] стан и поощрить к оказанию услуг государю.

[Что касается] того, кто следует третьим после [этих] двух и является единственным [для] любого ничтожного и превосходного, /97a/ [то], воистину, уста (Букв. «язык») мудрецов [всех] народов и язык красноречивого изъяснения курдов, турок, арабов и персов немеют и [умолкнут], пораженные при перечислении и одного десятка из [многих] десятков его похвальных качеств, и серая с плавной поступью нога *калама* захромает и заблудится на ристалище красноречия при описании одной из тысячи его восхваляемых добродетелей.

[Это] эмир, каких коловратное небо [еще] не заполучало в плен, и герой, каких еще не лицезрел владыка четвертого небосвода [солнце] за все то время, что свет его озаряет четвертый климат. Око старого небосвода не видело такого мудрого и великодушного при [всей своей] зоркости, ухо вселенной не слышало о ему подобном, столь совершенном, справедливом и мудром при [всем своем] остром слухе. Владеет мечом и пером, в сражении и в бою это воинственный лев, в собраниях и среди пирующих по умению произносить сладостные речи и цветистые выражения, отмеченные красноречием, он единственный среди рода человеческого — несравненный, неповторимый и не имеющий в мире равных.

Стихи

Блестящая жемчужина из раковины /976/ арделанского моря,
Жемчужина умножила цену короны и венца.

Поскольку гордость валиев [Хусрав-хан] был вознесен и возвеличен среди равных родством с их милостью государем, ныне его изволили причислить к царевичам. Хотя он [и так] был отмечен среди всех зятьев, несравнимый владыка снова отличил его особой милостью, изволил выделить среди всех царевичей и вознести среди ему подобных и равных знаком отличия, [учрежденным для] царевичей. Орден из золота, украшенный эмалью и бесценными алмазами — как будто они, рубин и коралл, для него [могут служить] знаком отличия; с инкрустированными рубином чистой воды и несколькими добытыми из копейяхонтами — солнце и луна робеют перед ним, [как] вымысел [перед правдой]; усыпанный зернами изумруда, вид которых на расстоянии мили слепит глаз гадюке подобного врага, а очи зрячих поражает и просветляет; с несколькими нитками круглых жемчужин, [цена] каждой из которых равна хараджу /98a/ с Оманского моря, — передали перлу [177] из раковины царствования и прекрасной жемчужине из ларца падишахства, гордости державы [Хусрав-хану] и отослали для того благородно'го, средоточия величия, его высочества гордости валиев, дабы тем орденом отличить его и отметить среди царевичей и зятьев.

На ордене — портрет государя [того] времени, [покрытый] эмалью, все остальное изволили украсить драгоценными камнями, [дабы] на пиру и в сражении [на него указывали] перстом, видели и примечали издалека и вблизи. Однако, хотя он [и служит] знаком отличия при их царской милости, это всего лишь предлог, чтобы отличить его (Хусрав-хана) среди царевичей. Разве нет у его высочества просвещенного правителя камней получше этого и таких великолепных, каких не найти у государей турецкого и европейских? Дело в том, что его отметили среди царевичей помимо родства, от великой любви и приязни послали этот знак отличия для его высочества гордости валиев. /98b/ Плечи [его] украсила слава, [украшением] груди [стали] власть и счастье, хотя, воистину, любая из его добродетелей является орденом, украшенным драгоценными камнями и почетным, а любое из его прекрасных качеств служит знаком украшения и отличия. Однако это великая милость, поскольку исходит она от его величества государя, способствует возвеличению великолепия и счастья, умножает доверие и упование, увеличивает отвагу, могущество и славу. Ангелы небесные, перебирая [от изумления вместо] четок крылья и пальцы (Букв. «руки»), при виде такого царственного величия раскрыли уста [для произнесения словес]: «Слава тебе: ты даешь власть тому, кому пожелаешь» — и, восхваляя вечного [господа], пред этой скрытой жемчужиной они

укрепили (Букв. «положили») в светлом чистом разуме [изречение]: «Он вознесен над тем, что говорят они, на великую высоту» (Коран, XVII, 45), «а это со стороны бога есть великое блаженство» (Там же, XLVIII, 5).

В начале месяца раби' ал-аввала 1250/1833-34 г. от страха перед эпидемией чумы жители Сенендеджа пришли в смятение [и] разбродились [кто куда]. За некоторое время до этого /99a/ валий заболел несколькими болезнями, и в тот самый день, когда население крепости разбродилось [кто куда], он отбыл из [этого] бренного мира. Птица его души воспарила из клетки груди и подружилась с ангелами в высочайшей из небесных высот, в мгновение ока отбыл он из обители тщеславия и прибыл во дворец радости. «Все, что есть, гибнет, кроме его существа; ему принадлежит суд, и вы к нему возвращены будете» (Там же, XXVIII, 88). [178]

Стихи

Поскольку мир он покинул в юности и в расцвете молодости,
Сердце старца и юноши [исполнилось] жалости к нему;
Огонь запылал в душах мужей и жен,
Очи возрыдали по нему и души стали оплакивать его молодость;
Такой во вселенной возгорелся огонь,
Что весь мир будто [покрылся] тюльпанами;
Из очей [хлынули] такие потоки крови,
Что земная поверхность от того стала цвета тюльпана.

*Связанный благоухающим амброй пером букет из базиликов и гиацинтов [букв]
относительно достоинств (Букв. «качеств») его высочества благодетеля [нашего] Риза-
Кули-хана, сына Хусрав-хана [109](#)*

После траура по валию, который обрел покой в раю, о том, что произошло, доложили его величеству высокородному государю. /99b/ Посланцем ко двору государя направили Мирза Мухаммада, сына Амин ал-Айале, составили и препоручили Мирза Мухаммаду прошение, скрепленное печатью, [от имени] всех жителей Курдистана. Тот взял с собой [и] многочисленные послания от их высочества Высокой Колыбели и Великого Покрывала, высокочтимой, высокоуважаемой принцессы [Валийе], доложил государеву двору и столпам державы о том, что произошло, и [получил] почетное одеяние валия и грамоту на правление на славное имя и достойное поименование жемчужины из ларца [того, кто] «не дает смешаться двум морям, готовым слиться между собою» (Коран, LV, 19), звезды [небесной] башни [изречения]: «Небеса возвысил он и поставил на них весы» (Там же, LV, 6), блистающего полумесяца небес величия и счастья, молодого побега из сада великолепия и славы, светильника царственного собрания и шахской семьи, светоча

государева рода, утвержденного бесчисленными господними утверждениями, любимца семейства Завершающего (**Эпитет пророка Мухаммада**) — старшего сына Хусрав-хана — Риза-Кули-хана, которому в то время было десять лет. Он восшествовал на престол управления. Почетный халат везира и ведение дел в эмирате были препоручены государевым двором Мирза Фараджаллаху, дабы **/100a/** он занялся разбором и рассмотрением нужд (**В тексте: «дел»**) дальнего и ближнего и все важные вопросы разрешил наилучшим образом.

Поскольку его высочество хан был [еще] малолетним ребенком, соседи (**Букв. «окрестные народы»**), наблюдая такое [положение], подняли из воротников **[179]** головы и стали посягать на вилайет Курдистана. Им показалось, что в Курдистане [больше] нет львов из чащи отваги, раз такое дело они вообразили осуществимым.

Так, ... (**Имя правителя в тексте пропущено**), который был правителем Гярруса и афшаров и собрал из гяррус[цев], афшаров и других племен большое сборище, несметное и неисчислимое, возомнил себя Афрасиабом Турком и возгордился. Он начал завоевание Курдистана и вознес знамя отваги, героев Арделана посчитал несуществующими, выступил с многочисленным отрядом и вторгся в пределы Курдистана.

Когда это известие достигло благородного слуха Высокой Колыбели и [Великого] Покрывала — солнца, вскормленного под сенью шатра господней [милости], жемчужины из ларца государева семейства,— **/100б/** величайшей царевны и храбрецов Курдистана, они повязались поясом решимости для усмирения той смуты и сели на коней отваги. Затрубили в трубы, забили в барабаны и литавры, возвестили о [своей] отваге на весь мир. ... (**В тексте лакуна**) Они выступили в путь.

Поскольку какой-то отряд курдистанцев впереди... (**В тексте лакуна**) был и беспрестанно его беспокоил, гяррусцы и афшары, которых витязи Курдистана постоянно побивали и грабили их имущество и богатство, на этот раз сочли момент благоприятным для мести, не ведая о том, что львы поля битвы [лишь] уснули в курдистанских чашах.

Когда [противники] встретились, от вида храбрецов и криков сражающихся трепет запал в души гяррусцев, афшаров и царевны (?), а тела охватила дрожь. Заговорили они о мире, направили посланца и со всем позором и приниженностью просили извинения, раскаявшись и стыдясь содеянного. От [намерения] захватить вилайет **/101a/** они отказались и тут же повернули назад. Высокочтимая царевна вместе с победоносными

витязями возвратилась с победой и торжеством, остановилась в резиденции правителя и успокоила жителей вилайета.

В месяце раджабе / ноябре этого же [1834] года государь Ирана Фатх 'Али-шах Каджар отбыл в Фарс, желая развлечься. По приезде в Исфахан его настиг быстроногий посланник смерти, [и] птица его души воспарила из клетки груди. Покинул он бренный мир, предпочел направиться в мир будущей жизни и прибыл во дворец вечности. О том, при каких обстоятельствах умер 'Аббас-мирза Наиб ас-Салтане ¹¹⁰ и наследником престола стал Мухаммад-мирза ¹¹¹, [уже] написано пером изъяснения.

Мирза Хидайаталлах Амин выехал в Тебриз поздравить Мухаммад-мирзу. Когда он прибыл в Тебриз, от известия о смерти Фатх 'Али-шаха мир пребывал в лихорадке и сотряслся. **[180]** Мухаммад-мирза воссел на коня отваги, развязал крылья шахскому соколу на знамени устремления, [отправился] в обитель халифата

Тегеран и вознес знамя неустрашимости. /1016/ Его брат Бахрам-мирза ¹¹² выступил через Шахризур для завоевания Керманшахана. [Мухаммад-мирза] поручил Мирза Хидайаталлаху подготовить сотню конников из львов полей сражения и битвы, такого-то, сына такого-то, избрать [главой] новобранцев, дабы с подобающей организованностью и торжественностью они направились при шахском стремени в Тегеран, Эти обстоятельства способствовали упрочению счастливой звезды валия и умножению благополучия жителей Курдистана. [Затем] валию с жителями [Курдистана] приказали присоединиться к Бахрам-мирзе и завладеть Керманшаханом и Хузистаном.

Мухаммад-шах выступил оттуда, Мирза Хидайаталлаха отличил дорогими одеждами и отмеченным расположением милостями и отпустил. [Мирза Хидайаталлах] прибыл в вилайет и по приезде довел до сведения везира, что произошло. Тот без промедления с подобающей торжественностью и бесчисленным красочным снаряжением подготовил сотню людей, как-то: Наджаф-Кули-бека,

/102a/ сына Мухсин-хана; Мирза Фазлаллаха; Мирза Абу-л-Касима, сына везира; Мирза Мухаммада Джа'фара, сына Амин ал-Айале и Мухаммад-Кули-бека, сына Хаджжи Риза-Кули-бека *ишикагаси-баши*. Отряд из такого рода людей, в кольчугах и шлемах с султанами, [исполненных] торжественности, [со] снаряжением из золота и серебра и отборным оружием, в таком виде отправили к Мухаммад-мирзе.

Спешили, невзирая на холод и обилие снега, и присоединились к нему еще до прибытия в столичный город. Очи Мухаммад-мирзы и столпов державы они заставили воссиять доброй [лаской]. Следом за ними без промедления отправился в путь и Мирза Хидайаталлах Амин ал-Айале, он поехал в резиденцию шаха и умножил [свои] заслуги [перед] государем. Стопа [его] обрела мощь, а сан — превосходство.

Его высочество высокодостойный валий — молодой побег из сада великолепия и славы и сверкающий полумесяц в апогее величия и счастья — Риза-Кули-хан со своей стороны тоже вместе с несравненным везиром и другими храбрецами Курдистана

/1026/ после подобающих приготовлений, с неопикуемой торжественностью (Букв. «с безграничными предметами роскоши»), с многочисленными сарбазами и отрядом вставил стопу в ободок стремени, посчитав обильный зимний снег за мех горностая и серой белки. Не замерзли они от сурового льда и снега [и] не впали в уныние, отправились в путь и, проехав через земли Курдистана, присоединились к Бахрам-мирзе. [181]

Когда об этом прослышал Мухаммад Хусайн-мирза, он незамедлительно оставил Керманшахан и волей-неволей отправился ко двору государя. Бахрам-мирза беспрепятственно, без сражений и [не встречая] сопротивления, вступил в Керманшахан. Валий, везир и храбрецы Курдистана возвратились оттуда назад и прибыли в свой вилайет. Мухаммад-мирза же с тем небольшим отрядом без боя и сражения прибыл в столичный город Тегеран.

Восхваляли и превозносили конников Курдистана без [всякой] меры, и, воистину, они того были достойны. Его высочество Каим-Макам ¹¹³ при всем честном народе высказался в таком духе: «Жители Ирана какие средства /103a/ и доходы имеют тратят на одежду для женщин либо оставляют про запас и зарывают в землю. Курдистанцы, напротив, [из того], что попадает им в руки, часть оставляют на приобретение боевого снаряжения и всего необходимого для битвы (Букв. «на приведение в порядок боевого снаряжения и на украшение себя всем необходимым для битвы»), все [остальное] тратят на золотое и серебряное убранство, чтобы украсить [им] голову и шею лошади, на кольчугу и шлем, снаряжение и оружие для сражения и боя, на мечи, стрелы и [предметы] роскоши». Словом, они показали себя с весьма хорошей [стороны].

И, воистину, это эмир ¹¹⁴, [рядом с] высокими помыслами и великодушием которого Му'ин и Хатам [годятся] ему [лишь] в покорнейшие слуги. В дарении и щедрости не имеет он себе подобных и равных. В ладони его щедрости [умещается] Оманское море, путь его

усеян розами и кладами (Букв. «стопа [его] в розах и кладах»). Государи смущаются пред десницей его великодушия. До того дошло, что его великодушие почитают неумеренным, а его щедрость и его подарки принимают за расточительность. Так что три-четыре кошура (Корур — полмиллиона), оставшихся ему от отца деньгами и натурой, он все за один год промотал. Какие прекрасные вещи у него (Т. е. у отца) были в кладах положены, [все] /1036/ это он пустил на ветер уничтожения. Чужеземцев он изволил осыпать бесчисленными подарками и благодеяниями, избрал для себя путь расточительности и мотовства.

Однако близких и родственников он менее [других] оделял средствами пропитания и даже отослал большинство потомков Ардалана и [исконных] жителей Курдистана в долину бедствия и несчастья. Одни целиком заняты заботой о себе, большинство же [проживает] в величайшей бедности. Однако ученым и духовенству он оказывал подобающее уважение и почет. Держал он себя весьма смиренно и скромно — так, что вызволил их всех из уголка обители уединения и вознес до высот дворцового здания [182] и самого почетного сана, всех весьма возвысил, одарил караванами и верблюдами.

Исполненный милосердия, он сразу прощает проступки; [наделенный] учтивостью, не произносит пустых слов, не сквернословит и не бранится. Он писал красивым почерком, сочинял безукоризненные [по красоте] стихи и был искусным музыкантом.

На нерадивую службу он не обращал внимания и не старался помышлять о мести. Каждый из братьев его предал, /104a/ с ним враждовал и не признавал его власть (В тексте: «не обращал внимания»). Он всех изволил простить, более того, приблизил к себе, озарил их положение лучами милости, сделал их своими сотрапезниками и собутыльниками [для вкушения] сладостных яств и виноградных напитков. Обожая игры и забавы, он меньше [всего] выходил за пределы [дворца], все время восседал [где-нибудь] в уединении и закрыл двери перед знатью и благородными, неизменно занятый ... (В тексте лакуна) бокалами с благоуханными напитками, и постоянно жаждал вкушать пурпурные вина. На своих пирах близкими друзьями он [выбирал] людей, преданных удовольствиям жизни, а делами правления и власти не занимался. Будучи отмечен и вознесен родством с государем, он пользовался в делах правления полной независимостью. Что его сердце хотело, то он и делал, поступал так, как считал нужным.

Его отец (Букв. «хотя его отец») покончил с людьми в Курдистане, заменил их скотом и пресмыкающимися, и те, что существуют ныне, из их числа. Из благородных остались

разве что немногие. /1046/ Как бы то ни было, он, [помимо] высокородной дочери шаха, всюду разыскивал луноликих дев и благоухающих амброй танцовщиц (В тексте: «артистов») и овладевал [ими]. Воров он достойно наказал, т. е. перевешал и отослал в страну небытия. Поскольку большинство [его] нукеров и воинства были из племен скотоводов, несмотря на такие меры, снова развелось много грабителей, разбойников на дорогах и воров. И любой из жителей вилайета, кто из-за несостоятельности и бедности или страхась дурных намерений и нечестности отправится куда-нибудь, сразу по возвращении в свой вилайет будет соответственно помилован и удостоится безграничных милостей.

Порождение гор своеволия — племена авроми — объединились и подняли головы из воротника непослушания, избрали путь вражды и закрыли врата покорности и повиновения. Они укрылись на вершинах высоких гор, сооружением подземных ходов и укреплений и ружейными выстрелами /105a/ оповестили валия [183] о [своем] несогласии [с ним]. Тот без промедления поднял в мире переполох великолепием [своих] храбрецов, вознес знамя отваги и забил в барабан битвы. Он назначил Мухаммад-хана *сархангом* и поручил [ему] с воинством, [многочисленным], как саранча и муравьи, с могучими пехотинцами и сарбазами из войска и армий окрестных [округов] и племен, из курдов и джафов приготовиться смело и бесстрашно вступить в бой с авроманцами и озарить вершины гор Авромана лучами прибытия. Он направил Мухаммад-хана, а с ним — группу знати и благородных.

Поскольку горы в тех местах крутые, сплошь покрыты лесом и [одного] метра ровной земли там не найти и нет, конникам и войску негде было ни погарцевать, ни пройти. И вот (В тексте: «однажды») [войска] прибыли в те районы и там остановились. Каждый день авроманцы стреляли из пронзительноголосых (Букв. «со звуком, [издаваемым] молнией») ружей, а храбрецы вместо щита подставляли [свою] грудь. С обеих сторон /105b/ разожгли огонь битвы и ухватились за колющее и разящее оружие, пока молодецкий пыл... (В тексте лакуна) не вскипел и богатыри не взревели.

Армия и войско вверились господней милости и прибегли к помощи семейства его святости. Завершающего (Эпитет пророка Мухаммада), положились на вспомоществование бога и испросили поддержку у чистых имамов, все при [полной] готовности, оружия и убранстве заткнули за пояс подол решимости и обратили чело отваги к горным вершинам. Племена авроманцев с неким сборищем из скотоводов-джафов, бросая сверху камни и стреляя из пронзительноголосых ружей, раскрасили

кровью головы и грудь храбрецов. Снова [герои] подступили к ним, таким же образом подставив грудь вместо щита, бросились на их окопы и укрепления, напали на авроманцев и сцепились с ними в смертельной схватке.

Одних они порубили смертоносными мечами, посыпали им головы прахом унижения и презрения, много крови пролили на землю, смешали с прахом куски тел убитых; других /106a/ отправили в области небытия, а большинство из них схватили и привели [как пленников]. Их Хайдар Большой был убит, их эмиры — унижены. Лишь немногие обрели спасение из той губительной пучины. Каждый поспешил где-нибудь [укрыться], унести благополучно душу. [Затем] они снова обратили с надеждой чело к валию, снискали подобающее помилование и безграничное благоволение. Ныне Мухаммад-султан Аврами, который всех превзошел доброй славой, находится при его милости [правителе].

Воистину, в тот день битвы некоторые из богатырей Курдистана проявили чудеса отваги и мужества, в особенности [184] Аманаллах-бек. Когда начали битву, он верхом на коне ровной белой [масти] стал гарцевать и в том сражении показал себя на поле брани непревзойденным в нападении всадником. Преодолея их окопы и укрепления, бесстрашно вступил в бой. Облаченный, как [в] день пиршества, в ярко-красное, цвета розы, одеяние (В тексте: *каба* (просторная одежда с длинными рукавами)), [Аманаллах-бек] появился /106b/ на том поле брани, как на четвертом небосводе солнцу подобная молния, подобно сиянию миропокорителя-солнца, и показался на том поле битвы, как озаряющее мир светило в зодиакальной созвездии Льва (Знак Зодиака, соответствующий пятому месяцу иранского солнечного года, или июлю — августу) или когда оно с сотней красот достигает [знаков] Овна и Тельца (Знаки Зодиака, соответствующие марту — апрелю и апрелю — маю).

[Аманаллах-бек] остановился, как тигр, что вот-вот кинется на оленя, или леопард, [готовый] растерзать быка. Небеса восславили его на сотне тысяч языков. Вслед за этим он показал чудеса храбрости и какое-то число [врагов] отослал в долину небытия ударом острого меча и кровожадного кинжала. Лишь немногие избежали его меча и [спаслись] бегством. [Мы] не извратим предание, [если скажем, что] Кай-Хусрав поднял бы шум в его присутствии, а в сражении с Рустамом и Исфандийаром он был бы подобен Залу.

Как бы то ни было, его высочество валий некоторое время занимался делами правления вполне безупречно, а когда узрел, что в поступках своих он независим, совсем перестал управлять и принялся за забавы и развлечения. Он занимался одними детскими играми и

гонял коня своеволия по [засеянной] хлебом ниве. Делами ведал Мирза Фараджаллах везир. /107a/ Он занимался уплатой податей в шахский диван и разрешал все вопросы. Высочайших и ничтожнейших он ублажал сладостными речами и отсылал по домам.

Большую часть времени днем и ночью валий проводил на женской половине и временами изволил жаловать в сад Хусравабад. Таким образом, два-три месяца он находился в том саду и закрывал двери перед знатными и вельможами. Большею частью он занимался стрельбой и играл с детьми, а раз в несколько дней садился на коня и тридцать-сорок дней подряд жил в этих окрестных деревнях. В два-три месяца раз он изволил прибывать в город, снова [останавливался] в уединенном месте за пределами [дворца ?] или в саду Хусравабад, вкушал из кубков [благоухающие] рейханом вина и пурпурные опьяняющие напитки и приятно проводил время.

Вспомоществуемый [своим] гороскопом и счастьем, которому чужды беспокойство и печаль, он правил независимо. Хотя его [185] высокие помыслы были беспредельны, а щедрость и великодушие безграничны и непомерны, однако /107b/ он был весьма расточителен. Он все раздаривал чужим, [тем, кто] говорил по-персидски, людям недостойным и юнцам.

И когда трое человек из племен мухаммед-рашид-бек были казнены, а остальные предпочли бежать и обратились ко двору государя с жалобой, ответа по [интересующему их] вопросу они не слышали. Они оставили вилайет и по приказу государя направились в Шираз. И, воистину, когда [эти] прекрасные юноши и красавцы учтивые и благовоспитанные, приветливые и доброжелательные прибыли в Исфахан, царевич, который там управляет, изволил их при такой многочисленности призреть и всех наставить [на истинный путь]. Заботясь о них, он написал государю прошение, просил поддержать тех благородных. Его величество государь изволил его просьбу удовлетворить и поручил благородных курдистанцев ему. Тот их всех обласкал и одарил, расселил по, домам, назначил жалованье и /108a/ пропитание и послал в достаточном количестве корм для лошадей. Всем он [пожаловал] подарки и подобающие почетные одежды ... Словом, он их направил [по истинному пути].

Конец книге с помощью вседарующего повелителя.

- 1 См. *Хадике-йи Насирийе*, с. 88—89 и Хажар, с. 195.
- 2 Курдские районы, ныне составляющие северо-восточную часть Ирака. Об их местоположении см. *Шараф-наме*. Т. 1. с. 497, 519, 527; Хажарс. 196.
- 3 О местоположении районов см. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 513—515 и Хажар, с. 199, 200, 205.
- 4 Автор имеет в виду правителя Имадии Султан Хусайн-бека, который по приказу турецкого султана Сулаймана выступил вместе с несколькими эмирами Курдистана, чтобы завоевать область Шахризур. См. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 148.
- 5 Хусрав б. Мухаммад, таким образом, весьма своеобразно понял и воспроизвел в своем сочинении сообщение Шараф-хана Бидлиси, что в 1004/1595-96 г., во время написания *Шараф-наме*, область Хилле принадлежала Мамун-беку II. См. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 148.
- 6 См. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 514, примеч. 262.
- 7 *Амир ал-умара* — эмир эмиров, или верховный эмир, — титул военного наместника, который стоял во главе вилайета.
- 8 Хусрав б. Мухаммад значительно изменил рассказ Шараф-хана Бидлиси. Согласно *Шараф-наме*, эта осада крепости Залм имела место при Мухаммад-беке, правление которого в хронике не упоминается. См. *Шараф-наме*. Т. 1, с. 149—150.
- 9 Автор имеет в виду, по-видимому, область Шахризур, захваченную в 969/1561-62 г. турками. В *Шараф-наме* об этом не говорится, и сведения Хусрава б. Мухаммада служат ценным дополнением к труду Шараф-хана.
- 10 Правитель Соранского эмирата Мир Мухаммад, известный также под именем Мир Мухаммад-паша Куре, Мир-и Равандуз или Эмир Ревандуза (правил в 1813—1836 гг.), сделавший попытку объединить под своей властью районы трех курдских эмиратов: Сорана, Бабана и Бахдинана. См. Хажар, с. 507—512; Джалиле Джалил, с. 69—70, 80—114.
- 11 Керманшахан — область, примыкающая к Арделану с юга, с главным городом Керманшахом, составляет ныне шахристан в пятом астане Ирана. Сонкор — название небольшого городка в бахше Сонкор-Колйаи в шахристане Керманшахан. См. *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 248, 359.

12 Этой фразой кончаются заимствования Хусрава б. Мухаммада из *Шараф-наме*.

13 Автор явно выразился неточно, так как основаны крепости были задолго до Халу-хана. Хусрав б. Мухаммад имеет в виду, по-видимому, реконструкцию и восстановление крепостей.

14 Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, л. 2) вместо стоянки *** называет деревню ***, тоже относящуюся к Исфандабаду.

15 Али-Бали Зангане, или 'Али-бек Зангане, упоминается в *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* в связи с пожалованием ему в 1027/1617-18 г. должности *мир-ахура* после смерти Махди-Кули-бека *мир-ахур-баши* джагатая. «Его дети были еще малолетними и не могли выполнять должность *мир-ахура*. На том основании [должность] поручили 'Али-беку Зангане, известному под именем Али-Бали». Таким образом, согласно *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*, Али-Бали Зангане был назначен *мир-ахуром* уже после прихода к власти сына Халу-хана — Хан Ахмад-хана. См. *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 942.

16 Согласно *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* (т. 2, с. 867, 926), Хан Ахмад-хан «с детского возраста произрастал под сенью государева воспитания и заботы». Шах 'Аббас, по словам историка, относился к молодому хану весьма благосклонно и «все свои возвышенные помыслы обратил на его воспитание».

17 По сообщению Искандар-бека Туркмана (*Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 867, 926—927), Хан Ахмад-хан был направлен в Арделан к отцу в 1021/1612-13 г., «поскольку тот стал очень стар и немощен» и не имел поддержки и влияния среди *'аширатов* и племен. «Мы послали твоего сына,— велел, по словам Искандар-бека, передать шах 'Аббас Халу-хану,— дабы впредь он находился при отце и чтобы вы оба прибыли в Гянджу [и] Карабаг, когда победоносные знамена двинутся для наказания грузин». Халу-хан был уже действительно к этому времени достаточно почтенного возраста — ему шел девятый десяток. «Но по его виду,— писал автор *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*,— ему можно было дать не более семидесяти» (т. 2, с. 927). Однако шах 'Аббас, находя Халу-хана слишком старым для правления, счел его вполне пригодным для участия в далеком походе на Гянджу.

18 Описанный Хусравом б. Мухаммадом весьма любопытный прием гостей, несомненно, символичен и в известной нам литературе о нравах и обычаях курдов не отмечен.

19 Рассказ Хусрава б. Мухаммада весьма отличается от описания Искандар-бека Туркмана (*Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 926—927). Халу-хан, по свидетельству Искандар-бека, «оставил сыну владения и имущество и по усмотрению сына направился ко двору прибежища мира с извинениями...».

20 По словам Искандар-бека (*Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 926—927), шах 'Аббас принял его довольно благосклонно, «памятуя о прежних услугах, оказанных [этим] родом», и постановил жить ему до конца своих дней в «стольном городе Исфахане».

21 Согласно *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* (т. 2, с. 927), начало правления Хан Ахмад-хана приходится на 1026/1617 г.

22 Термин ***, или ***, Хусрав б. Мухаммад явно воспринимает как название крепости. В других трудах персидской историографии он означал «укрепление, крепость». См. Мухаммад Казим. Т. 3, л. 15а.

23 Автор имеет в виду упоминаемого им выше Мир Мухаммада, правителя Соранского княжества. См. выше, примеч. 10.

24 По-видимому, Хусрав б. Мухаммад имеет в виду езидское племя дасни, проживающее ныне в районе Мосула в Ираке.

25 Согласно *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* (т. 2, с. 1006), завоевание Мосула осуществлялось силами одного из полков шахского войска и отрядом из *курчиев, гуламов, туфангчиев* во главе с главнокомандующим иранских войск Карчигай-ханом. Хан Ахмад-хан был направлен в область Керкука (в тексте: ***) и Шахризур. Последнее представляется непонятным, поскольку Шахризур был передан Хан Ахмад-хану его отцом Халу-ханом, и в *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* не упоминается, чтобы Хан Ахмад-хан эту область утратил.

26 В данном случае Искандар-бек Туркман (*Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси*. Т. 2, с. 1006) сведения Хусрава б. Мухаммада подтверждает. В *Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси* упоминается также, что войска крепости Керкук бежали, будучи не в силах оказать сопротивление, и крепость перешла во владение Хан Ахмад-хана и *'аширатов* Арделана.

27 Первый министр багдадского административного аппарата, подчинявшийся непосредственно багдадскому паше (Longrigg, с. 354), или глава города (Lysklama. Т. 4, с. 236).

28 Ослепление сына Хан Ахмад-хана, по-видимому, явилось результатом не столько наговоров и интриг лурского хана, сколько обычая, согласно которому дети шахских сестер по повелению государя умерщвлялись или ослеплялись. См. Картина западной Персии, с. 262.

29 Явная описка переписчика. Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, л. 2) упоминает, что Сулайман-хан был назначен «правителем Арделана, Шахризура, Коя и Харира в 1048/1630-31 г.».

30 Решение Хан Ахмад-хана покончить с Сулайман-ханом, вызванное, по мнению Хусрава б. Мухаммада, желанием уничтожить способного соперника, весьма любопытно для воссоздания психологии курдского феодала средневековья в понимании Хусрава б. Мухаммада.

31 Для снабжения своего укрепленного замка водою Сулайман-хан построил подземный водопровод, устройство которого отличалось большой сложностью. См. Чернозубов, с. 34—35; Чириков, с. 327.

32 Имеется в виду султан Мурад IV, годы правления 1623—1640.

33 Хусрав б. Мухаммад ошибочно датирует начало правления Калб 'Али-хана 1060/1650 г. Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, л. 3) указывает 1068/1657-58 г.

34 По словам Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 3), Калб 'Али-хан умер в 1089/1678-79 г.

35 Согласно Supplement (л. 3), получается также 1090—1091/1679-80 гг., так как Калб 'Али-хан умер в 1089/1678-79 г., а Хан Ахмад-хан б. Калб 'Али-хан правил год и шесть месяцев.

36 Бестом (бест — «преграда, заграждение») в Иране было принято называть самые разнообразные места, служившие убежищем для всякого, кто преступал закон и желал временно избежать наказания, чтобы дело его тем временем было улажено. См. Богданов, с. 125.

37 Мухаммад Ибрахим Ардалани не упоминает ни о казни Хусрав-хана Бани Ардалана, ни о назначении правителем Арделана в 1093/1682 г. аджарца Тимур-хана.

38 Шах Султан Хусайн (годы правления 1105/1693-94—1135/1722-23) — старший сын шаха Сулаймана и, по мнению иранского историка Махди Бамдада (т. 2, с. 80—86), один из самых неспособных государей, правивших в Иране.

39 Термины *бадж* и *харадж* в данном случае, по-видимому, означают всю совокупность податных сборов с сельского хозяйства.

40 Согласно *Хадике-йи Насирийе*, население само прогнало Хусайн 'Али-хана. Кай-Хусрав-бек был *йасаулом* шаха Султан Хусайна и управлял Арделаном в 1118—1119/1706—1708 гг. См. *Хадике-йи Насирийе*, с. 122.

41 По словам Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 3), 'Аббас-Кули-хан оказал в походе на Кандагар и Герат выдающиеся услуги и проявил подобающее мужество и отвагу.

42 Мухаммад Ибрахим Ардалани (см. Supplement, л. 3) сына Калб 'Али-хана и отца 'Али-Кули-хана называет Джихангир-султаном.

43 Автор имеет в виду сочинение Мирза Махди-хана *Тарих-и джихангуша-йи Надири*. См. Введение, с. 33.

44 Перечисленные автором районы были захвачены турками в 1723—1724 гг.

45 Согласно *Хадике-йи Насирийе*, с 1132/1719-20 по 1136/1723-24 г. в Сенендедже правил Хане-паша Бабан, а с 1136/1723-24 по 1142/1729-30 г.— его сын 'Али-хан Бабан.

46 В 1731 г., оправившись от удара, нанесенного Надир-шахом в 1730 г., турки предпринимают новые попытки захватить западные области Ирана. Ахмад-паша, не встречая ни малейшего сопротивления, покорил Керманша-хан, Арделан и, разгромив превосходившие в три раза войска шаха Тахмасба, взял Хамадан. См. Lockhart, с. 56.

47 Согласно сообщению Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 5), Ахмад-хан был назначен правителем Арделана в 1155/1742-43 г.

48 Исма'ил Ардалан (*Лубб-и таварих*, с. 66, примеч. 2) воспринимает термин *мутасарриф* («владелец») синонимичным валию. Однако валиями в тексте хроники именуются не только князья Арделана, но и багдадский везир. Тем самым автор стремится подчеркнуть

равенство арделанских правителей не с бабанскими эмирами, а с самим пашой Багдада, у которого последние находились в подчинении.

49 Мухаммад Ибрахим Ардалани ничего не сообщает о столь победоносном походе Хан Ахмад-хана б. Субхан-Вирди-хана, отмечая лишь, что в 1155/1742-43 г. он бежал в Турцию, участвовал впоследствии в новом походе турок на Иран и был разбит в окрестностях Мосула сыном Надира Насраллах-мирзой. Последнее подтверждает и Мухаммад Казим (т. 3, лл. 142б, 149а).

50 По сообщению Мухаммада Ибрахима (Supplement, л. 6), Хан Ахмад-хан управлял Адрианополем три года и умер в 1159/1746 г.

51 Относительно заполнения и переполнения амбаров Хусрав б. Мухаммад явно присочинил, поскольку, по словам Мухаммада Ибрахима (Supplement, л. 5), цены на хлеб возросли настолько, что «население Арделана оказалось не в силах возместить ущерб».

52 Мухаммад Ибрахим Ардалани не упоминает правления каджарского хана и грузинского бека.

53 По свидетельству Мухаммада Ибрахима, назначение Хасан 'Али-хана имело место годом позднее, в 1162/1748-49 г.

54 Ибрахим-шах (Ибрахим-хан) — племянник Надир-шаха и младший брат 'Адил-шаха, который пришел к власти после смерти Надира в 1747 г. В 1748 г. Ибрахим-хан выступил против брата. 'Адил-шах был захвачен и ослеплен, а Ибрахим-хан провозгласил себя государем Ирана Султан Ибрахимом, или Ибрахим-шахом. В это же время в Хорасане провозгласил хутбу на свое имя и стал чеканить свою монету внук Надир-шаха Шахрух-мирза, назвавшийся Шахрух-шахом. В сражении армий двух претендентов на престол Ирана Ибрахим-шах был разбит и в 1162/1748-49 г. казнен. См. Бамдад. Т. 1, с. 16—18.

55 Шейда — название горы в Арделане. См. Nikitine, с. 89.

56 Глава могущественного курдского племени зенгене Имам-Кули-хан, как можно заключить из рассказа Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 6), принадлежал к числу претендентов на иранский престол. По сообщению Мухаммада Ибрахима, до сражения с Имам-Кули-ханом Зангане Хасан 'Али-хан Бани Ардалан имел столкновение с Карим-ханом Зандом, который возглавлял одну из могущественнейших группировок

феодалной знати в борьбе за власть. Сражение, по словам историка, закончилось разгромом Карим-хана Занда в местечке Парйе.

57 *Замбурак* — небольшая пушка, которую возили на спине верблюда. В горных областях этот род артиллерии представлял определенные преимущества.

58 Ущелье Билавар, по-видимому, находится в районе Билавар, который ныне относится к центральному бахшу в шахристане Керманшахан. См. *Фарханг-и джуграфия-йи Иран*. Т. 5, с. 69.

59 Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, лл. 6—7) называет племянника Салим-паши не Халид-пашой, а Сулайман-пашой и сообщает также, что Салим-паша Бабан «во времена Надир-шаха был независимым пашой Шахризура и большею частью находился при надировом стремени с тысячей бабанских конников», а затем «был причислен к везиру Багдада».

60 См. выше, примеч. 27. В данном контексте Хусрав б. Мухаммад воспринимает *кахйа* несомненно как имя собственное.

61 Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, л. 7) объясняет поведение Азад-хана более конкретно: «Азад-хан увидел Хасан 'Али-хана слабым, а Салим-пашу весьма сильным и могучим. Салим-паша дал ему большую сумму [денег] и обязался служить».

62 Любопытно, что Мухаммад Ибрахим совсем не упоминает брата Хасан 'Али-хана — Карим-хана, который вызывает у Хусрава б. Мухаммада столь сильное раздражение. Согласно Supplement (л. 7), «больше в те времена не осталось никого из великих славного рода Баба Ардалана. Из старших того высокого рода [остался] один Хусрав-хан б. Ахмад-хан б. Субхан-Вирди-хан... — ему было 22 года».

63 Далее в тексте парижской рукописи значительная лакуна, восполняемая с. 52—59 тегеранского издания.

64 Мухаммад Хасан-хан Каджар, сын Фатх 'Али-хана Каджар-Каванлу и отец основателя династии Каджаров Ага Мухаммад-хана, годы жизни 1127/1715—1172/1758-59. При Надир-шахе он захватил было Горган и Астарабад в 1156/1743-44 г., но был разбит и скрывался среди одного каджарского племени. После смерти Надира Мухаммад Хасан-хан возглавил одну из группировок феодалной знати в борьбе за иранский престол. См. Бамдад. Т. 3, с. 365.

65 Как только Мухаммад Хасан-хан выступил с претензией на царство, Хусрав-хан бежал к нему с горсткой людей. Каджарский хан обещал ему вернуть «управление Арделаном и власть в Шахризуре», и Хусрав-хан, по словам Мухаммада Ибрахима (Supplement, лл. 7—8), служил ему ревностно и «оказал выдающиеся услуги» в битве с Азад-ханом.

66 Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, л. 8) приводит другой ответ Мухаммад Хасан-хана Каджара: «Как только Салим-паша будет нам служить, дам ему вилайет из иранского государства».

67 В тегеранском издании хроники заголовок более лаконичен: «Описание правления Хусрав-хана». *Лубб-и таварих*, с. 60.

68 Мухаммад Ибрахим не сообщает о передаче в 1176/1762-63 г. управления Арделаном Сулайман-паше Бабану. За 29 лет правления Хусрав-хана, по его словам, «не произошло событий, достойных того, чтобы их описать». См. Supplement, л. 8.

69 Гульзамин («земля роз») — по наблюдению Исма'ила Ардалана, широко распространенный образ в персидской поэзии. *Лубб-и таварих*, с. 94, примеч. 1.

70 Садик-хан — брат Карим-хана Занда, именовавшийся также И'тизад ад-Дауле и Захир ад-Дауле. В правление своего племянника Абу-л-Фатха, провозглашенного государем после смерти Карим-хана, в действительности всеми делами власти ведал Садик-хан. Вскоре он заточил Абу-л-Фатха и других племянников в тюрьму и после напряженной борьбы с 'Али Мурад-ханом Зандом их всех ослепил, провозгласив себя государем. В 1196/1781-82 г. Садик-хан и его сыновья были ослеплены и убиты по приказу 'Али Мурад-хана. См. Бамдад. Т. 2, с. 161—164.

71 'Али Мурад-хан — сын Аллах-Мурад-хана Занда и племянницы матери Карим-хана, пользовался большим влиянием при Абу-л-Фатхе и Садик-хане. Несмотря на попытки Садик-хана сместить 'Али Мурад-хана с управления Исфаханом, он сохранил свою власть и в 1196/1781-82 г. вступил в Шираз и завладел престолом. Основные его усилия после прихода к власти были направлены на отпор и отражение натиска Ага Мухаммад-хана Каджара, который рвался к престолу. Смерть 'Али Мурад-хана в 1199/1784-85 г. весьма облегчила Ага Мухаммад-хану его задачу, и за короткое время он завладел всем Ираном. См. Бамдад. Т. 2, с. 485—490.

72 Зулфикар-хан Афшар-Хамсейи принадлежал к зенджанской знати и после смерти Карим-хана Занда был одним из претендентов на иранский престол. Зулфикар-хан был разгромлен 'Али Мурад-ханом в 1780 г. с помощью бабанцев и казнен. См. Бамдад. Т. 1, с. 504—506.

73 Джа'фар-хан Занд — старший сын Садик-хана и брат матери 'Али Мурад-хана. После победы над Садик-ханом и захвата Шираза в 1196/ 1781-82 г. Али Мурад-хан, по сведениям Махди Бамдада (т. 1, с. 235—237), назначил Джа'фар-хана правителем Курдистана и направил в ту область, что противоречит сообщениям Хусрава б. Мухаммада. После смерти 'Али Мурад-хана в 1199/1784-85 г. Джа'фар-хан восшествствовал на престол в Исфахане и начал чеканить свою монету. В 1203/1788-89 г. Джа'фар-хан был убит в результате заговора зендской знати из его окружения.

74 В тексте: ***. По-видимому, Хусрав б. Мухаммад имеет в виду Динавер, ныне один из четырех дихистанов бахша Сахне шахристана Керманшахан. См. *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 198.

75 По словам Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 9), встреча войск арделанского князя с племенем зенгене произошла в деревне Зарле, в одном из районов Сонкора.

76 Согласно Supplement (л. 9), Хусрав-хан был недоволен убийством Аллах-Кули-хана Зангане. Убийца заслужил презрение и был изгнан навсегда. Тело Аллах-Кули-хана с величайшими почестями было отправлено в Керманшахан.

77 Туй-Саркан — ныне один из округов (бахшей) в пятом астане Ирана, к западу от шахристана Малаир. См. *Фарханг-и джуграфийа-йи Иран*. Т. 5, с. 98-100.

78 По-видимому, автор имеет в виду курдское племя мукри и племя афшар, проживавшее в районе Зенджана.

79 В парижской рукописи год не указан, читаем по тегеранскому изданию хроники. См. *Лубб-и таварих*, с. 72.

80 В парижской рукописи год не указан, читаем по тегеранскому изданию хроники. См. *Лубб-и таварих*, с. 73.

- 81** По свидетельству Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 10), в пути к нему присоединились 'Али-хан Хамсе и Мухаммад Хусайн-хан Гяппрусский.
- 82** Захваченные Хусрав-ханом у Джа'фар-хана Занда литавры и *замбураки* вместе с посланиями и подарками были направлены «к небесноподобному порогу тени Аллаха Ага Мухаммад-хана Каджара». См. Supplement, л. 10.
- 83** *Хатиф* — человек, громким голосом что-то провозглашающий или вызывающий к верующим. В религиозной литературе это слово означает таинственный голос, прорицающий что-либо. EI. Т. 2, с. 306—307.
- 84** Бераты (*хавале*) выписывались на местные казначейства и подлежали оплате жителями деньгами или натурой. В данном конкретном случае берат означает разовое денежное пожалование хана.
- 85** По свидетельству Мухаммада Ибрахима (Supplement, л. 11), Лутф 'Али-хан приходился Хусрав-хану дядей.
- 86** Год указан по тегеранскому изданию: *Лубб-и таварих*, с. 76. В парижской рукописи приведен 1200 г. х.
- 87** Согласно Supplement (л. 11), Ага-Мухаммад-хан был весьма озабочен столь неожиданным недомоганием Хусрав-хана и «поручил искусным лекарям его вылечить. Около пятидесяти дней прилагали они необходимые старания, но ничего не вышло».
- 88** По свидетельству Мухаммада Ибрахима (Supplement, л. 11), Хасан 'Али-хан пошел на Хузистан в 1207/1792-93 г.
- 89** 'Абдаррахман-паша Бабан — могущественный курдский эмир, с 1789 по 1813 г. (с перерывами) возглавлявший Бабанский эмират и в течение ряда лет настойчиво отбивавший натиск турецких войск. См. Халфин, с. 18; Джалиле Джалил, с. 55—62.
- 90** По словам Мухаммада Ибрахима Ардалани (Supplement, л. 12), Хасан 'Али-хан «умер через год в положенный срок».
- 91** Мухаммад 'Али-мирза Даулат-шах — старший сын Фатх 'Али-шаха Каджара (годы жизни 1203/1788-89 — 1237/1821-22). С 1221/1806-07 по 1237/1821-22 г. он был

правителем Хузистана, Луристана и Керманшаха и принимал активное участие в военных действиях на ирано-турецкой границе. См. Бамдад. Т. 3, с. 430—431.

92 Халид-паша, родственник 'Абдаррахман-паши Бабана, также принадлежал к верхушке знати в Бабанском эмирате. Халид-паша был яредан туркам и использовался ими в борьбе с 'Абдаррахман-пашой. См. Джалиле Джалил, с. 56, 73.

93 Автор имеет в виду Мухаммада Хасана, старшего сына Аманаллах-хана (К. Рич называет его Мухаммадом Хусайном). Его матерью была, по словам Рича, дочь банкира, женщина менее знатного происхождения, чем мать второго сына Аманаллах-хана — Хусрав-хана, которая принадлежала к самому знатному семейству в Сенендедже после семьи правителя. Поэтому Мухаммад Хасан был лишен права наследования в пользу своего брата. По свидетельству Рича, старший сын Аманаллах-хана пользовался большой популярностью и имел много сторонников. Мухаммад Хасан-хан вскоре бежал из Сенендеджа и ограбил несколько племен, подвластных его отцу. См. Rich. T. I, с. 209—210.

94 К. Рич (т. 1, с. 210) подтверждает, что обе стороны дрались с большим ожесточением. Аманаллах-хан дал якобы строгие указания, чтобы никто не стрелял в его сына и не ранил его. Но в суматохе сражения Мухаммад Хасан-хан получил рану, от которой сразу по приезде в Сенендедж скончался. Отец, по словам Рича, был без ума от горя, но чувство скорби, видимо, не помешало ему жестоко расправиться со сторонниками сына и казнить более ста представителей знати. Около четырехсот человек бежали в Керманшахан. Аманаллах-хан разрушил их дома и конфисковал имущество.

95 Мухаммад Садик-хан был тоже сыном Аманаллах-хана. См. Хроника, л. 91б.

96 К. Рич (т. 1, с. 210—211) упоминает о страшных поборах, предшествовавших женитьбе Хусрав-хана на каджарской царевне. Аманаллах-хан, по его словам, старался «изо всех сил» нажать на своих подданных, чтобы получить деньги на расходы, которые были огромными.

97 Читаем по тегеранскому изданию хроники: *Лубб-и таварих*, с. 92. В парижской рукописи указан 1238 г. х., хотя в следующем абзаце текста при рассказе о последующих событиях назван 1236 г. х.

98 В тексте: Мурад-пашу. Читаем по тегеранскому изданию хроники (*Лубб-и таварих*, с. 92), поскольку наследовал 'Абдаррахман-паше его старший сын по имени Махмуд.

99 Мухаммад Хусайн-мирза Хишмат ад-Дауле, старший сын Мухаммад 'Али-мирзы, с 1237/1821-22 по 1250/1834-35 г. был правителем Керманшахана и в 1246/1830-31 г. отобрал у своего дяди Мухаммад Таги-мирзы Хусам ас-Салтане Боруджирд, Луристан и Хузистан. Мухаммад-шах по восшествии на престол Мухаммад Хусайн-мирзу сместил и в 1251/1835-36 г. посадил в ардебильскую тюрьму с десятью другими царевичами. Последние девять лет жизни он провел под надзором в Тебризе и умер в 1262/1845-46 г. См. Бамдад. Т. 3, с. 375—376.

100 Сад Фирдауси (Фирдаусийе) был разбит Аманаллах-ханом на месте разрушенной по его приказу мечети, которую построил в Сенендедже Хане-паша Бабан в годы своего правления. Насколько прекрасны были сады Фирдаусийе и Хусравийе, можно судить по описанию К. Рича (т. 1, с. 199—200).

101 Мани — основатель манихейской секты, происходил из Ирана и был убит по приказу сасанидского царя Бахрама I в 275 г. Традиция прославила его как замечательного художника. См. Денике, с. 14.

102 Это лирическое описание садов Аманаллах-хана, занимающее в парижской рукописи две страницы, добавлено автором при последующей доработке текста и в тегеранском издании отсутствует.

103 Далее на страницах 95—98 тегеранского издания хроники следует описание Хусрав-хана как правителя. Текст этого отрывка, отсутствующий в парижской рукописи, заканчивается лакуной, отмеченной издателем книги Исма'илом Ардаланом. См. *Лубб-и таварих*, с. 98, примеч. 1.

104 Для везира Курдистана Фараджаллаха Ардалани, который именовался также управляющим округа Сенендеджа, в 1248/1832-33 г. был написан сокращенный вариант обширной истории ислама *Тарих-и алфи — Ахсан ал-касас ва дафи' ал-гусас*. См. Стори. Т. 1, С. 421.

105 Имеется в виду гора Абидар (Авидар, Авир), у подножия которой находится город Сенендедж. *Лубб-и таварих*, с. 103, примеч. 2.

106 Этими словами заканчивается вариант книги, представленный тегеранским изданием.

107 Хасан 'Али-мирза Шуджа ас-Салтане, шестой сын Фатх 'Али-шаха (годы жизни 1204/1789-90 — 1271/1854-55), с 1231/1815-16 г. управлял Йездом, Керманом и Ширазом и после смерти отца выступил в поддержку брата Хусайн 'Али-мирзы, который претендовал на престол. После воцарения Мухаммад-шаха Хасан 'Али-Мирза по его приказу был ослеплен и последние годы жизни провел в Тебризе под надзором. См. Бамдад. Т. 1, с. 367— 368.

108 'Али-хан Зилл ас-Султан, десятый сын Фатх 'Али-шаха Каджара (годы жизни 1210/1795-96 — 1271/1854-55), с 1232/1816-17 по 1250/1834-35 г. был правителем Тегерана. После смерти отца, как и большинство остальных 59 сыновей Фатх 'Али-шаха, он стал претендовать на престол, провозгласил себя государем и правил четыре дня до прибытия Мухаммад-шаха в Тегеран под именем 'Адил-шаха. См. Бамдад. Т. 2, с. 381— 384.

109 Сын Хусрав-хана Риза-Кули-хан управлял Арделаном с 1250/1834-35 по 1263/1846-47 г. и был женат на сестре Мухаммад-шаха Туба-ханум. После бегства из тегеранской тюрьмы в 1264/1847-48 г. и возвращения в Курдистан он, по словам Махди Бамдада, не выражал большого желания быть покорным шахскому двору. См. Бамдад. Т. 2, с. 25.

110 'Аббас-мирза Наиб ас-Салтане, второй сын Фатх 'Али-шаха Каджара (годы жизни 1213/1798-99 — 1249/1833-34), в возрасте одиннадцати лет был назначен наследником престола и правителем Азербайджана. С 1247/1831-32 г. 'Аббас-мирза управлял Хорасаном. См. Бамдад. Т. 2, с. 215—222.

111 Мухаммад-мирза — старший сын 'Аббас-мирзы Наиб ас-Салтане и будущий шах Мухаммад (1834—1848).

112 Бахрам-мирза, второй сын 'Аббас-мирзы Наиб ас-Салтане, был назначен своим братом Мухаммад-шахом по восшествии его на престол правителем Керманшаха, Луристана и Хузистана. Как претворялся шахский приказ в жизнь, и показывает помощь курдских отрядов новому губернатору. См. Бамдад. Т. 3, с. 376.

113 По-видимому, автор имеет в виду Мирза Абу-л-Касима Кяим-Макама II, везира 'Аббас-мирзы Наиб ас-Салтане и сына Мирза 'Исы Фарахани, известного под именем Мирза Бузурга Каим-Макама I. Мирза Абу-л-Касим родился в 1193/1779 г. и в 1237/1821-22 г. после смерти отца занял его должность при 'Аббас-мирзе. После восшествия на престол Мухаммад-шах назначил его в 1250/1834-35 г. на должность *садр-и азама*, а через

год неожиданно сместил и казнил. Мирза Абу-л-Касим принадлежал к числу крупных деятелей культуры и был талантливым поэтом. См. Бамдад. Т. 1, с. 60—65.

114 Далее (лл. 103а—106б) следует текст, который местами повторяет с. 95—98 тегеранского издания. Однако в издании речь идет о Хусрав-хане Накаме, а в парижской рукописи этот текст составляет часть главы, посвященной его сыну и наследнику Риза-Кули-хану. См. Введение, с. 13.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7.

'Аббас-наме. — ***. Рукопись ЛО ИВ АН СССР, № С 481 (5741).

Акимушкин. — О. Ф. Акимушкин. «Хроника» Шах-Махмуд б. Мирза Фазил Чураса. Критический текст, пер., нслед., коммент. Автореф. канд. дис. Л., 1970.

Ахсан ат-таварих. — A chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i-Rumlu. Vol. 1 (persian text), ed. by C. N. Seddon, Baroda, 1931.

Бамдад. — ***

Богданов. — Л. Ф. Богданов. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении» СПб., 1909.

Бромлей. — Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973.

Васильева. Термины. — Е. И. Васильева. Термины таифе, 'ашират и кабиле в сочинении Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме». — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока» Л., 1969.

Васильева. Хроника Хусрава ибн Мухаммада. — Е. И. Васильева. Хроника Хусрава ибн Мухаммада «Тарих-и Бани Ардалан» как источник по истории и этнографии курдов Арделана XVIII — XIX веков. Автореф. канд. дис. Л., 1977.

Гагарин. — А. Гагарин. Персидский Курдистан. — Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. Тифлис. 1852, кн. 1.

Гелавез. — А. И. Гелавез. Краткая экономическая характеристика системы «эл» и «ашират». — Труды Института экономики. Т. 4. Баку, 1958.

Денике. — Б. Денике. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923.

Джалиле Джалил. — Джаилиле Джалил. Курды Османской империи в первой половине XIX в. М., 1973.

Зубдат ат-таварих-и Санандаджи. — *** Рукопись библиотеки Кембриджского университета.

Кафтырев. — Д. Кафтырев. Исторические, географические и статистические сведения о Персии. СПб., 1829.

Колюбакин. — Б. Колюбакин. Состав населения Персии по племенам и провинциям. — Сборник материалов по Азии. Вып. 4, 1883.

Коран. — Коран. Пер. с араб. Г. С. Саблукова. Казань, 1907.

Курдоев. — К. К. Курдоев. Категория рода и объектная конструкция в персидском языке. — Иранское языкознание. История, этимология, типология (К 75-летию проф. В. И. Абаева). М., 1976.

Лазарев. — М. С. Лазарев. Курдистан и курдская проблема. М., 1964.

Лерх. — П. И. Лерх. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. 1 — 3. СПб., 1856 — 1858.

Маджма' ал-фусаха'. — Риза-Кули-хан «Хидайат». Маджма' ал-фусаха'. Т. 1 — 2. Тегеран, 1295/1878.

Максимович-Васильковский. — П. Максимович-Васильковский. Отчет о поездке по губерниям Западной Персии (Азербайджана и Персидского Курдистана). Ч. 1 — 2. Тифлис, 1903.

Минорский. Турецко-персидское разграничение. — В. Ф. Минорский. Турецко-персидское разграничение. — Известия Имп. Русского географического общества. 1916, т. 2, вып. 5.

Мухаммад-Казим. — Мухаммад-Казим. Наме-йи 'аламарайи Надири (Мироукрашающая Надирова книга). Изд. текста и предисл. Н. Д. Миклухо-Маклая. Т. 1 — 3. М., 1960 — 1966.

Никитин. — В. Никитин. Курды. Пер. с франц. М., 1964.

Першиц. Оседлое и кочевое общество. — А. И. Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. докт. дис. М., 1971.

Першиц. Хозяйство. — А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки). М., 1961.

Петров. — М. П. Петров. Иран (физико-географический очерк). М., 1955.

Петрушевский. Очерки. — И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949.

Петрушевский. Труд Сейфи. — И. П. Петрушевский. Труд Сейфи как источник по истории восточного Хорасана. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 5. Аш., 1955.

Рустамат-таварих. — ***

Стори. — Ч. А. Стори. Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Пер. с англ. Ч. 1 — 3. М., 1972.

Тазкире-йи хадике-йи Аманаллахи. — ***

Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси. — ***

Тарих-и Ардалан. — ***

Тарих-и гитигуша-йи Зандийа. — ***

Фарханг-и джуграфийа-и Иран. — ***

Хади́ке-йи Наси́рийе. — *** История Курдистана (т. е. владений Арделан)/ Мирзы Али Акбер хана «Векайе-негара», рук. ЛО ИВАН СССР (1335/1917 г. из собрания В. Ф. Минорского).

Хажар. — ***

Халфин. — Н. А. Халфин. Борьба за Курдистан. Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М., 1963.

Ханыков. — Н. В. Ханыков. Поездка в Персидский Курдистан. — Вестник Имп. Русского географического общества. 1852. Ч. 6, 1853, № 22, 25.

Чернозубов. — Ф. Чернозубов. Страна Льва и Солнца. Арделян, или Персидский Курдистан (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам). — Известия штаба Кавказского военного округа. Тифлис, 1911, 3-я треть, № 33.

Чириков. — Е. И. Чириков. Путевой журнал русского комиссара — посредника по турецко-персидскому разграничению 1849 — 1852 гг. — Записки Кавказского отделения Имп. Русского географического общества. Тифлис, 1875, кн. 9.

Шараф-наме. Т. 1 — 2. — Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Пер., предисл., примеч. и прил. Е. И. Васильевой. Т. 1. М., 1967; т. 2, 1976.

Шараф-наме. Тегеран, 1343/1965. — ***

Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. — Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимовской. М., 1976.

Blochet. — Catalogue des manuscrits persans de la Bibliotheque Nationale par. E. Blochet. P., 1905.

Browne. — A descriptive catalogue of the oriental MSS. belonging to the late E. G. Browne by E. G. Browne... completed and edited... by R. A. Nicholson. Cambridge, 1932.

The Cambridge History of Islam. — The Cambridge History of Islam. Vol. 1. The land of Iran. Cambridge, 1968.

Curzon. — Persia and Persian question by... G. N. Curzon. L., 1892.

EL — Encyclopedie de l'Islam. Leyden — Paris.

Ker Porter. — Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820 by sir R. Ker Porter. Vol. 1-2. L., 1821 — 1822.

Kinneir. — A geographical memoir of the Persian empire... by J. M. Kinneir, political assistant to brigadier general sir J. Malcolm, in his mission to the court of Persia. L., 1813.

Lambton. — Landlord and peasant in Persia by A. K. S. Lambton. L., 1953.

Lockhart. — Nadir Shah; a critical study based mainly upon contemporary sources by L. Lockhart. L., 1938.

Longrigg. — Four centuries of modern Iraq by S. H. Longrigg. Ox., 1925.

Lycklama. — Voyage en Russie, au Caucase et en Perse dans la Mesopotamie, le Kurdistan, la Syrie, la Palestine et la Turquie execute pendant les annees 1865, 1866, 1867 et 1868 par T. M. Chevalier Lycklama a Nijeholt membre de la Societe de Geographie de Paris. T. 1 — 4. P., 1875.

MacKenzie. — D. N. MacKenzie. The dialect of Awroman (Hawraman-i-Luhon). Grammatical sketch, texts and vocabulary. Kobenhavn, 1966

Malcolm. Histoire de la Perse. — Histoire de la Perse, depuis les temps les plus anciens jusqu'a l'epoque actuelle; suivie d'observations sur la religion, le gouvernement, les usages et les moeurs des habitants de cette contree. Traduit de l'anglais de sir J. Malcolm. P., 1821.

Malcolm. Sketches of Persia. — Sketches of Persia by J. Malcolm, author of «History of Persia», «History of India», etc. L., 1849.

Minorsky. Notes sur la secte des Ahle-Haqq. — Notes sur la secte des Ahle-Haqq par V. Minorsky. P., [1920 — 1921].

Minorsky. The Guran. — V. Minorsky. The Gunran. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies». Vol. 11, 1943, p. 1.

Minorsky. The tribes. — V. Minorsky. The tribes of Western Iran. — «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland». L. 1945, vol. 75, p. 1 — 2.

de Morgan. — J. de Morgan. Mission scientifique en Perse. T. 1 — 4. P., 1894 — 1905.

Morley. — W. H. Morley. A descriptive catalogue of the historical manuscripts in the Arabic and Persian languages, preserved in the library of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L., 1854.

Nikitine. — B. Nikitine. Les Valis d'Ardelan. — «Revue du Monde Musulman». Vol. 49, 1922.

Nikitine. Les Kurdes. — B. Nikitine. Les Kurdes. Etude sociologique et historique. P., 1956.

Rich. — Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of the visit to Shirauz and Persepolis by ... Cl. J. Rich. Vol. 1 — 2. L., 1836.

Rieu. — Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum by Ch. Rieu. Vol. 1-3. L., 1879 — 1895.

Rosenthal. — A history of Muslim Historiography by F. Rosenthal. 2nd ed. Leiden, 1968.

Soane. — E. B. Soane. A short anthology of Guran poetry. — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L., 1921.

Supplement. — Дополнение Мухаммада Ибрахима Ардалани к *Шараф-наме*, рукопись Королевского Азиатского общества.

Tavernier. — Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, ... en Turquie, en Perse et aux Indes. P., 1679.

Vansina. — De la tradition orale. Essai de methode historique par Jan Vansina. 1961.

Veliaminof-Zernof. — Scheref-nameh ou Histoire des kourdes, par Scheref, prince de Bidlis, publiee... par V. Veliaminof-Zernof. T. 1 — 2, SPb., 1860 — 1862.